
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

И. И. РУБИН

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД И СТОИМОСТЬ В СИСТЕМЕ МАРКСА

МОСКВА—1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1928 год на журнал Института советского права
(основан в 1922 году)

„СОВЕТСКОЕ ПРАВО“

Выходит раз в 2 месяца.

6 номеров в год.

Под редакцией: И. С. Войтинского, Ф. И. Вольфсона, Д. А. Магеровского, С. А. Котляревского, Н. Н. Овсянникова, С. М. Прушицкого, С. И. Раевича, Г. Е. Ширвиндта.

„Советское право“ ставит себе целью быть проводником марксистско-ленинской научной мысли в области права и содействовать практике советского социалистического строительства. Исходя из этой основной цели, „Советское право“ включает в свою программу: а) научное освещение проблем советского правового строительства, б) изучение и обобщение опыта работы суда, прокуратуры и других органов советской власти, в) удовлетворение запросов, возникающих у работников советского права в связи с их участием в социалистическом строительстве и в борьбе за укрепление начала революционной законности, г) критическое освещение современного буржуазного права.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1. Общие вопросы теории права и советского правового строительства. 2. Государственное и административное право. 3. Хозяйственное право. 4. Трудовое право. 5. Земельное право. 6. Финансовое право. 7. Уголовное право. 8. Судебное право. 9. Международное право. 10. Правовая жизнь и правовое строительство Союза ССР и отдельных союзных республик. 11. Правовая жизнь и правовое строительство иностранных государств. 12. Судебная практика. 13. Хроника. 14. Жизнь научных учреждений и юридических обществ. 15. Критика и библиография.

Ближайшее участие в работе принимают: В. П. Антонов-Сара-товский, К. А. Архиппов, И. Н. Ананов, Я. А. Берман, С. М. Берцинский, В. Н. Беляев, Я. Н. Бранденбургский, С. М. Бродович, С. Я. Булатов, В. В. Вегер, И. С. Войтинский, Ф. И. Вольфсон, А. Э. Вормс, А. Я. Вышинский, Д. М. Генкин, А. А. Герцензон, В. У. Громов, Г. С. Гурвич, Е. Н. Данилова, А. А. Деревяшкин, В. М. Догдод, В. Н. Дурденевский, В. К. Дябло, А. И. Елистратов, И. Д. Ильинский, М. М. Исаев, П. Д. Каминская, А. В. Карасс, Е. И. Кельман, С. С. Кушкин, А. Д. Кейлин, А. Н. Колесников, Г. И. Кобленц, Е. А. Коровин, С. А. Котляревский, Н. В. Крыленко, С. Б. Крылов, Д. И. Курский, И. Лаговиер, Е. Ф. Лудшувейт, П. И. Люблинский, Д. А. Магеровский, И. А. Малиновский, С. В. Минц, Г. С. Михайлов, С. П. Мокринский, Е. Носов, Н. Н. Овсянников, Е. Б. Пашуканин, И. С. Перетерский, А. А. Пионтковский, С. М. Прушицкий, С. И. Раевич, Г. С. Ривин, И. П. Разумовский, М. О. Рейхель, Д. С. Розенблюм, Б. М. Рубинштейн, Д. Б. Рубинштейн, П. Ф. Сапожников, В. И. Серебровский, А. К. Стальгевич, М. Строгович, П. И. Стучка, А. Н. Трайнин, З. Р. Теттенборн, А. М. Турубинер, Н. Н. Фиолетов, И. Я. Цейликман, Н. И. Челяпов, Г. Е. Ширвиндт, В. Н. Шретер, А. Я. Эстрин.

Подписная цена: на год—7 руб. 50 коп., на полгода—4 руб.

Цена отдельного номера 1 руб. 60 коп.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18, тел. 5-46-36, 2-30-00.

Подписка принимается Отделом подписных и периодических изданий Торгсектора Госиздата: Москва, Рождественка, 21, тел. 4-87-19 и 5-88-91. Ленинград, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-44-56, в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех почтово-телеграфных конторах.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

И. И. РУБИН

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД И СТОИМОСТЬ В СИСТЕМЕ МАРКСА

ДОКЛАД И ЕГО ОБСУЖДЕНИЕ
В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ

МОСКВА 1928

Печатается по постановлению Коллегии Научно-Исследовательского Института Экономики

Ученый секретарь *С. Л. Ронин*

Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса

(Исправленная стенограмма доклада, прочитанного в заседании Обще-Экономической Секции Института Экономики 31 мая и 7 июня 1927 г.).

I.

Товарищи, я выбрал темой для своего доклада вопрос об абстрактном труде и стоимости по двум причинам. Во-первых, насколько мне известно, у вас в семинариях наиболее горячо обсуждались вопросы об абстрактном труде и о форме и содержании стоимости,— поэтому я и решил построить свой доклад таким образом, чтобы остановиться более подробно на вопросе об абстрактном труде, но вместе с тем охватить также вопрос о стоимости, ее форме и содержании.

Вторая причина, побудившая меня избрать данную тему, заключается в том, что данный вопрос является центральным для всей марксовой теории стоимости. Ведь недаром мы эту теорию называем теорией трудовой стоимости. Одно это название уже показывает, что центральным вопросом этой теории является вопрос о соотношении между трудом и стоимостью. Что такое труд, образующий или определяющий стоимость, и что такое стоимость, образуемая или определяемая трудом,— таков центральный вопрос марксовой теории, который я и считаю нужным осветить в настоящем докладе.

Прежде чем перейти к вопросу по существу, я хотел бы сделать краткие методологические замечания.

При помощи какого метода намерены мы подойти к решению поставленного вопроса? Маркс в своем „Введении к критике политической экономии“ отметил, что экономическое исследование может вестись двумя методами: методом движения от конкретного к абстрактному и обратным методом—движения от абстрактного к конкретному.

Первый метод, аналитический, заключается в том, что за исходный пункт нашего исследования мы берем сложное, конкретное явление и, оставляя в стороне множество его черт, выбираем только одну или некоторые его основные черты и, таким образом, от более конкретного понятия переходим к более абстрактному, более бедному, более тощему понятию, как говорит Маркс. Путем дальнейшего анализа мы от этого понятия передвигаемся к еще более бедному понятию, пока не доходим до наиболее абстрактных понятий в сфере данной науки или данного комплекса вопросов, который нас интересует.

Чтобы дать пример, иллюстрирующий это, из области тех вопросов, которые мы сегодня обсуждаем, я хочу напомнить вам соотношение следующих понятий. Марксова теория стоимости построена на следующих основных понятиях: абстрактный труд, стоимость, меновая

стоимость, деньги. Если мы берем наиболее сложное и конкретное из этих понятий—деньги, и путем исследования понятия денег переходим потом к меновой стоимости, как к тому более общему понятию, которое лежит в основе денег; если мы после этого переходим от меновой стоимости к стоимости, а от стоимости—к абстрактному труду,—мы подвигаемся от более конкретного к более абстрактному понятию, т.-е. действуем методом аналитическим.

Но, говорит Маркс, аналитический метод, при всей необходимости пользования им на первой стадии научного исследования, сам по себе удовлетворить нас не может и должен быть дополнен другим методом. После того, как мы, путем анализа, свели сложное явление к его основным составным частям, мы должны теперь проделать обратный путь и, исходя из наиболее абстрактных понятий, показать, каким образом эти абстрактные понятия, развиваясь, приводят нас к более конкретным формам, более конкретным понятиям. Этот путь поступательного движения мысли от более бедных понятий к более богатым и сложным понятиям в нашем случае был бы путем движения от абстрактного труда к стоимости, от стоимости к меновой стоимости и от меновой стоимости к деньгам.

Этот метод Маркс в одном месте называет методом генетическим, потому что при помощи этого метода мы прослеживаем генезис и развитие более сложных форм. В других местах он называет его методом диалектическим. Условимся и мы называть первый метод аналитическим, а второй метод (включающий в себя как аналитический, так и синтетический методы)—диалектическим.

Маркс указывает, что единственным методом, наиболее удовлетворительно разрешающим вопросы науки, он считает метод диалектический. В согласии с этим указанием, мы должны интересующую нас проблему—вопрос об отношении труда к стоимости—подвергнуть исследованию не только при помощи метода аналитического, но и при помощи метода диалектического.

Маркс на многих примерах показывает нам, в какой мере недостаточен метод аналитический. Я приведу три примера.

Относительно теории стоимости Маркс говорит: „Правда, политическая экономия анализировала—хотя и недостаточно—стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, в величине стоимости продукта труда“ (Капитал, т. I. Русск. изд. 1923 г., стр. 47—48).

В другом месте, посвященном теории денег, Маркс говорит: „Если уже в последние десятилетия XVII века далеко ушедший в своих зачатках анализ денег пришел к тому, что деньги суть товар, то все же это лишь начало анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами“ (там же стр. 60). Здесь, как видите, опять метод диалектический отличается от метода аналитического.

И, наконец, еще в одном месте Маркс, говоря о религии, повторяет неоднократно выражавшуюся им мысль о том, что „конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, научный метод“ (там же, стр. 349).

В соответствии с этими указаниями Маркса мы должны решать нашу проблему следующим образом.

Наша задача заключается не только в том, чтобы показать, что стоимость продукта сводится к труду. Мы должны показать и обратное. Мы должны обнаружить, каким образом трудовые отношения людей находят свое выражение в стоимости.

Именно такова основная постановка вопроса, методологически наиболее правильная с точки зрения Маркса.

Если мы ставим вопрос таким образом, мы исходным пунктом исследования берем понятие труда, а не понятие стоимости, мы определяем понятие труда таким образом, чтобы из него вытекало и понятие стоимости.

Это методологическое требование уже дает нам указания насчет правильного определения понятия труда.

Понятие труда должно быть определено нами таким образом, чтобы в нем уже заключались признаки социальной организации труда, — признаки, из которых вытекает форма стоимости, присущая продуктам труда. Никакое понятие труда, из которого не вытекает понятие стоимости, в частности понятие труда в физиологическом смысле, т. е. понятие труда, лишенное признаков характерной для него социальной организации в товарном хозяйстве, не может привести нас к той цели, которая стоит перед нами с точки зрения метода диалектического.

В дальнейшем я постараюсь показать, что разногласия между социологическим пониманием абстрактного труда и физиологическим пониманием абстрактного труда отчасти сводятся именно к различию этих двух методов, диалектического и аналитического. Если с точки зрения аналитического метода можно еще с большим или меньшим успехом отстаивать физиологическое понимание абстрактного труда, то с точки зрения диалектического метода это понятие труда заранее обречено на неудачу, ибо из понятия труда в физиологическом смысле вы никакого представления о стоимости, как о необходимой социальной форме продуктов труда, вывести не можете.

Итак, мы должны определить труд таким образом, чтоб из него — из труда — и его социальной организации для нас стала бы понятна вся необходимость стоимости, как основной социальной формы, принимаемой продуктами труда в товарном хозяйстве, и стали бы понятны законы движения стоимости.

Переходя теперь к анализу труда, мы, прежде всего, начнем с наиболее простого его понятия, с понятия труда конкретного или полезного.

Труд конкретный рассматривается Марксом, как труд в его полезном действии, труд, доставляющий продукты, необходимые для удовлетворения человеческих потребностей. Труд, рассматриваемый с этой материально-технической стороны, и составляет конкретный труд.

Само собой понятно, что, пока речь идет об отдельном индивиду, о Робинзоне, который противостоит природе, его конкретный труд нас нимало не интересует, ибо предметом нашей науки является не хозяйство отдельного индивида, а хозяйство общественное, хозяйство целой группы лиц, ведущееся на основе известного общественного разделения труда. Система общественного разделения труда и есть совокупность различных конкретных видов труда, объединенных в одну известную систему и материально дополняющих друг друга.

Итак, от конкретного труда вообще мы перешли теперь к системе общественного разделения труда, как к совокупности различных конкретных видов труда.

На понятии общественного разделения труда нам придется остановиться несколько подробнее, так как оно играет центральную роль для понимания всей марксовой теории стоимости.

Маркс говорит, что система общественного разделения труда бывает двоякая, как он называет ее — система, опосредствованная обменом, и система, не нуждающаяся в таком опосредствовании обменом, напр., натуральное хозяйство большой семейной общины, социалистической общины и т. д.

Мы сперва остановимся на системе организованного общественного разделения труда, построенной без помощи обмена.

Поскольку речь идет об организованной системе общественного разделения труда, мы имеем перед собой не только конкретный, материально-технический труд, но имеем уже и труд общественный. У Маркса понятие общественного разделения труда стоит на грани между понятием конкретного полезного труда и между понятием общественного труда, общественного хозяйства. С одной стороны, Маркс в самом начале раздела о двояком характере труда (Капитал, т. I, гл. 1, разд. 2) рассматривает общественное разделение труда, как совокупность конкретных видов труда. В других же местах своей книги, в частности в главе о мануфактуре (гл. 12, разд. 4), он рассматривает систему общественного разделения труда с точки зрения характеризующих ее производственных отношений людей. В организованном хозяйстве эти отношения людей сравнительно простые и прозрачные, — труд получает непосредственно общественную форму, т. е. существуют известная общественная организация и определенные общественные органы, которые распределяют труд между отдельными членами общества, при чем труд каждого лица непосредственно входит в общественное хозяйство как конкретный труд со всеми своими конкретными материальными особенностями. Труд каждого лица является общественным именно потому, что он отличается от труда других членов общества и является материальным дополнением к ним. Труд в его конкретном виде является непосредственно трудом общественным. Вместе с тем он является и трудом распределенным. Ведь сама общественная организация труда и состоит в том, что труд распределяется между различными членами общества, и обратно, распределение труда является актом какого-нибудь общественного органа. Труд является одновременно общественным и распределенным, при чем обоими этими признаками он обладает в своей материально-технической, конкретной или полезной форме.

Теперь поставим следующий вопрос: является ли труд в организованной общине также и социально уравненным; встречаем ли мы в такой общине социальный процесс, который можно было бы назвать процессом социального уравнивания труда?

По этому вопросу существуют различные мнения. Некоторые экономисты утверждают, что в любой хозяйственной общине, основанной на разделении труда, всегда существовало социальное уравнивание труда и существовало именно в такой форме, которая по существу не отличается от уравнивания труда в товарном хозяйстве.

Противоположный взгляд высказывают некоторые экономисты, которые говорят, что процесс социального уравнивания труда является процессом, присущим только товарному хозяйству и не имеющим места ни при какой другой форме хозяйства. В частности, эти экономисты отрицают возможность и необходимость социального приравнения труда в социалистическом хозяйстве.

Я в своей книге „Очерки по теории стоимости Маркса“ высказал среднее мнение: я указал, что всякое хозяйство, основанное на

общественном разделении труда, прибегает в той или иной мере и в той или иной форме к социальному приравнению труда различных видов и различных индивидов; но вместе с тем я указал, что в товарном хозяйстве это приравнение труда приобретает совершенно особую социальную форму и дает поэтому место для появления совершенно новой категории, а именно—абстрактного труда. Я думаю, что именно так смотрел на данный вопрос Маркс хотя прямых высказываний его на этот счет мы не имеем. Мне известно наиболее прямое высказывание Маркса, которое относится еще к первому изданию „Капитала“. Сам Маркс говорит: „При каждой общественной форме труда труд различных индивидов отнесен также друг к другу, как человеческий труд, но здесь (т.-е. в товарном хозяйстве) само это отношение является специфической общественной формой труда“ (Kapital, B. I, 1867, S. 32).

Конец фразы мы разберем позже, но пока я хочу лишь отметить, что, повидимому, по мнению Маркса, при каждой общественной форме труда труд различных индивидов отнесен друг к другу, как человеческий труд. Правда, крайние сторонники физиологической версии могли бы утверждать, что Маркс имеет здесь в виду лишь физиологическое равенство разных работ, но такое толкование кажется мне большой натяжкой. Как прямой смысл данной фразы, которая говорит об „общественной форме труда“, так и сопоставление ее со многими другими местами из „Капитала“ показывают, что Маркс имеет здесь в виду процесс социального уравнивания труда.

В приведенную формулу, согласно которой при любой общественной форме хозяйства имеет место социальное уравнивание труда, я считал бы нужным внести некоторое ограничение.

Я считаю, что, скажем, в первобытной семье, где труд разделен между мужчинами и женщинами и фиксирован за представителями каждого пола, при чем переход от занятий мужских к женским не существует и даже запрещен, процесс социального уравнивания труда не может иметь места, хотя бы даже в самых зачаточных формах. Кроме того, в таких общественных организациях, которые были построены на крайнем неравенстве различных социальных групп (напр., на рабстве), социальное приравнение труда могло иметь место только для членов данной социальной группы (напр., для рабов или данной категории рабов). В таком обществе даже понятие труда как такового, как общечеловеческой функции, не могло быть выработано.

Итак, поскольку мы оставляем в стороне те социальные организации, которые были основаны на крайнем неравенстве полов или отдельных групп, и имеем в виду большую общину с разделенным трудом, напр., вроде большой семейной задруги у южных славян, я думаю, что процесс социального приравнения труда был необходим. Тем более будет необходим такой процесс в большой социалистической общине. Но процесс этого приравнения труда в организованной общине отличается коренным образом от того приравнения, которое происходит в товарном хозяйстве. Действительно, представим себе какую-нибудь социалистическую общину, где труд распределен между членами общества. Определенный общественный орган приравнивает друг другу труд различных видов и индивидов, ибо без этого ни один хозяйственный план не может быть осуществлен. Но в такой общине процесс уравнивания труда является второстепенным и дополнительным к процессу обобществления и распределения труда. Труд является прежде всего общественным и распределенным трудом; в качестве производного и добавочного признака сюда может входить также

признак социально уравненного труда. Основная характеристика труда является характеристикой его, как общественного и распределенного труда, а дополнительным признаком является признак социально-уравненного труда.

Здесь я уже воспользуюсь случаем, чтобы сказать, что мне представлялось бы полезным, для более ясного обсуждения интересующих нас вопросов, строго отличать друг от друга следующие три понятия равного труда:

- 1) физиологически равный труд,
- 2) социально уравненный труд и
- 3) тот абстрактный труд, который фигурирует у Маркса, или, еще лучше, абстрактно-всеобщий труд (термин, который Маркс употребляет в „Критике политической экономии“).

Физиологическая однородность разных видов труда существовала во все исторические эпохи и, создавая возможность перехода индивидов от одних занятий к другим, является предпосылкой всякого общественного разделения труда. Социально уравненный труд характерен для всех систем общественного разделения труда, где происходит процесс социального приравнивания труда, т.-е. не только для товарного хозяйства, но, например, и для социалистической общины. Наконец, третье понятие труда, как абстрактно-всеобщего, характерно только для товарного хозяйства. На этом понятии мы еще остановимся ниже; до сих пор мы имели в виду второе понятие труда, как социально уравненного и распределенного.

Посмотрим теперь, какие изменения в организации труда произойдут в нашей общине, если мы представим ее себе не в виде организованного целого, а в виде сочетания отдельных хозяйств частных товаропроизводителей, т.-е. в виде товарного хозяйства.

В товарном хозяйстве мы также найдем перечисленные выше социальные признаки труда, которые были нами раньше прослежены в организованной общине; и здесь мы увидим труд общественный, труд распределенный и труд социально уравненный, но все эти процессы обобществления, уравнивания и распределения труда происходят совершенно в другой форме. Взаимное сочетание трех перечисленных признаков уже совершенно иное, и прежде всего потому, что в товарном хозяйстве отсутствует непосредственная общественная организация труда, и труд не является непосредственно общественным.

В товарном хозяйстве труд отдельного индивида, отдельного частного товаропроизводителя не регулируется непосредственно обществом и, как таковой, в своем конкретном виде еще не входит в общественное хозяйство. Труд становится общественным в товарном хозяйстве только таким образом, что он приобретает признак социально-уравненного труда, а именно труд каждого товаропроизводителя становится общественным лишь благодаря тому, что продукт его приравнивается к продуктам всех других товаропроизводителей, и тем самым труд данного индивида приравнивается труду всех других членов общества и всем другим видам труда. Другого признака для определения общественного характера труда в товарном хозяйстве не имеется. Здесь не существует заранее начертанного плана обобществления и распределения труда, и единственным признаком того, что труд данного индивида включается в общественную систему хозяйства, является обмен продукта данного труда на все другие продукты.

Итак, в товарном хозяйстве, по сравнению с социалистической общиной, признак общественного и признак социально равного или уравненного труда поменялись местами. Раньше характеристика труда,

как равного или уравненного, была результатом производного процесса, производного акта общественного органа, который обобществлял и распределял труд. Теперь труд становится общественным только в той форме, что он становится равным всем другим видам труда, становится социально-уравненным.

Приведу вам только несколько цитат из Маркса, подтверждающих сказанное.

Наиболее яркое место вы найдете в „Критике“, где Маркс говорит, что труд „становится общественным лишь благодаря тому, что он принимает форму абстрактной всеобщности“, т.-е. форму приравнения всем другим видам труда (Kritik, 1907, S. 10). „Абстрактный и в этой форме общественный труд“,—этими словами Маркс часто характеризует социальную форму труда в товарном хозяйстве. Напомню вам также известную фразу из „Капитала“ о том, что в товарном хозяйстве „специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве, как человеческого труда вообще“ (Капитал, русск. изд. 1923 г., стр. 42).

Итак, в товарном хозяйстве центр тяжести социальной характеристики труда передвинулся с признака обобществленного труда на признак равного или социально уравненного труда, уравненного через уравнивание продуктов труда. Понятие равенства труда играет такую центральную роль в марксовой теории стоимости именно потому, что в товарном хозяйстве труд только в качестве равного и становится общественным.

Подобно тому, как из признака равенства труда в товарном хозяйстве вытекает признак общественного труда, точно так же из него вытекает и признак распределенного труда. Распределение труда в товарном хозяйстве состоит не в сознательном распределении его соответственно определенным выявленным заранее потребностям, а регулируется принципом равной выгодности производства. Распределение труда между отдельными отраслями производства происходит таким образом, чтобы во всех отраслях производства товаропроизводители при помощи затраты равного количества труда получали равную сумму стоимости.

Мы перечислили три признака труда—общественного, социально уравненного и распределенного, которые присущи труду и в организованной социалистической общине, но совершенно изменили свой характер и взаимное сочетание в товарном хозяйстве. Здесь перечисленные три признака труда являются основой, на которой вырастают три стороны стоимости. Маркс рассматривает стоимость как единство формы, субстанции и величины стоимости (Wertform, Wertschubstanz, Wertgrösse). „Решающий важный пункт заключался в том, чтобы открыть необходимую внутреннюю связь между формой, субстанцией и величиной стоимости“ (Kapital, B. I, 1867, S. 34). Единство формы, субстанции и величины стоимости является отражением единства труда, как общественного, социально уравненного и количественно распределенного. В товарном хозяйстве производственно-трудовые отношения людей „овеществляются“, и общественные признаки труда принимают форму „вещных“ свойств продуктов труда. „Форма стоимости“ есть общественная форма продуктов труда, отражающая своеобразный общественный характер труда в товарном хозяйстве. „Субстанцию стоимости“ составляет социально-равный труд. Наконец, „величина стоимости“ является выражением общественного распределения труда, точнее, количественной стороны этого процесса распределения труда.

Предложенная нами тройкая характеристика труда помогает нам уяснить себе ту связь, которая в марксовой системе существует между

формой, субстанцией и величиной стоимости. В частности, это тройное деление очень многое выясняет в построении раздела Маркса о „товарном фетишизме“.

Разрешите мне прочесть из второго абзаца этого раздела:

„Во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда или производительной деятельности, с физиологической стороны они во всяком случае являются функциями человеческого организма, и каждая такая функция, каково бы ни было ее содержание и форма, является по существу своему тратой человеческого мозга, мускулов, нервов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно продолжительность таких затрат или количество труда, уже непосредственно, осязательно отличается от качества труда... Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму“ (Kapital, V. I, 1914, S. 35. Русск. изд. 1923 г., стр. 39).

В цитированных трех пунктах Маркс указывает, что не только в товарном хозяйстве, но и при других формах хозяйства мы можем отметить три признака труда, как общественного, равного и количественно распределенного.

Но, — говорит Маркс, — откуда же вытекает загадочный характер продуктов труда, как товаров? И он отвечает: — именно из этой самой товарной формы, в которой все три перечисленные признака труда уже преобразованы и „овеществлены“ в стоимости продуктов труда. „Равенство различных человеческих работ приобретает вещную форму равной стоимости продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения производителей, в которых проявляются эти общественные определения их труда, получают форму общественного отношения продуктов труда“ (там же). В этих трех пунктах у Маркса идет уже речь о субстанции, величине и форме стоимости. Особенно ясно можно проследить ход мыслей Маркса в первом издании „Капитала“, где сейчас же после цитированных трех фраз идет целая страница о субстанции, величине и форме стоимости. Во втором издании эти рассуждения относительно субстанции, величины и формы стоимости Марксом как будто устранены, но на самом деле они только перенесены дальше. Три больших абзаца, которые Маркс предпосылает анализу различных типов хозяйства (хозяйства Робинзона, средневековья и т. д.), посвящены субстанции, величине и форме стоимости ¹⁾.

Я прихожу к следующему выводу. Равный труд может означать прежде всего труд физиологически равный, на котором мы долго не останавливались; далее, он может означать труд социально уравненный, и такой труд мы имеем не только в товарном хозяйстве, но, скажем, и в социалистической общине и в другой большой общине, построенной на общественном разделении труда; и, наконец, мы имеем труд абстрактно-всеобщий, т. е. труд социально уравненный в специфической форме, присущей товарному хозяйству, труд, который только благодаря процессу социального уравнивания становится трудом общественным и распределенным. Только этот социально уравненный труд мы можем называть трудом абстрактным или абстрактно-всеобщим. Следует

¹⁾ Субстанции стоимости посвящен абзац, начинающийся словами: „следовательно, люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда, как стоимости, не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками“ и т. д. (стр. 41—42 русск. изд. 1923 г.). Следующий абзац посвящен величине стоимости, а дальнейший — форме стоимости.

сказать, что в „Критике политической экономии“ Маркса можно заметить некоторые намеки на три вида уравнивания труда: физиологическое уравнивание, социальное уравнивание вообще и социальное уравнивание в товарном хозяйстве. Правда, вполне ясного различия Маркс не проводит, но все-таки следует отметить, что он различает три термина — человеческий труд, равный труд и абстрактно-всеобщий труд. Я не утверждаю, что эти три термина вполне совпадают с тем, что я раньше характеризовал, как физиологически равный труд, социально уравниваемый труд и абстрактный труд, но все-таки некоторые точки соприкосновения имеются.

Таким образом мы, при обсуждении проблемы абстрактного труда, не только не в праве останавливаться на предварительной характеристике труда как физиологически равного, но мы даже не в праве останавливаться на характеристике труда как социально-уравненного. Мы должны перейти от этих двух характеристик к третьей характеристике, рассмотреть ту специфическую форму уравненного труда, которая присуща только товарному хозяйству, т.-е. системе общественного разделения труда, основанной на обмене.

Следовательно, ошибку делают не только сторонники физиологического понимания абстрактного труда, но ошибку делают, по-моему, и те товарищи, которые под абстрактным трудом понимают вообще социально уравненный труд, независимо от специфической социальной формы, в которой это уравнивание происходит.

Необходимо добавить, что эти два понятия труда, а именно физиологически-равного и социально-уравниваемого, очень часто друг с другом путаются и недостаточно ясно отличаются друг от друга. Понятие абстрактно-всеобщего труда предполагает, конечно, и физиологическое равенство и социальное уравнивание труда, но, кроме этих двух признаков, оно предполагает социальное уравнивание в той специфической его форме, которую оно имеет в товарном хозяйстве.

Что грубую ошибку против Маркса делают сторонники физиологического понимания абстрактного труда, можно доказать многими цитатами из Маркса; я хочу прочесть вам только одну цитату, в высшей степени характерную. Маркс в краткой характеристике взглядов Франклина говорит, что Франклин бессознательно для себя свел все виды труда к одному, не интересуясь, есть ли это труд сапожника, портного и т. д. Франклин считает, что стоимость „определяется абстрактным трудом, который не имеет никаких качеств и поэтому измеряется только по своему количеству“ (Kritik, S. 38). Франклину был известен абстрактный труд, но, — прибавляет Маркс, — „так как он не развил понятия труда, содержащегося в стоимости, как абстрактно-всеобщего труда, как общественного труда, простирающегося из всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он не мог понять деньги, как непосредственную форму существования этого отчужденного труда“.

Вы видите, что Маркс здесь резко противопоставляет абстрактный труд абстрактно-всеобщему труду. Абстрактно-всеобщий труд, содержащийся в стоимости, есть труд, специфически присущий товарному хозяйству.

Я резюмирую следующим образом:

Если мы обсуждаем вопрос о соотношении между трудом и стоимостью не только с точки зрения аналитического метода, но и с точки зрения метода диалектического, то мы должны взять за исходный пункт понятие труда и из него развить понятие стоимости.

Если мы с вами пойдем путем аналитическим, если мы будем исходить из стоимости и спросим себя, что под этим понятием скрывается,

то, пожалуй, мы можем сказать, что под стоимостью продуктов скрывается физиологически равный труд или социально уравненный труд, но оба эти ответа будут неудовлетворительны, так как от труда физиологически равного или даже социально уравненного перейти к стоимости мы никоим образом не сможем.

Для того, чтобы диалектически перейти от понятия труда к понятию стоимости, в понятие труда должны быть включены признаки, характеризующие социальную организацию труда в товарном хозяйстве и делающие необходимым появление стоимости, как особой социальной формы продуктов труда. Следовательно, это понятие абстрактно-всеобщего труда должно быть неизмеримо богаче не только понятия физиологического равенства труда, но и понятия социального уравнивания труда вообще.

II.

От физиологически равного труда мы перешли к социально уравненному труду, от социально уравненного труда — к абстрактно-всеобщему.

Мы обогащали наше определение труда новыми признаками на трех стадиях нашего исследования, и только тогда, когда мы перешли уже к третьей стадии и определили труд, как абстрактно-всеобщий, мы получили такое полное определение труда, из которого с необходимостью вытекает категория стоимости, только тогда мы получили возможность перейти от труда к стоимости.

Приблизительно мы могли бы определить абстрактный труд следующим образом: абстрактным трудом называется часть совокупного общественного труда, уравненная в процессе общественного распределения труда со всеми другими частями того же совокупного общественного труда через рыночное уравнение продуктов труда.

Приблизительно такое определение дано мною и в моей книге „Очерки по теории стоимости Маркса“. Я считаю нужным добавить, что социальная природа абстрактного труда не ограничивается тем, что из этого понятия с необходимостью вытекает понятие стоимости; как я мимоходом указал уже в своей книге, понятие абстрактного труда необходимо приводит также к понятию денег, и с точки зрения Маркса это вполне последовательно. Действительно, мы определили абстрактный труд, как труд, который уравнен через всестороннее уравнение всех продуктов труда, но уравнение всех продуктов труда невозможно иначе, как через уравнение каждого из них всеобщему эквиваленту. Следовательно, продукт абстрактного труда обладает способностью быть уравненным со всеми другими продуктами лишь в той форме, что он является всеобщим эквивалентом, или может быть обменен на всеобщий эквивалент.

Что понятие абстрактного труда неразрывно связано у Маркса с понятием всеобщего эквивалента, вы можете особенно наглядно проследить в „Критике политической экономии“. Здесь Маркс к исследованию абстрактного труда подходит следующим образом. Как и в „Капитале“, он сперва исходит из товара или стоимости и аналитическим путем находит скрытый под стоимостью товара абстрактно-всеобщий труд (Kritik, стр 3—4). После того, как Маркс от равенства стоимостей пришел путем анализа к равенству труда, он переходит к детальной социологической характеристике этого равного труда, „общественных определений“ этого труда, того „специфического вида общественности“, который присущ товарному хозяйству (стр. 7). В то-

варном хозяйстве общественный характер труда проявляется таким образом, что „труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, или продукт его — форму всеобщего эквивалента“ (стр. 9 — 10). „Рабочее время, как всеобщее рабочее время, выражается во всеобщем продукте, всеобщем эквиваленте“ (стр. 8). „Труд отдельного лица, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, должен иметь своим результатом всеобщий эквивалент“ (стр. 8).

Как видим, Маркс ставит категорию абстрактного труда в самую неразрывную связь с понятием всеобщего эквивалента или денег. Поэтому мы должны социальную характеристику абстрактного труда вести еще дальше и глубже, не ограничиваясь указанием на то, что труд этот уравнивается через уравнивание его продуктов. Мы должны еще прибавить, что труд становится абстрактным через уравнивание его одному выделенному виду труда, или через уравнивание его продукта одному всеобщему эквиваленту, который поэтому рассматривается Марксом как овеществление или материализация абстрактного труда.

Только с изложенной точки зрения нам открывается одна интересная параллель между Марксом и Гегелем в данном вопросе. Самый термин „абстрактно-всеобщий“ напоминает, как вы знаете, Гегеля. У него абстрактно-всеобщее отличается от конкретно-всеобщего. Различие между ними сводится к тому, что конкретно-всеобщее есть всеобщее, не исключающее различия предметов, охватываемых им, в то время как абстрактно-всеобщее исключает такие различия.

Чтобы понять, почему именно Маркс называет уравненный труд товаропроизводителей абстрактно-всеобщим, сравним процесс уравнивания труда в социалистической общине с процессом уравнивания труда в товарном хозяйстве. Нам бросится в глаза следующее различие. Предположим, что какой-нибудь орган социалистической общины приравнивает друг другу различные виды труда. Что он при этом делает? Он берет все эти виды труда в их конкретной полезной форме, ибо именно в этой форме он их и связывает, но при этом он отвлекает от них одну сторону и говорит, что в данном отношении они друг другу равны. В этом случае равенство выступает, как признак этих конкретных видов труда, как признак от них отвлеченный, но эта общая категория равенства не уничтожает их конкретного различия как полезных видов труда.

В товарном хозяйстве такое уравнивание труда невозможно, ибо нет органа, сознательно уравнивающего эти виды труда. Труд прядильщика и труд ткача не могут быть уравнены друг с другом, пока они остаются конкретными полезными видами труда. Уравнивание их друг с другом происходит лишь косвенным путем, через уравнивание каждого из них третьему, выделенному виду труда, „абстрактно всеобщему“ труду (ср. Kritik, стр. 8 — 9). Этот выделенный вид труда является „абстрактно-всеобщим“ (а не конкретно-всеобщим) именно потому, что он не включает в себя различий разных конкретных видов труда, а исключает эти различия. Он противостоит всем конкретным видам труда, являясь их заместителем или представителем.

Что Маркс в данном случае имел в виду различие абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего, которое намечено у Гегеля, мы можем очень ярко проследить по первому изданию „Капитала“, где вообще следы гегелевской схемы и гегелевской терминологии гораздо ярче выступают, чем во втором издании. У Маркса есть один абзац, который гласит: „В выражении стоимости абстрактно-всеобщее выступает не как особенность конкретного, чувственно-действительного, но наоборот, чувственно-конкретное выступает лишь как форма проявления

или осуществления этого абстрактно-всеобщего... Это извращение, благодаря которому чувственно-конкретное выступает лишь как форма проявления абстрактно-всеобщего, а не наоборот, абстрактно-всеобщее как особенность конкретного, характеризует выражение стоимости и делает его особенно трудным для понимания“ (Kapital, B. I, 1867, S. 771).

В другом месте Маркс говорит: „Тут получается то же самое, как если бы на ряду с тиграми, львами, зайцами и всеми другими реальными животными, которые, соединяясь в группы, образуют различные роды, виды, подвиды, семейства и т. п. животного царства, существовало еще животное, как таковое, индивидуальное воплощение всего животного царства“ (там же, стр. 27).

Если мы расшифруем это выражение Маркса, то мы скажем, что, действительно, в товарном хозяйстве абстрактно-всеобщее выступает не как признак или как особенность конкретного, чувственно-действительного (т.-е. конкретных видов труда), ибо для того, чтобы отвлечь от этих конкретных видов труда известные общие черты, нужен был бы единый общественный орган, которого в товарном хозяйстве нет. Поэтому здесь конкретные виды труда уравниваются друг с другом не через отвлечение от них некоторых общих признаков, а через противопоставление и уравнивание каждого из них с особо выделенным конкретным видом труда, который служит „формой проявления“ всеобщего труда. Для того, чтобы конкретный труд стал всеобщим, всеобщий труд должен выступить в форме конкретного труда. „Рабочее время отдельного лица представляется как всеобщее рабочее время, или всеобщее рабочее время представляется как рабочее время отдельного лица“ (Kritik, стр. 8).

Только в свете этих рассуждений Маркса, которые носят явные следы влияния Гегеля, вам станут понятны и упомянутые мною раньше места из „Критики“, где Маркс говорит, что в товарном хозяйстве труд становится общественным лишь благодаря тому, что он принимает „форму абстрактной всеобщности“.

Эта мысль Маркса имеет большое родство вообще со взглядами его на буржуазное общество. Уже в ранних работах Маркса, напр. в „Немецкой идеологии“, вы найдете выражение той мысли, что в буржуазном обществе, где отсутствует центральная общественная организация хозяйства, представительство общественного интереса всегда переходит к какой-нибудь отдельной организации, к группе лиц, к отдельному классу. Отдельный общественный класс свои частные интересы объявляет интересами всего общества и своим идеям придает „форму всеобщности“ (Form der Allgemeinheit). „Особенный интерес представляется в качестве всеобщего (allgemeines) и всеобщее—в качестве господствующего“ (Marx—Engels, Archiv, B I, S. 266, 267). Если мы сравним с этими выражениями слова Маркса в „Критике“, что общественный труд принимает „абстрактную форму всеобщности“ (abstrakte Form der Allgemeinheit), и что стоимость товаров принимает форму особенного, выделенного товара, денег,—глубокое идейное родство этих концепций бросается в глаза.

Теперь, чтобы закончить вопрос об абстрактном труде, мне остается только коснуться двух упреков, которые делались мне как в статье И. Дашковского („Под Знаменем Марксизма“ 1926 г., № 6), так и различными товарищами.

Первый из них заключается в том, что я будто бы заменяю абстрактный труд процессом абстрагирования от конкретных особенностей труда, т.-е. подставляю вместо абстрактного труда—социальную форму организации труда.

Следует признать, что такая постанoвка, если бы она имела место, расходилась бы с марксовой теорией. Ведь мы утверждаем, что самый характер производственных отношений людей в товарном хозяйстве необходимо приводит к тому, что труд, как с качественной, так и с количественной своей стороны, находит свое выражение в стоимости и величине стоимости товаров. Если бы мы вместо абстрактного труда взяли только социальную форму организации труда, то при ее помощи мы могли бы объяснить лишь „форму стоимости“, т.-е. социальную форму, принимаемую продуктами труда. Мы могли бы объяснить, почему продукт труда принимает форму товара, обладающего стоимостью. Но мы не знали бы, почему этот продукт обладает именно данною, количественно определенною стоимостью. Чтобы объяснить стоимость, как единство формы, субстанции и величины стоимости, мы должны исходить из абстрактного труда, который является не только общественным и социально уравненным, но и количественно распределенным трудом.

У самого Маркса вы можете найти такие формулировки, которые, при желании, дадут вам повод сказать, что Маркс заменяет труд социальной формой труда. Так как было бы слишком долго ссылаться на различные места из сочинений Маркса, я приведу вам только одну фразу, которая показалась бы вам еретической в чьих бы то ни было устах, кроме Маркса. Фраза гласит: „Труд, образующий стоимость, есть специфическая общественная форма труда“ (Kritik, S. 13). И тут же в примечании Маркс говорит, что „стоимость есть общественная форма богатства“. Если вы соедините обе эти фразы, то вместо положения, что труд образует стоимость, вы получите положение, что общественная форма труда создает общественную форму богатства. Какой-нибудь критик мог бы, пожалуй, сказать, что Маркс целиком заменяет труд общественной формой труда,— что Марксу, конечно, и в голову не приходило.

Теперь перехожу ко второму упреку.

Говорят, что в моем изложении получается представление, будто абстрактный труд создается только в акте обмена. Отсюда можно было бы сделать вывод, что и стоимость возникает также только в обмене, между тем как, с точки зрения Маркса, стоимость, а следовательно, и абстрактный труд должны существовать уже в процессе производства. Тут затронут очень серьезный, глубокий вопрос об отношении между производством и обменом. Как нам разрешить эту трудность? С одной стороны, стоимость и абстрактный труд должны существовать уже в процессе производства, а с другой стороны, Маркс в десятках мест говорит, что абстрактный труд имеет свою предпосылку процесс обмена.

Разрешите привести несколько примеров. Возвращаясь к Франклину. Маркс говорит, что Франклин понимал труд как абстрактный, но не понимал, что это есть абстрактно-всеобщий, общественный труд, истекающий из всестороннего отчуждения индивидуального труда. (Kritik, S. 38—39). Главная ошибка Франклина состояла, следовательно, в том, что он не принял во внимание, что абстрактный труд возникает из отчуждения индивидуального труда.

В данном случае у Маркса речь идет не об отдельной фразе. Я вам покажу, что в последующих изданиях „Капитала“ Маркс все резче подчеркивал ту мысль, что в товарном хозяйстве только обмен сводит конкретный труд к абстрактному труду.

Я возвращаюсь к известной фразе, которую я уже упоминал: „Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда, как

стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще" (Капитал, т. I, русск. изд., стр. 41).

В первом издании „Капитала“ эта фраза имела совершенно противоположный смысл. Эта фраза у Маркса гласила так: „Если люди относят одни свои продукты к другим как стоимость постольку, поскольку эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда“ и т. д. (Kapital, B. I, 1867, S. 38).

Маркс, опасаясь, что его поймут в том смысле, будто люди заранее сознательно приравнивают друг другу свой труд как абстрактный, во втором издании совершенно изменил смысл фразы и подчеркнул ту мысль, что уравнивание труда как абстрактного происходит только через обмен продуктов труда. Это характерное изменение от первого издания ко второму.

Как вы знаете, Маркс не ограничился вторым изданием первого тома „Капитала“. Он еще исправил впоследствии текст для французского издания 1875 года, при чем писал, что он внес туда такие исправления, которые он не успел внести во второе немецкое издание. На этом основании Маркс приписывал французскому изданию „Капитала“ самостоятельную научную ценность на ряду с немецким оригиналом.

Во втором издании „Капитала“ вы встречаете известную фразу: „Равенство работ, *toto coelo* различных друг от друга, может существовать лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, абстрактно-человеческого труда“ (русск. изд., стр. 41).

Во французском издании Маркс в конце этой фразы заменяет точку запятой и прибавляет: „и только обмен производит эту редукцию, противопоставляя друг другу на началах равенства продукты самых различных видов труда“ (стр. 29 франц. изд. 1875 г.). Вставка эта в высшей степени характерна и ярко показывает, как далек был Маркс от физиологического понимания абстрактного труда. Как же нам эти высказывания Маркса, которые можно насчитать десятками, примирить с основным положением, что стоимость создается в производстве?

Примирить их не трудно.

Дело в том, что товарищи, обсуждавшие вопрос об отношении между обменом и производством, по-моему, недостаточно отличают два понятия обмена. Мы должны отличать обмен, как социальную форму воспроизводственного процесса, от обмена, как особой фазы этого воспроизводственного процесса, перемежающейся с фазой непосредственного производства.

На первый взгляд обмен кажется нам отдельной фазой процесса воспроизводства. Мы видим, что сперва идет процесс непосредственного производства, затем наступает фаза обмена. Здесь обмен отделен от производства и ему противопоставлен. Но обмен есть не только отдельная фаза процесса воспроизводства, он кладет свою специфическую печать на весь воспроизводственный процесс, он представляет собою особую социальную форму общественного процесса производства. Производство, основанное на частном обмене,—этими словами Маркс часто характеризует товарное хозяйство.

Чтобы вам моя формулировка не показалась спорною, я приведу из III тома „Theorien über den Mehrwert“ (1921, S. 153) слова Маркса

что „обмен продуктов как товаров есть определенная форма общественного труда или общественного производства“. В том же III томе „Теорий“ (стр. 470) вы найдете у Маркса положение, которое объяснит вам, почему он обмен рассматривал как социальную форму труда: „Вся экономическая структура общества вращается вокруг формы труда, т.-е. вокруг формы, в которой работник присваивает себе средства существования“. Поставим теперь вопрос, в какой именно форме присваивает себе средства существования работник в товарном хозяйстве. У Маркса вы найдете несколько раз на этот вопрос следующий ответ: в товарном хозяйстве единственной формой присвоения продуктов является форма их отчуждения. А так как форма присвоения продуктов есть форма общественного труда, то отчуждение, обмен является специфическою формою общественного труда, характеризующею товарное хозяйство.

Если вы примете во внимание, что обмен есть социальная форма самого производственного процесса, форма, которая накладывает печать на ход самого процесса производства, то многие выражения Маркса вам станут вполне понятны. Когда Маркс постоянно повторяет, что абстрактный труд является только результатом обмена, это значит, что он является результатом данной социальной формы производственного процесса. Лишь по мере того, как процесс производства принимает социальную форму производства товарного, т.-е. основанного на обмене, труд принимает форму абстрактного труда, и продукты труда принимают форму стоимости.

Итак, обмен есть форма всего производственного процесса или форма общественного труда. Как только обмен стал действительно господствующею формою процесса производства, он кладет свою печать и на фазу непосредственного производства. Иначе говоря, так как люди производят сегодня не первый день, так как производитель производит после того, как он вступал в акты обмена, и перед тем, как он вступит в последующие акты обмена, то и процесс непосредственного производства приобретает определенные социальные признаки, соответствующие организации товарного хозяйства на началах обмена. Товаропроизводитель, хотя бы он находился у себя в мастерской и в данный момент не вступал в обмен с другими членами общества,— уже чувствует на себе давление со стороны всех тех лиц, которые выступают на рынке в качестве его покупателей, конкурентов, лиц, покупающих у его конкурентов, и т. д.,— в конечном счете давление со стороны всех членов общества. Эта хозяйственная связь и производственные отношения, которые непосредственно реализуются в обмене, продолжают свое действие и по прекращении данных конкретных актов обмена. Они накладывают резкую социальную печать и на индивида, и на его труд, и на продукт его труда. Уже в самом процессе непосредственного производства производитель выступает в качестве товаропроизводителя, труд его приобретает характер абстрактного труда, а продукт— характер стоимости.

Здесь, однако, я должен предостеречь против ошибки, делаемой очень многими товарищами. Очень многие думают, что так как процесс непосредственного производства уже обладает определенной социальной характеристикой, значит, и продукты труда и труд в фазе непосредственного производства отличаются точь-в-точь теми же социальными признаками, которыми они отличаются в фазе обмена. Такое предположение глубоко ошибочно, ибо хотя обе фазы (фаза производства и фаза обмена) тесно связаны друг с другом, но, тем не менее, фаза производства не стала фазою обмена. Между обеими фазами не

только имеется известное сходство, но и сохраняется известное различие. Иначе говоря, с одной стороны, мы признаем, что с того момента, когда обмен становится господствующей формой общественного труда, и люди производят специально для обмена,—уже в фазе непосредственного производства принимается во внимание характер продуктов труда как стоимостей. Но этот характер продуктов труда как стоимостей еще не есть тот характер, который они приобретут тогда, когда они будут действительно обменены на деньги, когда их, по выражению Маркса, „идеальная“ стоимость превратится в „реальную“, и социальная форма товара будет заменена социальной формой денег.

То же самое относится и к труду. Мы признаем, что товаровладельцы в своих трудовых актах уже в процессе непосредственного производства принимают во внимание состояние рынка и спроса и заранее производят исключительно для того, чтобы превратить свой продукт в деньги, а тем самым свой частный и конкретный труд в общественный и абстрактный труд. Но это включение труда отдельного индивида в трудовой механизм всего общества является лишь предварительным и гадательным; оно подлежит еще суровой проверке в процессе обмена,— проверке, которая для данного товаропроизводителя может дать положительный или отрицательный результат. Таким образом, трудовая деятельность товаропроизводителей в фазе производства является непосредственно частным и конкретным трудом и лишь посредственно, косвенно или скрыто (*latent*), как выражается Маркс, является трудом общественным.

Поэтому, когда мы читаем Маркса, в частности его высказывания о том, как влияет обмен на стоимость и на абстрактный труд, мы должны всегда ставить себе вопрос, что имеет в виду в данном случае Маркс—обмен ли, как форму самого производственного процесса, или обмен, как отдельную фазу, противостоящую фазе производства.

Поскольку речь идет об обмене, как о форме производственного процесса, Маркс решительно заявляет, что без обмена не существует ни абстрактного труда, ни стоимости, что лишь по мере развития обмена труд приобретает характер абстрактного труда. Именно эти бесспорные положения Маркса я и развивал в своей книге.

Там же, где речь идет об обмене, как об отдельной фазе, противостоящей производству, там Маркс говорит, что труд и продукт труда еще до процесса обмена обладают определенным социальным характером, но этот характер должен еще реализоваться в процессе обмена. В процессе непосредственного производства труд еще не является абстрактным трудом в полном смысле слова, он еще становится (*werden*) абстрактным трудом. И такие выражения вы найдете в большом количестве у Маркса. Приведу только две цитаты из „Критики“. „На деле индивидуальные работы, представленные в этих особенных потребительных стоимостях, становятся (*werden*) всеобщим и в этой форме общественным трудом лишь тогда, когда они действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности заключенного в них труда. Общественное рабочее время существует в этих товарах, так сказать, лишь скрыто (*latent*) и проявляется (*offenbart sich*) лишь в процессе их обмена“ (*Kritik*, S. 24). В другом месте Маркс пишет: „Товары противостоят теперь друг другу как двойные существования, реально как потребительные стоимости, идеально как меновые стоимости. Они представляют теперь друг для друга двойственную форму содержащегося в них труда, так как особенный реальный труд действительно существует как их потребительная стоимость, между тем как всеобщее абстрактное рабочее время

получает в их цене мысленно представляемое существование (*vorge-stelltes Dasein*)“ (там же, стр. 52).

Маркс утверждает, что товар и деньги не теряют своих различий от того, что каждый товар должен непременно превратиться в деньги; каждый из них есть реально то, чем другой является идеально, и идеально то, чем другой является реально. Все эти выражения Маркса доказывают, что мы не должны в данном пункте мыслить слишком прямолинейно. Мы не должны думать, что раз уже в процессе непосредственного производства товаропроизводители связаны друг с другом определенными социальными отношениями, то их продукты и их труд носят уже непосредственно общественный характер. Нет, труд товаропроизводителя является непосредственно частным и конкретным, но он получает вместе с тем дополнительную, „идеальную“ или „скрытую“ социальную характеристику в качестве труда абстрактно-всеобщего и общественного. Маркс всегда смеялся над утопистами, которые мечтали об уничтожении денег и верили в догмат, что „содержащийся в товаре особенный труд частного индивида есть непосредственно общественный труд“ (*Kritik*, S. 73).

Таким образом, наши выводы таковы: абстрактный труд и стоимость в процессе непосредственного производства создаются или становятся (*werden* — этот термин Маркс неоднократно применяет к этому процессу) и полностью осуществляются лишь в процессе обмена.

III.

До сих пор я говорил об абстрактном труде. Теперь я должен перейти к стоимости. В вопросе о стоимости моя задача совершенно однородна с той, которая стояла передо мной в вопросе об абстрактном труде. Я старался доказать, что в понятие абстрактного труда мы должны включить признаки социальной организации труда в товарном хозяйстве. Точно так же я хотел бы доказать, что в понятие стоимости мы должны непременно включить социальную форму стоимости, — социальную форму, принимаемую продуктами труда в товарном хозяйстве.

Внести социальную форму и в понятие абстрактного труда и в понятие стоимости, — такова задача, которая стоит передо мной.

Как обычно определяется стоимость в отличие от меновой стоимости?

Если вы возьмете наиболее популярные и широко распространенные взгляды, то, пожалуй, можно сказать, что под стоимостью обычно понимается труд, который необходимо затратить на производство данного товара. Под меновой же стоимостью данного товара понимается тот другой продукт или та сумма денег, на которые обменивается данный товар. Если данный стол произведен при помощи трехчасового труда и обменивается на три стула, то обычно говорят, что стоимость стола, равная трем часам труда, нашла свое выражение в другом продукте, отличном от самого стола, а именно в трех стульях. Три стула составляют меновую стоимость стола.

При таком популярном определении обычно остается не совсем ясным, определяется ли стоимость трудом, или же стоимость и есть самый труд. Конечно, с точки зрения марксовой теории правильно будет сказать, что стоимость определяется трудом. Но тогда перед нами встает вопрос, — что же такое есть эта стоимость, определяемая трудом, и на этот-то вопрос мы обычно удовлетворительного ответа в популярных изложениях не находим.

Поэтому очень часто у читателя рождается представление, что стоимость продукта и есть не что иное, как труд, который необходимо затратить на его производство. Получается ложное представление о полном тождестве труда со стоимостью.

Такое представление наиболее широко распространено в анти-марксистской литературе. Можно сказать, что большая часть тех недоразумений и лжетолкований, которые вы встретите в антимарксистской литературе, построена на ложном представлении, будто у Маркса труд и есть стоимость.

Такое ложное представление часто происходит из непонимания терминологии и смысла сочинений Маркса. Например, известные слова Маркса о том, что стоимость есть „застывший“ или „кристаллизованный“ труд, обычно истолковываются в том смысле, что труд и есть стоимость.

Этому ошибочному представлению способствует двусмысленность русского глагола „представлять“. Стоимость „представляет“ труд,— так переводим мы немецкий глагол „darstellen“. Но эта русская фраза может быть понята не только в том смысле, что стоимость является представителем или выражением труда,—понимание, единственно соответствующее мысли Маркса,—но и в том смысле, будто стоимость есть труд. Такое представление, наиболее распространенное в критической литературе, направленной против Маркса, конечно, является совершенно ложным.

Те критики, которые истолковали слова Маркса о том, что труд составляет субстанцию стоимости, в смысле полного отождествления обоих этих понятий, не обратили внимания на то, что в данном случае Маркс заимствовал терминологию у Гегеля. Тот, кто знаком с „Логикой“ Гегеля, с его учением о сущности, может вспомнить, что Гегель, желая выяснить отношение между двумя объектами — определяющим и определяемым,—прибегает к различным терминам. Сначала он говорит, что один объект является „сущностью“ (Wesen) другого, потом он определяет его как „основу“ (Grund) последнего объекта, далее называет его содержанием (Inhalt) в отличие от формы, после этого он рассматривает тот же объект как субстанцию, как причину, и, наконец, Гегель переходит к рассмотрению взаимодействия между двумя объектами. Мы можем теперь отметить любопытный факт, что у Маркса в применении к труду вы найдете всю эту гамму названий, которую мы встречали у Гегеля. Труд называется и сущностью стоимости, и ее основой, содержанием, субстанцией и причиной. Все эти выражения мы должны привести в связь с теми методологическими принципами, на которых построено учение Гегеля, и тогда для нас станет ясным, что никоим образом нельзя истолковать положение Маркса о том, что труд есть субстанция стоимости, в смысле полного их отождествления.

Именно это положение я и выдвинул в своей книге, в главе о содержании и форме стоимости. Я ставил главной своей целью доказать, что труд есть только субстанция стоимости, но еще не составляет стоимость. Иначе говоря, если критики Маркса говорят: субстанцией стоимости у Маркса является труд, следовательно, труд есть стоимость,—то я подчеркиваю, что труд есть только субстанция стоимости, а для того, чтобы получить стоимость в полном смысле этого слова, мы должны к труду, как субстанции стоимости, прибавить еще что-то другое, а именно социальную форму стоимости. Только тогда мы получим понятие стоимости в том смысле, в каком мы встречаем его у Маркса.

Что же такое представляет собою стоимость, как единство содержания или субстанции (т.е. труда) с формой стоимости? Что такое у Маркса эта стоимость в отличие от меновой стоимости? Чтобы ответить на этот вопрос, нам лучше всего задать себе следующий вопрос: каким образом Маркс переходит от меновой стоимости к стоимости? Почему Маркс считает нужным, на ряду с меновой стоимостью, которая проявляется в реальной действительности в актах обмена, построить еще новое, более абстрактное понятие стоимости?

Вы знаете, что в „Критике политической экономии“ Маркс еще не проводит резкого различия между меновой стоимостью и стоимостью. В „Критике“ Маркс начинает свое изложение с меновой стоимости, а от последней сейчас же переходит к стоимости (которую он называет еще Tauschwert). Переход этот у него очень незаметный, плавный, как будто само собой разумеющийся.

Совершенно иначе делает Маркс этот переход в „Капитале“, и очень любопытно сравнить первые две страницы „Критики“ с „Капиталом“.

Первые две страницы в обоих книгах совершенно соответствуют друг другу, изложение одинаково начинается с потребительной стоимости, а затем переходит к меновой стоимости. Фраза, что меновая стоимость представляется в виде количественного соотношения или пропорции, в которой продукты обмениваются друг на друга, находится в обоих книгах, но после этого начинается расхождение в тексте. Если в „Критике“ Маркс от меновой стоимости незаметно переходит к стоимости, то в „Капитале“ он, напротив, в данном пункте как будто останавливается, предвидя возражения со стороны своих противников. Вслед за упомянутой фразой Маркс замечает: „Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, внутренняя для товара имманентная меновая стоимость представляет, повидимому, бессмыслицу. Рассмотрим дело ближе“.

Как видите, Маркс имел здесь в виду какого-то противника, который хотел бы доказать, что ничего, кроме относительной меновой стоимости, не существует, что понятие стоимости является совершенно излишним в политической экономии. Кто был этот противник, на которого намекал Маркс?

Я не буду сейчас излагать вам подробно и обосновывать свое утверждение, но я полагаю, что этот противник был Бэйли, который доказывал, что понятие стоимости вообще в политической экономии не нужно, что мы должны ограничиться наблюдением и изучением отдельных пропорций, в которых обмениваются различные товары. Бэйли своей поверхностной, но остроумной критикой Рикардо, имевшей большой успех, пытался подорвать самые основы теории трудовой стоимости. Он утверждал, что мы не можем говорить о стоимости стола, а можем только сказать, что стол обменивается один раз на три стула, другой раз на 2 фунта кофе и т. д.; величина стоимости стола есть нечто совершенно относительное и в разных случаях различное. Отсюда Бэйли делал вывод, который сводился к отрицанию понятия стоимости, поскольку последняя отличается от относительной стоимости данного продукта в данном акте обмена. Представим себе такой случай: стоимость стола равна трем стульям. Через год стол этот обменивается на 6 стульев. Мы считаем себя в праве сказать, что, хотя изменилась меновая стоимость стола, но его стоимость осталась неизменной, а упала лишь вдвое стоимость стульев. Бэйли же находит это утверждение нелепым. Раз изменилось меновое отношение стульев

к столу, то изменилось и меновое отношение стола к стульям, а только в этом и состоит стоимость стола.

Чтобы опровергнуть это учение Бэйли, Маркс считал нужным в „Капитале“ развить положение о том, что меновая стоимость не может быть нами понята, если она не будет сведена к некоторому единству, а именно стоимости. 1-й раздел первой главы „Капитала“ посвящен обоснованию этой мысли, переходу от меновой стоимости к стоимости, и от стоимости к единству, лежащему в ее основе, к труду. 2-й раздел является дополнением к первому, так как он лишь поясняет подробнее понятие труда. Мы можем сказать, что Маркс от различий, обнаруживающихся в сфере меновой стоимости, переходит к единству, лежащему в основе всех меновых стоимостей, а именно к стоимости (и в последнем счете к труду). Здесь Маркс показывает ошибочность мнения Бэйли о возможности ограничить наше исследование сферой меновой стоимости. В 3-м разделе Маркс предпринимает обратный путь и поясняет, каким образом единая стоимость данного продукта выражается в самых различных его меновых стоимостях. Раньше Маркс перешел от различий к единству, теперь он переходит от единства к различиям. Раньше он опровергал учение Бэйли, теперь он дополняет учение Рикардо, у которого отсутствовал переход от стоимости к меновой стоимости. Для того, чтобы опровергнуть учение Бэйли, надо было развить дальше теорию Рикардо.

Действительно, задача Бэйли доказать, что, кроме меновой стоимости, никакой стоимости не существует, значительно облегчалась благодаря односторонности Рикардо, который не сумел показать, каким образом стоимость проявляется в определенной форме стоимости. Поэтому перед Марксом стояли две задачи: 1) доказать, что под меновой стоимостью мы должны вскрыть стоимость, и 2) доказать, что стоимость необходимо приводит к различным формам ее проявления, к меновой стоимости. В настоящем докладе я остановлюсь только на первой из этих задач, так как моя тема заключается именно в том, чтобы выяснить понятие стоимости, полное же выяснение понятий меновой стоимости и денег в мою тему не входит.

Каким образом переходит Маркс от меновой стоимости к стоимости?

Обычно критики и комментаторы Маркса считают, что центральная аргументация его заключается в знаменитом сравнении пшеницы с железом на 3-й странице первого тома „Капитала“. Если пшеница и железо уравнены друг с другом, то — рассуждает Маркс — в них должно быть что-то общее равной величины, они должны быть равны чему-то третьему, а это третье и есть их стоимость. Обычно считают, что здесь заключена главная аргументация Маркса, и на эту аргументацию обычно и направляются все критические удары противников Маркса. Нет, пожалуй, ни одного сочинения, направленного против Маркса, в котором не указывалось бы, что Маркс хочет при помощи чисто отвлеченного рассуждения доказать необходимость понятия стоимости.

Что осталось совершенно незамеченным, это следующее обстоятельство: абзац Маркса, который трактует о сравнении пшеницы с железом, является не более, как выводом из предыдущего абзаца, который обычно оставляется без всякого внимания не только критиками, но, мне кажется, и комментаторами Маркса.

Предыдущий абзац гласит: „Известный товар, например, 1 квартер пшеницы в самых различных пропорциях обменивается на другие товары, например, на 20 фунтов сапожной ваксы, или на 2 аршина щелка,

или на $\frac{1}{2}$ унции золота и т. д.; однако меновая стоимость квартера пшеницы остается неизменной, выражается ли она в сапожной ваксе, шелке или золоте. Следовательно, меновая стоимость должна иметь какое-то содержание, отличное от этих способов выражения“ („Капитал“, т. I, русск. изд., стр. 3). Приведенный абзац Маркс тщательно обрабатывал и давал различные его варианты в разных изданиях. Мы привели цитату по русскому переводу, который сделан с немецкого издания, отредактированного К. Каутским. Еще яснее мы можем проследить мысль Маркса по второму изданию „Капитала“, где конец приведенного абзаца гласит: „Но так как X сапожной ваксы, равно как Y шелка, Z золота и т. д., составляют каждое меновую стоимость квартера пшеницы, то X сапожной ваксы, Y шелка, Z золота должны быть способны замещать друг друга или должны представлять одинаковые меновые стоимости. Из этого следует, во-первых, что меновые стоимости, на которые обменивается один и тот же товар, равны между собою“ (курсив наш).

Иначе говоря, два товара, равные данному нашему товару — пшенице, равны между собой. Если вы примете во внимание этот вывод, который Маркс подчеркивает в приведенном варианте, то вы увидите, что следующий абзац является логическим следствием из данного абзаца. Действительно, из того факта, что один и тот же товар может быть выражен в самых различных потребительных стоимостях, Маркс в цитированном абзаце делает вывод, что два товара, обмениваемые на один и тот же товар, или равные третьему товару, равны между собой. Отсюда с логической необходимостью вытекает обратный вывод, который Маркс делает в следующем абзаце: если два товара равны между собою, то они равны чему-то третьему. Именно эту мысль Маркс выражает в том абзаце, где сравнивается пшеница с железом. Итак, положение Маркса о том, что два товара, равные между собою, должны быть равны чему-то третьему, является лишь выводом из его предыдущего положения, согласно которому два товара, равные третьему, равны между собой. Только соединение обоих абзацов освещает истинный смысл аргументации Маркса. Исходный пункт всей аргументации Маркса заключается в констатировании всем известного факта, свойственного товарному хозяйству, факта всестороннего приравнивания всех товаров друг другу и возможности приравнивания данного товара бесконечному множеству всех других товаров. Иначе говоря, исходным пунктом всех рассуждений Маркса является конкретная структура товарного хозяйства, а отнюдь не чисто логический прием сравнения двух товаров друг с другом.

Итак, Маркс исходит из факта всестороннего приравнивания друг другу всех товаров, или из факта, что каждый товар может быть приравнен множеству других товаров. Однако, эта предпосылка сама по себе еще не достаточна для всех выводов, которые Маркс сделал. В основе этих выводов лежит еще одна молчаливая предпосылка, которую Маркс часто выражает в других местах.

Вторая предпосылка заключается в следующем: мы предполагаем, что обмен нашего квартера пшеницы на любой другой товар является обменом, который подчинен известной закономерности, и закономерность этих актов обмена заключается в зависимости их от процесса производства. Мы отвергаем предположение, что квартал пшеницы может быть обменян на произвольное количество железа, кофе и т. д. Мы не можем согласиться с предположением, что каждый раз в самом акте обмена устанавливаются эти пропорции обмена, которые носят совершенно случайный характер. Напротив, мы утверждаем, что все

эти возможности для данного товара быть обмененным на другой товар подчиняются известной закономерности,— закономерности, имеющей свою основу в производственном процессе. В таком случае вся аргументация Маркса принимает следующий вид.

Маркс говорит:— Возьмем не случайный обмен двух товаров — железа и пшеницы, а возьмем этот обмен в том виде, как он действительно происходит в товарном хозяйстве, и тогда мы увидим, что каждый предмет может быть всесторонне приравнен всем другим предметам, иначе говоря, мы наблюдаем бесконечное множество пропорций обмена данного продукта со всеми другими. Но эти пропорции обмена не случайны, они закономерны, и закономерность их определяется причинами, лежащими в производственном процессе. Таким образом, мы приходим к выводу, что независимо от того, что стоимость одного квартера пшеницы выражается один раз в двух фунтах кофе, другой раз в трех стульях и т. д., эта стоимость квартера пшеницы во всех этих случаях остается одной и той же. Если бы мы предположили, что в каждой из бесчисленных меновых пропорций квартал пшеницы имеет иную стоимость,— а к этому сводятся утверждения Бэйли,— то мы признали бы полный хаос в явлениях ценообразования, в том грандиозном явлении обмена продуктов, через посредство которого происходит всестороннее связывание всех видов труда.

Из изложенного хода рассуждений Маркса, который привел его от меновой стоимости к стоимости, мы можем сделать следующие выводы. Один вывод я уже сделал выше, когда указал, что за исходный пункт всего своего исследования Маркс берет товарное хозяйство с присущим ему всесторонним приравниванием всех продуктов, — приравниванием, тесно связанным с ходом производственного процесса. Маркс исходит не из придуманного примера случайного сравнения двух товаров и не из чисто логического анализа тех признаков, которые могут быть им общими, а из реальных форм обмена продуктов, характерного для товарного хозяйства. Второй наш вывод сводится к следующему: когда Маркс сравнивает пшеницу с железом и находит в них что-то „общее“, этим „общим“ он признает „стоимость“ продуктов. В популярной литературе вы не найдете ясного ответа на вопрос о том, что такое то „общее“ в обмениваемых продуктах, о котором говорит Маркс. Иногда это общее правильно рассматривается как стоимость, иногда же оно отождествляется с трудом. Если мы обратимся к Марксу, то на 5-й странице найдем ясный ответ на этот вопрос: „То общее, что выражается в меновом отношении или меновой стоимости товара, и есть его стоимость“. Маркс, следовательно, от меновой стоимости не переходит непосредственно к труду. От меновой стоимости Маркс переходит к понятию стоимости. И только путем дальнейшего анализа он переходит от понятия стоимости к труду. Ход мыслей Маркса, строго говоря, идет по трем ступеням: от меновой стоимости к стоимости и от стоимости к труду.

Вывод, который я делаю, сводится к тому, о чем я говорил раньше, а именно, что надо строго отличать понятие стоимости от понятия труда, хотя часто, особенно в популярном изложении, мы склонны их отождествлять.

Что же такое эта стоимость, которую мы получили путем отвлечения от тех конкретных меновых пропорций, в которых наш квартал пшеницы приравнивается к другим продуктам? Хотя мы сейчас отвлекаемся от тех конкретных продуктов, на которые обменивается наш квартал пшеницы, но мы все же не отвлекаемся от социальной формы стоимости, которою обладает этот квартал пшеницы, т.-е. мы утверждаем,

что наш квартал пшеницы обладает способностью быть обмененным в известной пропорции на любой другой продукт, имеющийся в данном обществе. Далее, эту способность товара к обмену мы рассматриваем как признак его, подчиняющийся известным законам, и, в частности, тесно связанный с условиями производства данного товара. Иначе говоря, в наше понятие стоимости пшеницы входит нечто большее, чем одно только понятие общественного труда, необходимого для его производства. В него входит понятие общественного труда, принявшего „вещную“ форму, форму особого свойства продукта. В наше понятие входит и „содержание“ стоимости и „форма стоимости“. Чтобы доказать, что Маркс отличает стоимость от труда, как содержания стоимости, приведу только одну цитату: „Продукт труда при всяких состояниях общества есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар,—а именно та, которая труду, затраченному на производство предмета потребления, придает вид „вещественного“ свойства последнего, вид его стоимости“ („Капитал“, т. I, русск. изд., стр. 29). В понятие стоимости, таким образом, входит и содержание стоимости (т.-е. труд) и социальная форма стоимости (Wertform). Что же такое эта „форма стоимости“, которая, в отличие от меновой стоимости, входит в самое понятие стоимости?

Я приведу лишь одно наиболее яркое определение формы стоимости в первом издании „Капитала“: „Общественная форма товара и форма стоимости (Wertform) или форма обмениваемости (Form der Austauschbarkeit) суть, таким образом, одно и то же“ („Kapital“, B. I, 1867, S. 28. Курсив Маркса). Как видите, формой стоимости называется форма обмениваемости или социальная форма продукта труда, заключающаяся в его способности быть обмененным на любой другой товар, поскольку эта способность определяется количеством труда, необходимого для производства данного товара. Таким образом, когда мы перешли от меновой стоимости к стоимости, мы не отвлеклись от социальной формы продукта труда. Мы только отвлеклись от того конкретного продукта, в котором выражается стоимость товара, но социальную форму продукта труда мы все время имеем в виду.

Наш вывод можно формулировать еще таким образом: Маркс отличает „форму стоимости“ (Wertform) от меновой стоимости (Tauschwert). Для того, чтобы в самое понятие стоимости внести социальную форму продукта труда, мы вынуждены были произвести как бы расщепление или раздвоение социальной формы продукта на две формы: на Wertform и Tauschwert, понимая под первую социальную форму продукта, еще не конкретизировавшуюся в определенной вещи, а представляющую собой как бы абстрактное свойство товара. Именно это отличие „формы стоимости“ от „меновой стоимости“ я и выяснил в своей книге „Очерки по теории стоимости Маркса“. Правда, там я рассматривал их как качественную и количественную стороны меновой стоимости; я сделал это главным образом потому, что у Маркса в некоторых местах термины Wertform и Tauschwert почти не отличаются друг от друга. Однако полное отождествление Wertform с качественной стороной, а Tauschwert—с количественной не может быть признано правильным, так как оба эти понятия должны рассматриваться и с качественной и с количественной стороны. Этот вопрос не имеет прямого отношения к нашей теме, и потому я дольше останавливаться на нем не буду. Замечу лишь, что именно раздвоение социальной формы продукта на форму стоимости и меновую стоимость подробно обосновано в моей

книге, в согласии с поставленною мною себе задачей. Я должен был внести в самое понятие стоимости признаки социальной формы продукта труда и тем самым доказать недопустимость отождествления понятия стоимости с понятием труда, — отождествления, к которому часто приближались популярные изложения Маркса. Иначе говоря, я должен был доказать, что стоимость состоит не только из субстанции стоимости (т.-е. труда), но и из „формы стоимости“, а для того, чтобы форму стоимости внести в самое понятие стоимости, я должен был отделить ее от меновой стоимости, которая рассматривается Марксом отдельно от стоимости. Я должен был расчленить социальную форму продукта на две части: на социальную форму, еще не принявшую конкретного вида, и на ту же форму, уже принявшую конкретный и самостоятельный вид.

Теперь, после того, как выяснено отличие формы стоимости от меновой стоимости, разрешите мне остановиться на пснятии стоимости и проследить отношение между разными его сторонами: содержанием или субстанцией стоимости (Wertsubstanz) и формою стоимости.

Какое отношение существует между трудом и той социальной формой стоимости, на которой я остановился? Общий ответ на этот вопрос гласит: форма стоимости является адекватною и точною формою выражения содержания стоимости (т.-е. труда). Чтобы пояснить эту мысль, вернемся к прежнему примеру; стол обменивается на три стула. Мы говорим, что этот процесс обмена подчиняется известной закономерности и зависит от развития и изменений производительности труда. Но меновая стоимость есть такая социальная форма продукта, которая не только выражает изменения труда, но которая также замаскировывает и скрывает эти изменения. Она скрывает их по той простой причине, что меновая стоимость есть отношение между двумя товарами, — между столом и стульями, — и поэтому изменение меновой пропорции между этими двумя предметами ничего не говорит нам о том, действительно ли изменился труд, затраченный на производство стола и стульев. Если стол по прошествии некоторого времени обменивается уже на 6 стульев, меновая стоимость стола изменилась, между тем как стоимость самого стола, быть может, ни в малейшей мере не изменилась. Для того, чтобы изучить в чистой форме процесс зависимости изменения социальной формы продукта от количества труда, затраченного на его прозводство, Марксу пришлось данное явление разделить на две части, рассечь его и сказать, что мы должны изучать отдельно те причины, которые определяют стоимость стола, и те причины, которые определяют стоимость стульев; и что одно и то же явление обмена (именно тот факт, что теперь стол обменивается на 6 стульев вместо 3) может вызываться либо причинами, лежащими на стороне стола, либо причинами, коренящимися в условиях производства стульев. Чтобы изучить отдельно действие каждого из этих причинных рядов, Марксу пришлось рассечь факт изменения меновой стоимости стола на две части и предположить, что изменения эти вызываются исключительно причинами, действующими на стороне стола, т.-е. изменением производительности труда, необходимого для производства стола. Иначе говоря, он должен был предположить, что все другие товары, на которые обменивается наш стол, сохраняют свою прежнюю стоимость. Именно при этом предположении изменение стоимости стола послушно следует за изменением количества труда, необходимого для его производства, и социальная форма стоимости оказывается вполне точным и адекватным выражением содержания или субстанции стоимости (т. е. количества труда, необходимого для его производства).

Благодаря определению стоимости, как единства содержания (т.-е. труда) и социальной формы стоимости, мы получаем следующие преимущества. Мы сразу порываем с распространенным отождествлением стоимости с трудом, и таким образом правильнее определяем отношение понятия стоимости к понятию труда. С другой стороны, мы правильнее определяем отношение стоимости к меновой стоимости. Раньше, когда стоимость рассматривалась просто, как труд, и не получала более отчетливой социальной характеристики, эта стоимость, с одной стороны, отождествлялась с трудом, а с другой стороны, была пропастью отделена от меновой стоимости. В понятии стоимости экономисты нередко только дублировали тот же труд и от этого понятия стоимости никак не могли перейти к понятию меновой стоимости. Теперь, когда мы рассматриваем стоимость как единство содержания и формы, мы через содержание связываем стоимость с предшествующим понятием — с трудом, а с другой стороны, через форму стоимости мы уже связываем понятие стоимости с последующим понятием — меновой стоимостью. Действительно, раз мы утверждаем, что стоимость представляет собою не труд вообще, а труд, принявший „форму обмениваемости“ продукта, то от стоимости мы должны непременно перейти к меновой стоимости. Таким образом, понятие стоимости оказывается неразрывно связанным, с одной стороны, с понятием труда, а с другой стороны — с понятием меновой стоимости. Но неразрывная связь всех этих понятий не должна привести к их отождествлению. Стоимость мы рассматриваем как общественный труд, принявший форму „вещного“ свойства продукта труда, или как свойство продукта быть обмененным на любой другой продукт, поскольку это свойство продукта зависит от количества общественного труда, необходимого для его производства.

В заключение я хотел бы отметить, что способ расщепления социальной формы продукта на две части (на *Wertform* и *Tauschwert*, из которых первая сама входит в понятие стоимости, в то время как меновая стоимость является только формой проявления стоимости), может быть, напоминает аналогичный прием у Гегеля. Хотя Маркс в данном случае нигде не намекает на связь своего построения с философией Гегеля, но вы найдете значительное сходство между расщеплением социальной формы продукта у Маркса и учением Гегеля об „удвоении формы“. Я приведу несколько строк, из так называемой малой „Логики“ Гегеля: „Содержание само по себе не лишено формы, но оно заключает в себе самом форму, как, с другой стороны, форма есть нечто внешнее по отношению к нему. Здесь имеется удвоение формы, которая один раз является как рефлектированное в себе содержание, а другой раз — как не рефлектированное в себе внешнее существование, безразличное к содержанию“ (Hegel, Werke, B. 6, 1843, S. 264, § 133). Я думаю, что проводимое Марксом различие между „формой стоимости“, которая заключена в самой стоимости, и „меновой стоимостью“, которая представляет собою нечто „внешнее“ и „безразличное“ по отношению к стоимости, — обнаруживает признаки сходства с тем удвоением формы, которое встречается у Гегеля.

Теперь мне остается перейти к последней части доклада, к вопросу о содержании или субстанции стоимости. Все марксисты сходятся в том, что труд образует содержание стоимости, но весь вопрос в том, о каком именно труде здесь идет речь. Уже из предыдущей части доклада вы могли убедиться в том, какие различные понятия могут быть скрыты под словом „труд“. Какой же именно труд образует

содержание стоимости? Большинство читателей поняли меня в том смысле, что я под содержанием стоимости понимаю труд в его материально-технической форме. Я вполне признаю, что читатели могли понять меня именно так, ибо в моей книге „Очерки по теории стоимости Маркса“ в некоторых местах даны приблизительно такие формулировки. Тем не менее, я должен отметить, что в моей книге в той же самой главе о содержании и форме стоимости не один раз, а три раза даны формулировки, которые могли бы показать, во всяком случае, что под содержанием стоимости у меня речь шла не о труде, рассматриваемом исключительно с материально-технической стороны. На стр. 89—90 я писал: „Труд, как субстанция стоимости, рассматривается Марксом не как определенное количество труда, взятое само по себе, как нечто самостоятельное и абсолютное, накопленное и материально овеществленное в продукте. Этот труд рассматривается с точки зрения процесса распределения общественного труда между различными отраслями производства, он берется, как часть совокупного общественного труда, в его отношении к последнему, как к целому“. В другом месте (стр. 85) я цитирую слова Маркса о стоимости, как „форме, в которой проявляется пропорциональное распределение труда“. Наконец, окончательный итог, к которому я прихожу в упомянутой главе, гласит: „Со стороны качественной, соотношение между трудом, как „субстанцией“ стоимости, и „формой стоимости“ означает соотношение между процессом распределения труда и его специфической социальной, а именно — товарною формой“ (стр. 91). Приведенные цитаты дают мне право утверждать, что я под содержанием стоимости на самом деле имел в виду не труд, рассматриваемый исключительно с материально-технической стороны, а моя мысль приближалась к тому понятию социально уравненного и распределенного труда, о котором я говорил выше. Под содержанием стоимости я разумел труд, взятый как часть совокупного общественного труда, уравненного и распределенного. Но это понятие, которое встречается в моей книге во многих местах, не было у меня достаточно выработано и нуждалось в серьезном исправлении. Только в настоящем докладе я провел резкое разграничение между социально уравненным трудом вообще (который существует не только в товарном хозяйстве, но может существовать, например, и при социализме) и абстрактно-всеобщим трудом, как трудом, уравненным в специфической форме, присущей товарному хозяйству. Сейчас я ставлю вопрос: понимает ли Маркс под содержанием стоимости социально уравненный труд вообще или же абстрактно-всеобщий труд? Иными словами, когда мы говорим о труде, как содержании стоимости, включаем ли мы в понятие труда все те признаки, которые были мною выше включены в понятие абстрактного труда, или же мы берем труд в смысле социально уравненного труда, не включая в него тех признаков, которые характеризуют социальную организацию труда в товарном хозяйстве? Совпадает ли понятие труда, как „содержания“ стоимости, с понятием абстрактного труда, „образующего“ стоимость, или же первое понятие имеет более широкий характер? На первый взгляд вы найдете у Маркса доводы в пользу обоих этих значений „содержания“ стоимости. С одной стороны, вы найдете доводы, которые как-будто говорят, что под трудом, как содержанием стоимости, мы должны понимать нечто более широкое, чем абстрактный труд, т.-е. труд вне тех социальных признаков, кортвые ему присущи в товарном хозяйстве.

Какие доводы мы находим в пользу такого решения вопроса?

Вы часто найдете, что Маркс под содержанием стоимости понимает нечто такое, что может принять социальную форму стоимости, но может принять также и другую социальную форму. Под содержанием понимается нечто, способное принимать различные социальные формы. Такою именно способностью отличается социально уравненный труд, а не абстрактный труд, т. е. труд, уже принявший определенную социальную форму. Социально уравненный труд может принять форму труда, организованного в товарном хозяйстве, и форму труда, организованного, напр., в социалистическом хозяйстве. Иначе говоря, мы в данном случае берем социальное уравнивание труда в его абстрактном виде, не обращая внимания на те модификации, которые в самом содержании (т. е. труде) вызываются той или другой его формой.

Встречается ли у Маркса понятие содержания стоимости в таком смысле? На этот вопрос мы можем ответить утвердительно. Вдумаясь, напр., в слова Маркса о том, что „меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, потраченный на производство вещи“ (Капитал, т. I, русск. изд., стр. 50). Очевидно, труд рассматривается здесь как абстрактное содержание, могущее принять ту или другую социальную форму. Когда Маркс в известном письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. говорит, что общественное распределение труда проявляется в товарном хозяйстве в форме стоимости, он опять-таки рассматривает общественно распределенный труд как содержание, которое может принять ту или другую социальную форму.

Во втором абзаце раздела о товарном фетишизме Маркс прямо заявляет, что „содержание определений стоимости“ мы найдем не только в товарном хозяйстве, но и, напр., в патриархальной семье или средневековом поместье. И здесь, как видим, труд представляет собой то содержание, которое может принять различные социальные формы.

Теперь разрешите мне привести доводы в пользу противоположного положения, согласно которому мы под содержанием стоимости должны понимать труд абстрактный. Прежде всего мы найдем у Маркса некоторые выражения, прямо утверждающие это, напр., следующее: „Они (товары) относятся к абстрактному человеческому труду, как к своей общей общественной субстанции“ (Kapital, B. I, 1867, S. 28. Курсив наш). Это выражение как будто не оставляет никаких сомнений в том, что абстрактный труд является не только образователем стоимости, но и субстанцией или содержанием стоимости. К тому же выводу мы придем на основании методологических соображений. Я выше доказывал, что социально уравненный труд принимает в товарном хозяйстве форму абстрактного труда, и только из этого абстрактного труда вытекает с необходимостью стоимость, как социальная форма продуктов труда. Отсюда следует, что понятие абстрактного труда в нашей схеме непосредственно предшествовало понятию стоимости, и казалось бы, что именно это понятие абстрактного труда и должно быть нами принято за основу, содержание или субстанцию стоимости. Не следует также забывать, что в вопросе о соотношении между содержанием и формой Маркс стоял на точке зрения Гегеля, а не Канта. Кант рассматривает форму как нечто внешнее по отношению к содержанию и извне присоединяющееся к нему. С точки же зрения Гегелевской философии, содержание не представляет собою нечто такое, к чему форма извне прилагается, а само содержание, развиваясь, рождает эту форму, которая заключалась в том же содержании в скрытом виде. Форма вытекает с необходимостью из

самого содержания. Таково основное положение Гегелевской и Марксовой методологии, положение, противоположное Кантовской методологии. С этой точки зрения из субстанции стоимости должна с необходимостью вытекать и форма стоимости, а, следовательно, мы должны за субстанцию стоимости принять абстрактный труд, во всем богатстве его социальных определений, характерных для товарного хозяйства. И, наконец, в качестве последнего довода, укажем, что, если мы примем за содержание стоимости труд абстрактный, мы достигнем значительного упрощения всей Марксовой схемы, так как в этом случае труд, как содержание стоимости, не будет отличаться от труда, образующего стоимость.

Мы пришли к парадоксальному положению, что содержанием стоимости Маркс признает то социально уравненный труд, то труд абстрактный.

Как же нам выйти из этого противоречия? Мне кажется, что это противоречие исчезает, если вспомнить о противоположности обоих методов — аналитического и диалектического, о которых я говорил в начале доклада. Если мы исходим из стоимости, как определенной социальной формы, и ставим себе вопрос, каково содержание этой формы, то оказывается, что эта форма только выражает вообще тот факт, что затрачен общественный труд; стоимость оказывается формой, выражающей факт социального уравнивания труда, — факт, происходящий не только в товарном хозяйстве, но могущий происходить и в другом хозяйстве. Подвигаясь путем анализа от готовой формы к ее содержанию, мы в качестве содержания стоимости находим социально уравненный труд. Но к другому выводу мы придем, если за исходный пункт исследования возьмем не готовую форму, а самое содержание (т. е. труд), из которого с необходимостью должна вытекать форма (стоимость). Чтобы от труда, рассматриваемого как содержание, перейти к стоимости, как к форме, мы должны в понятие труда включить социальную форму организации его в товарном хозяйстве т. е. содержанием стоимости признать абстрактно-всеобщий труд. Возможно, что именно различие обоих методов и объясняется кажущееся противоречие в определении содержания стоимости, которое мы встречаем у Маркса.

Резюмируя изложенное выше в нашем докладе, мы можем сказать, что основные понятия, на которых построена марксова теория стоимости и денег, составляют следующие пять понятий: 1) производственные отношения товаропроизводителей, 2) абстрактный труд, 3) стоимость, 4) меновая стоимость и 5) деньги.

Энгельс в своей статье о „Критике политической экономии“ Маркса указал, что заслуга Маркса заключается в том, что он показал нам всю систему буржуазной экономии в ее внутренней связи. В применении к перечисленным пяти категориям заслуга Маркса заключается в том, что он нам показал внутреннюю неразрывную связь всех этих категорий. К сожалению, эта связь нередко ускользала от глаз читателей, и перечисленные категории рассматривались каждая в отдельности. Вспомним, как обычно представляли себе соотношение между перечисленными пятью категориями.

Начнем с производственных отношений товаропроизводителей. Это было понятие, известное каждому марксисту. Все знали, что изучение производственных отношений людей составляет основу марксовой экономической теории. Но при этом не делали ясной попытки показать, каким образом из производственных отношений людей вытекают те категории, о которых я говорил. Поэтому, когда мы переходили

к абстрактному труду, получался полный разрыв между первым и вторым понятиями. Абстрактный труд определялся как физиологически равный труд, т.-е. совершенно отменялась форма производственных отношений людей как товаровладельцев. Эта форма нами забывалась, и мы вдруг оказывались в сфере физиологически равного труда, одинакового для всех исторических эпох.

Переходя от понятия абстрактного труда к понятию стоимости, я должен отметить, что эти два понятия были всегда в марксистской литературе тесно связаны между собой. Было бы, действительно, в высшей степени странно, если бы сторонники теории трудовой стоимости не связывали понятия труда с понятием стоимости. Но связь эта покупалась дорогою ценою, а именно тем, что стоимость почти отождествлялась с трудом, и не было ясно, чем собственно стоимость отличается от труда. При дальнейшем переходе от стоимости к меновой стоимости получался опять разрыв. Стоимость отождествлялась с трудом, и поэтому неизвестно было, каким образом меновая стоимость вытекает из стоимости. Наконец, между понятием меновой стоимости и понятием денег в марксистской литературе связь всегда была очень прочна, так как Маркс эту связь подчеркнул и выяснил с собою силою. Таким образом, перечисленные пять категорий разбивались на три группы. В первой группе были производственные отношения товаропроизводителей; во второй— абстрактный труд и стоимость и в третьей— меновая стоимость и деньги. Система перечисленных пяти категорий была разорвана в двух местах, именно в том месте, где от производственных отношений мы должны перейти к абстрактному труду, и в том месте, где от стоимости мы должны перейти к меновой стоимости.

Эти разрывы исчезают, если мы будем рассматривать абстрактный труд как труд, обладающий определенной социальной формой, и если мы под стоимостью будем понимать единство содержания и формы стоимости.

Благодаря этим двум преобразованиям, мы получаем неразрывную логическую связь всех перечисленных категорий. Из определенной формы производственных отношений людей, как товаропроизводителей, вытекает понятие абстрактного труда. Из абстрактного труда, рассматриваемого не как физиологически равный труд, а как труд социально уравненный в специфической форме, присущей товарному хозяйству, вытекает с необходимостью понятие стоимости. Понятие стоимости, рассматриваемой как единство содержания и формы, оказывается связанным через свое содержание с предшествующим понятием абстрактного труда, а через свою форму— с последующим понятием меновой стоимости. Наконец, развитие меновой стоимости необходимо приводит к деньгам.

Я не хотел бы, чтобы намеченная мною тесная связь всех этих категорий представлялась вам каким-то логическим самодвижением понятий, рождающих друг друга. Указанная тесная связь понятий, логически вытекающих друг из друга, объясняется тем, что все они построены на понятии производственных отношений людей, как товаровладельцев. Это понятие включает в себе богатое многообразие реальных общественных отношений людей,— отношений, постоянно сталкивающихся и непрерывно развивающихся. Экономические „категории выражают форму бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества“ (Маркс, „Введение к критике политической экономии“). Реальным единством этого общества, истинного объекта нашего исследования, и объясняется логическое единство экономических категорий.

П Р Е Н И Я

Мне не придется спорить с докладчиком по частностям, потому что дело идет об основном и существенном. Очень жалею, что здесь я не вижу т. Дволайцкого, потому что я у него вынужден заимствовать одну идею. Прошлый раз, когда докладчик кончил, Дволайцкий сказал: „Филигранная работа!“. Я с ним совершенно согласен — работа филигранная. И вот, первый вопрос, который по этому поводу возникает, собственно такой: был ли Маркс ювелиром?.. и если нет, то чем он был?

Мне случилось давно уже, много лет тому назад, определить его как кузнеца, и я думаю, что это больше подходит.

Он был кузнец, он ковал оружие. Оружие он ковал для борьбы выступавшего нового класса... Но, кроме того, он был гений, подготовивший пути к будущему, и далекому будущему, более далекому, чем он сам думал.

Работа кузнеца — грубоватая вообще; а Марксу приходилось еще спешить, потому что сделать надо было много. И потому, если вы посмотрите работу Маркса, то вы увидите — сколько сделано, и сколько недоделано и не отделано...

Что вы имеете даже в его главном произведении „Капитал“? Вы имеете всего больше планы, отрывки, наброски; и во всем этом масса повторений, противоречий, вплоть до ляпсусов. Возьмите самую отделанную часть „Капитала“ — первый том, и самую отделанную часть первого тома — I раздел; там, в 3-й главе вы наткнетесь на чудовищный ляпсус, такой, который приводит в недоумение и страх многих преподавателей: там, в определении суммы денег, которая требуется для обращения, Маркс предлагает из количества денег вычитать число оборотов монеты. Это — вроде того, как из пудов вычитать версты, — конечно, грубый ляпсус...

Это одна сторона дела: масса недоделанного и неотделанного. А другая — Маркс был гений, а не талант; и это разграничение следует помнить, когда имеешь дело с такого рода работниками и мыслителями.

Талант — это человек, который на известном поле является хозяином, который хорошо владеет материалом и прекрасно его приводит в порядок, умеет целесообразно, стройно связать, — но только в пределах этого поля.

Гений в некоторых отношениях противоположность таланту. Это — тот, кто разрывает границы полей, тот, кто, часто неожиданно, связывает разбединенное и далекое, сливает области раньше разделенные. В этом сущность гения. Если же вы исследуете социальную базу таланта и гения, то окажется: социальная база таланта, это — разделение труда, как оно есть, а социальная база гения — преодоление существующего разделения труда, разрыв границ между отраслями. То же

делает и Маркс — гений. Но не забудьте, что когда разрываются границы и сливаются поля, то неизбежно выступает момент хаоса. Получается нечто вроде химической реакции между различными веществами, нечто далеко не гладкое, во всяком случае не гладкое и не стройное в самом процессе оформления. Но зато при этом получается всегда больше того, что сам человек предвидел и хотел. В работе гения всегда есть что-то, что вас уводит дальше. Он вам сказал то-то, но вы идете дальше того, что он сказал. Тут есть какие-то ростки, какие-то намеки, которые вас влекут и тянут, и вы начинаете думать совсем не о том, о чем первоначально думали, и намечается что-нибудь новое, иногда совсем в другой области. Я не могу больше останавливаться на этом; но с этим свойством, разумеется, связано творчество в той или иной мере хаотичное, которое с филигранной отделкой совершенно несовместимо. Так что, собственно, „филигранный Маркс“ — это противоречие.

Но задача создать такого Маркса ставится, и поставлена не одним тов. Рубиным. Эта задача ставится давно, и представляет основу того хронического семинария по Марксу, который десятки лет ведется в России. Я прежде сам не понимал смысла этого семинария, но теперь он ясен: идет вопрос о завершении дела Маркса, о том, чтобы сгладить все противоречия, доделать все незаконченности. Доделать за Маркса! Да, задача такова, но, разумеется, при этом приходится отстричь, обрезать все ростки, все вдаль уводящие линии; и тогда, может быть, будет достигнута некоторая, не только стройная в целом, но и филигранно изящная в деталях, система.

Вот, возьмем, например, абстрактный труд: у Маркса абстрактный труд в разных местах определяется неодинаково, имеет разные оттенки. И вообще у Маркса ни одно из определений строго не выдерживается, любое из его положений применяется в разных оттенках смысла. Но в общем можно сказать, что в одних случаях Маркс абстрактный труд определяет так, что это труд (мне пока придется взять формулировку т. Рубина), уравненный на физиологической базе (я потом покажу, что это не совсем точно, но пока я беру эту формулировку). Таким образом, „физиологическое“ или „материально-техническое“ содержание труда Маркс берет, как абстрактное содержание этого труда.

В других случаях Маркс говорит об этом иначе, и эти другие случаи великолепно показал докладчик.

Вот как ставит вопрос т. Рубин: надо, говорит он, так определить абстрактный труд, — это значит — выжать из Маркса и филигранно отделать такое определение, — чтобы из него прямо выводились основные категории анализа капитализма, от товара вплоть до денег. Надо определить так.

Это сделано в высшей степени тонко и умело; и вот в результате у нас такое определение абстрактного труда, в котором уже заключаются и деньги. Что значит — дать такое определение, какое дал т. Рубин? Это значит — найти такое определение абстрактного труда, которое окончательно, бесповоротно и абсолютно привязало бы и эту категорию и все прочие основные экономические понятия к капитализму — это одна сторона, — и делало бы их абсолютно непригодными за пределами капитализма — другая сторона.

Экономическое учение Маркса в этой идеологии пригодно только для капитализма, и только для его анализа может служить: никаких ростков за его пределы, никаких путей к другим экономическим формациям. Этого ли хотел Маркс? — Что же, может быть так и надо: Маркс не додумал, мы за него додумаем, усовершенствуем его.

Работа его была топорная—он кузнец,—а мы ее можем довести до филигранной отделки, тонкости и точности. Может быть, так и надо...

Если бы здесь присутствовал марсианин, который должен был бы по докладу тов. Рубина составить себе понятие о Марксе и доложить своим соотечественникам, он, несомненно, сообщил бы им, что Маркс был не что иное, как исключительно тонко рассуждавший схоластик. На деле Маркс никогда не был ни тонким рассуждателем, ни схоластиком. Я скажу больше. Хотя Маркс и философствовал, несколько тяжеловесно,—но все же основным движущим мотивом у него был не теоретический интерес. Он решал задачу социально-исторического масштаба, а такая задача есть прежде всего задача практическая, и потом уже теоретическая—постольку, поскольку это для практики нужно.

Какую задачу решал Маркс в борьбе против капитализма за социализм? Это задача двойственная. Одна сторона ее—борьба, а другая—идеал, который придется строить. Что преобладало в этой задаче?—Первая сторона, несомненно. Момент борьбы преобладает во всей теории Маркса, а для этого момента требуется преимущественно анализ собственно капитализма, и поскольку это преобладает, поскольку Маркс теряет (что естественно) очень часто из виду другую сторону, постольку у него получается ясное представление лишь о капитализме, и среди разных определений выступают по преимуществу односторонние определения, связывающие ту или иную экономическую категорию именно с капитализмом.

Это вполне естественно вытекает из обстоятельств. Но остается очевидным, что, так или иначе, задача имела и другую сторону. И вот, когда Маркс имеет в виду эту другую сторону, тогда у него выступают другая точка зрения и другие определения, тогда понятия его приобретают более широкий характер. Он их не суживает, как докладчик, а делает их более гибкими, более широкими, так что они могут прилагаться к различным формациям. Там, где у Маркса выступает идея исторического построения исследования, там у него абстрактный труд определяется так, что выступает материально-техническая, „физиологическая“ сторона (напоминаю,—я беру эту формулировку временно, потому что она неточна, но пока для нас достаточна). Так или иначе, это—категория, которая применима не только для капитализма.—Так же и трудовая стоимость. Я не заметил, цитировал ли т. Рубин то место из III тома „Капитала“, где Маркс говорит о стоимости, как о регуляторе социалистического производства, то место, где он говорит, что в социалистическом обществе, в организованном производстве, за пределами капитализма, трудовая стоимость будет иметь еще большее значение, как регулятор производственных отношений, в форме бухгалтерского учета количества труда.

Такая вот формулировка прокладывает мост в теоретическом анализе и в практическом переходе между капитализмом и строительством социализма. Это путь от настоящего, или даже от прошлого, к будущему. И тут выступает вопрос об экономической науке социализма, об его экономической теории. Это, значит, вопрос: будет ли исходить экономическая наука социализма из таких понятий, или из тех, которые филигранно отделил т. Рубин и многие его предшественники.

Дело в том, что из этих понятий ей никак нельзя исходить.

Значит, одно из двух: или исходить из тех марксовых понятий, о которых я говорю, или совсем из марксовых понятий не исходить, и, очевидно, тогда строить какую-то иную линию для экономической теории социализма.

Перед нами выступает истинный смысл работы всего этого многолетнего семинария и работы одного из его лучших завершителей и представителей — т. Рубина.

Тут, собственно, дело идет об умерщвлении Маркса, по существу — к этому сводится. Субъективно, я не говорю, задача не такая, но объективно к этому сводится, хотя субъективно ставится как-будто очень почтенная задача — „закончить“ работу Маркса.

Это, между прочим, и подкладка спора об историзме в политической экономии.

Бухарин, например, формулировал (и многие признают и присоединяются к этому), когда была дискуссия о политической экономии, ту мысль, что для социализма никакой политической экономии не требуется и не должно быть; достаточно экономической политики и экономической географии.

Таким образом, поскольку уходит капитализм, уходит в прошлое и Маркс, и поскольку капитализм совсем уйдет, Маркса не надо, не надо и вообще никакой политической экономии. Отношения будут отчетливы, будут „прозрачны“... Между прочим, слово „прозрачны“ играет здесь совсем особую роль. Дело вот в чем. Формулировка эта опирается на Маркса, который говорит, что там будут „прозрачные отношения“. Делается вывод, что, значит, не нужно будет никакой вообще политической экономии, никакой экономической теории.

Экономическая жизнь капитализма как бы окутана туманом, завесой фетишизма. Если этот туман, эту завесу, то, что затемняет, устранить, то перед нами будут „прозрачные“ отношения. В социализме этого тумана не будет, не будет и необходимости в том, чтобы снимать этот туман. Вот я и спрашиваю: — ну хорошо, а исследовать-то надо будет или нет?

Прозрачность отнюдь не означает понятность без всякого изучения, без научного исследования. Прозрачность социалистических отношений отнюдь не оправдывает представления, что социализм можно организовать так вот легко, по-обывательски. Уверяю вас, что это задача гораздо более сложная, чем какая-либо из задач, существовавших когда-либо при капиталистической практике.

Задач на прозрачные отношения много: скажем, построить какой-нибудь мост или дом. Тут отношения частей совершенно прозрачные, но все-таки сказать, что вы можете построить мост или дом без всякой науки, конечно, невозможно. Тем более нельзя так построить социализм.

Отношения людей могут быть прозрачны, но их все равно необходимо научно изучать.

Поэтому уничтожить значение марксовых экономических категорий для будущего, скажем, для социализма, который будет строиться, это просто значит — сказать, что эти категории мы отбросим, а придется сочинить другие. Практически это неизбежно будет так, как бы мы ни старались себя убедить, что нам никаких теорий тогда не будет нужно.

Так вот я говорю, что долго не понимал смысла этой линии философского семинария по Марксу, который у нас велся, потому что я сам стоял на совершенно другой точке зрения. Я всегда старался развивать экономические понятия Маркса таким образом, чтобы они могли быть приложены к другим историческим формациям. Здесь же ставится задача сделать их не приложимыми нигде, кроме капитализма.

Что существенно в этом способе понимания Маркса? Если Маркса умертвить, то он станет абсолютным, — развивать уже нечего. Он

годится только для капитализма, но зато тут дано все, и больше ничего не требуется. В сущности, это процесс превращения Маркса в своего рода религиозный миф. Я не сторонник этого.

Возьмем, например, ту же категорию абстрактного труда. Я ее понимал таким образом, что она применима не к одному капитализму; но это, конечно, не голое физиологическое понимание процесса труда, да его и не может быть.

Тов. Рубин из Маркса извлекает с успехом (как и вообще он все свое дело делает с успехом) такое определение общественного характера труда,—что продукт труда приобретает общественный характер только через социальное уравнивание и после этого социального уравнивания. Значит, продукт труда до этого уравнивания, которое выражается в обмене продукта на рынке, до него продукт труда не был общественным, не имел общественного характера. Ведь это неверно, если брать слово „общественный“ в том для нас привычном широко историческом значении, которое необходимо вообще, если мы будем стоять на пути историзма.

Труд в его физиологической форме, в форме материально-технического проявления. Этот труд, конечно, является общественным гораздо раньше.

Он определен всецело историческим развитием: работник работает теми методами, которые социально выработаны, работает в системе сотрудничества, которая социально выработана, в системе производственных социальных отношений.

Труд является общественным, и продукт труда имеет общественный характер—в самом производстве, совершенно независимо даже от того, что он попадет на рынок. На рынок он может и не попасть, и тогда, значит, окажется, что он так и не стал общественным, как понимает это т. Рубин; а тем не менее он общественный по существу; в том широком смысле, о котором я говорю, он им был и остался, и не мог не быть; в этом смысле содержание труда всегда социально, даже и при капитализме. И если у Маркса действительно есть такое выражение, что труд становится общественным через его уравнивание, то оно может только выражать ту своеобразную односторонность, о которой я говорил.

Так же и трудовая стоимость. Трудовая стоимость, конечно, может быть понята с успехом в том смысле, какой ей придается тов. Рубиным, и из Маркса может быть извлечено гораздо больше текстов за это, чем против; но трудовая стоимость может быть понята также и как выражение производительности труда, принявшее определенную конкретную форму применительно к тому или иному продукту (стоимость, как величина, обратная производительности труда).

Если мы возьмем понятие производительности труда просто в общей его форме, то оно расплывается; но если мы возьмем его в форме обратного коэффициента стоимости, то мы можем его исследовать применительно к частному случаю, к отдельному продукту. Это другая сторона понятия производительности труда, сторона более конкретная. Итак, можно подобным образом истолковать стоимость, и можно также отказаться от такого понимания.

Например, т. Степанов, который считался раньше очень почтенным марксистом, в предисловии к работе, которую мы с ним писали, говорит, что формулы II тома „Капитала“, относящиеся к распределению общественного производства и соотношениям равновесия между отраслями труда,—что эти формулы имеют значение не только для капитализма, но что они могут послужить исходным пунктом

для распределения труда и организации промышленности при социализме.

Разумеется, истинные марксисты, которые Маркса доделали, закончили и обработали, остригли, почистили и т. д., разумеется, они назовут это величайшей ересью, и будут совершенно правы, потому что это, конечно, есть выход за пределы капитализма и расширение, развитие теории Маркса...

Но мы все время говорим об экономическом Марксе; чтобы понять дело до конца, надо выйти за пределы Маркса экономического и перейти к Марксу социологическому.

Последовательность очень хорошая вещь, но иногда и мрачная. В данном случае легко получается так, что если вы умертвите Маркса экономического, который является основой, то вам придется умертвить и Маркса социологического; ибо, хотя Маркс решал задачу общесоциологического масштаба, но основы ее были экономические.

Капитализм в основе есть явление экономическое, а все остальное является надстройкой на этой основе.

Таким образом, и тут неизбежны попытки умертвить Маркса. Такие попытки уже делались. Сейчас отмечу следующее. Несколько лет тому назад один ученый сделал открытие, которое в течение некоторого времени в нашей литературе весьма муссировалось. Это открытие заключалось в том, что слово „идеология“ у Маркса означает совсем не то, что мы думаем. Мы говорим „идеология“, подразумевая под этим определенное понятие; а у Маркса будто бы это понятие другое, а именно—слово „идеология“ у него означает извращенное представление действительности; и в доказательство приводятся цитаты, в которых Маркс действительно употребляет это слово в смысле такого извращенного, превратного представления действительности.

Теперь это почему-то стало забываться.

Так вот, если мы теперь примем, что это так, то окажется, что пролетарское классовое сознание—не идеология, так как оно не есть извращение; и все, что Маркс говорит о зависимости „идеологической надстройки“ от базиса, это применимо, в конце-концов, только к тем формациям, в которых такое извращение имеется, т. е. практически опять-таки только к капитализму.

По-моему, тут можно пойти гораздо дальше, я не знаю, почему до сих пор этого не использовали,—у Энгельса есть прекрасная формулировка, что сначала развитие общества определялось условиями производства людей, затем условиями производства вещей, а потом—производства идей.

Капитализм—и вообще товарное производство—это господство вещей над людьми, а условия производства вещей—это и значит производственные отношения. А когда капитализм будет уничтожен, тогда приобретает решающее, господствующее значение производство идей, а не материально-производственные отношения.

Ясно, что таким способом все формулы исторического материализма могут быть свободно и успешно отброшены, и я удивляюсь, как товарищи, ведущие эту линию, упускают такую прекрасную возможность.

Теперь я хочу еще сказать несколько слов о гегелизированном Марксе. Как известно, Маркс сам сознавал, что воспитание на Гегеле не во всем было ему полезно, и отчасти старался освободиться от этого влияния, внося даже для этого переделки в свою работу. Тов. Рубин не позволяет ему этого, восстанавливает старый текст, и даже там, где Маркс сам не замечает своего гегелианства, т. Рубин ловит его, напоминая что то-то и то-то взято у Гегеля.

И я укажу на одно характерное заявление, которое показывает, что т. Рубин сам стоит на вполне гегелианской точке зрения. Это там, где т. Рубин объясняет связь категорий у Маркса, их стройное единство и последовательность в переходе от одной к другой. Он эту стройность движения категорий объясняет единством лежащих под ними основных понятий. Но ведь основное понятие—это и есть категория. Значит, мы имеем чистое движение категорий, значит, чистейшее гегелианство; тут перед нами Маркс, превращенный в полного и точного гегелианца. На этом я могу кончить.

Моя задача заключалась в том, чтобы сопоставить две линии. Но которая из них правильная линия, это остается вопросом, потому что я, конечно, излагаю свою точку зрения с некоторым пристрастием в свою пользу. И я должен вам сказать, что когда я становлюсь на „самую объективную“ точку зрения, тогда у меня является серьезное сомнение, кто собственно из нас прав.

Субъективно обе стороны, конечно, правы, и я, как упорный еретик, буду отстаивать свою позицию; но кто прав объективно, я все-таки не знаю, говорю это совершенно серьезно. Может быть, это умерщвление Маркса—полезная задача, и та работа, которая продлевается по превращению его в мертвую, законченную, филигранную систему, может быть очень хорошая работа—освободительная. Ведь „все возникающее достойно гибели“, и кто знает,—может быть, пришло уже время, когда это стало действительным и по отношению к учению Маркса,—может быть, нужны уже новые пути, которые оно преграждает. Сам я не стоял на этой точке зрения, но, может быть, окажется, что это так, и что эта работа облегчает на деле необходимый переход к новым путям. Тогда пусть будущие историки отметят не только великую заслугу наших работников, как пролагателей путей к освобождению от марксовой идеологии; пусть отметят и мою маленькую заслугу, как человека, который первый, раньше их, понял смысл их дела, то, чего они, по-видимому, сами до сих пор еще не поняли.

Выступавший до меня тов. Богданов изображал дело таким образом, что он выступает на собрании, где торжественно хоронят марксизм, и взял на себя почетную роль защитить Маркса от Рубина, социализм от Бухарина и т. д. Доклад тов. Рубина он рассматривает как логический результат того марксистского „семинара“, который ведет работу вот уже 30 лет и который занимается по существу постепенным уничтожением марксизма. Тов. Богданов, как известно, все время вел борьбу против этого марксистского семинара (руководителями которого, между прочим, были Ленин и Плеханов) и в этой борьбе был неоднократно бит. Сегодня он апеллирует к истории, которая должна якобы подтвердить его правоту. История безусловно наилучший свидетель, но мне думается, что история уже сказала свое слово, и не в пользу тов. Богданова. Я не буду поэтому останавливаться на целом ряде вопросов, затронутых тов. Богдановым, а перейду прямо к докладу тов. Рубина.

Тов. Рубин сказал, что одной из причин, побудившей его избрать темой своего доклада „Абстрактный труд и стоимость“, являются споры, имевшие место в семинаре по теоретической экономии нашего Института. Я, как один из участников этого семинара, могу добавить, что в этих спорах принимал участие и тов. Рубин своими „Очерками по теории стоимости Маркса“. Я должен сказать, что подчас споры о правильном или неправильном понимании теории стоимости Маркса превращались в спор о правильной или неправильной интерпретации теории стоимости тов. Рубиным.

Поэтому с большим нетерпением большинство наших товарищей ждали этот доклад. Прослушав же внимательно обе части доклада, я прихожу к следующим общим выводам: 1) доклад во многом отличается от „Очерков“ (в некоторых пунктах признает это и сам тов. Рубин; там же, где ему кажется, что он остается на позициях, развитых в „Очерках“, он все же от них отступает), и мы можем только пожалеть, что тов. Рубин не сделал раньше устной интерпретации своей собственной книжки; 2) но даже в этой исправленной форме точка зрения тов. Рубина в целом ряде пунктов, на мой взгляд, все же не тождественна с точкой зрения Маркса.

Прежде чем перейти к дальнейшему, я затрону некоторые вопросы методологического характера, занимавшие наших товарищей в связи с проблемой стоимости, хотя они и не были затронуты в докладе тов. Рубина. Я здесь буду говорить, возможно, общеизвестные вещи (вообще я не собираюсь открывать Америк), но эти общеизвестные вещи иногда не бесполезно повторять, в особенности, когда о них забывают.

Метод „Капитала“, как известно,—это метод материалистической диалектики, примененный к исследованию производственных отношений капиталистического общества. Но материалистическая диалектика

Маркса выросла на плечах гегелевской диалектики, и именно поэтому, как верно замечает Ленин, без знания „Логики“ Гегеля ничего нельзя понять в первой главе „Капитала“. Только в свете диалектического метода становится понятным весь ход изложения и развития мыслей Маркса в „Капитале“.

Это как-будто знает и тов. Рубин. Целым рядом терминологических упражнений он иллюстрирует родство Маркса с Гегелем. Но несмотря на это, мне кажется, что в своих попытках развить внутреннюю связь между субстанцией, величиной и формой стоимости, открытую Марксом, тов. Рубин все же игнорирует истинное ядро марксовой диалектики.

В докладе т. Рубин противопоставляет аналитический метод диалектическому, отождествляя последний с генетическим методом. Но такое противопоставление незаконно, так как аналитический и генетический методы суть лишь моменты диалектического метода. Диалектический же метод Маркса характеризуется единством анализа и синтеза, потому что действительность выступает как единство сущности и явления. Основной грех вульгарной политической экономии Маркс как раз и видел в том, что она не различает сущности явлений от формы их проявления, смешивая тем самым внутреннюю закономерность движения с теми формами, в которых это движение кристаллизуется на поверхности. Отсюда ее грубый фетишизм. Маркс, напротив, не игнорирует понятия сущности. „Если бы,— говорит он неоднократно,— форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то наука была бы излишней“. Но Маркс, вслед за Гегелем, представляет сущность явлений не по ту сторону этих явлений, а в них самих, как внутреннюю связь, как закон этих явлений.

Тов. Рубин в своей книге довольно часто иронизирует над „скрытой сущностью“, „субстанцией“ и т. д. Он часто говорит, что стоимость не следует понимать как какую-то „скрытую сущность“. Но закон стоимости, как известно, является внутренним законом движения товарного хозяйства; почему же нельзя сказать, что стоимость является той „скрытой“ сущностью, которая проявляется на поверхности например, в движениях цен? Ведь если бы стоимость, как кристаллизованный в товаре абстрактно-человеческий труд, непосредственно выступала на поверхности явлений, как таковой, то зачем нужна была бы тогда политическая экономия?

Для того, чтобы не быть голословным, приведу несколько мест из „Очерков“. „Ошибочно мнение,— говорит т. Рубин,— что стоимость по Марксу есть какая-то скрытая сущность, а меновая стоимость— внешняя форма проявления“ („Очерки“, стр. 85). Или в другом месте: „... изменение производительных сил и общественно-необходимого для производства продукта труда составляет „содержание“ стоимости, ее „субстанцию“, не в смысле скрытой сущности, а в смысле содержания, логически отвлеченного от формы, но нераздельно с нею слитого“ (там же, стр. 89).

Как мы уже заметили, т. Рубин противопоставляет аналитический метод диалектическому. Такое понимание метода Маркса приводит его к ошибочному утверждению, что будто бы ход изложения Маркса не совпадает с ходом его доказательств (см. „Очерки“, стр. 49, 57). Положение Маркса, что способ изложения должен формально отличаться от способа исследования, превращается у т. Рубина в утверждение, что ход доказательств Маркса— обратный ходу его изложения.

Но еще более грубой ошибкой является его замечание, что повод к непониманию значения товарного фетишизма подал сам Маркс

внешним расположением материала в первой главе „Капитала“, отведя теории фетишизма последний раздел (см. „Очерки“, стр. 10). Такое утверждение имеет смысл только в том случае, если т. Рубин считает возможным, что, изменяя расположение материала в I главе „Капитала“, мы не изменяем методу Маркса, который, по свидетельству Энгельса, состоял в развитии науки „в ее собственной, присущей ей связи“. Мне думается, что расположение материала во всякой науке не является чем-то произвольным; в частности же, его расположение в I главе строго соответствует диалектическому методу Маркса. Не случайно раздел о фетишизме следует за анализом формы стоимости. В разделе о товарном фетишизме Маркс воспроизводит внутреннюю структуру, физиологию товарного хозяйства, и последнее выступает там в своей внутренней необходимой связи. В системе же науки это может явиться лишь как результат изложения, но ни в коем случае не как исходный пункт.

Переходим сейчас к проблеме абстрактного труда и стоимости. Тов. Рубин считает, что развитая им в докладе точка зрения на абстрактный труд ничем не отличается от того понимания этой категории, которое он дал в „Очерках“. Что же понимал под абстрактным трудом в своей книге тов. Рубин? Там, как известно, тов. Рубин считал, что субстанция стоимости и абстрактный труд соотносительны как содержание и форма. Сегодня в докладе мы слышали нечто другое: оказывается, что субстанция стоимости по Марксу это и есть абстрактный труд. Я думаю, что это последнее утверждение правильно. Маркс неоднократно высказывался по этому вопросу с ясностью, не оставляющей места сомнениям. Так, напр., в „К критике“ он говорит: „Как меновые стоимости, они (товары) представляют меньшие или большие количества простого, однородного абстрактно-всеобщего труда, который составляет—субстанцию меновой стоимости“. (Курсив мой.—Г. Д.) Аналогичные заявления мы находим и в „Капитале“.

Если, таким образом, в „Очерках“ тов. Рубин считал, что субстанция стоимости и абстрактный труд суть различные понятия, то какое же он вкладывал содержание в эти понятия? Субстанцией стоимости тов. Рубин называл то материально-технический процесс производства, то затрату труда в физиологическом смысле (см. „Очерки“, стр. 59, 88, 105 и др.). Субстанция же стоимости, т.е. затрата труда в физиологическом смысле, не включалась им тогда в понятие абстрактного труда; она являлась лишь его предпосылкой. „Затрата человеческой энергии, как таковой, в физиологическом смысле,—говорил т. Рубин,—еще не составляет абстрактного труда как создателя стоимости, хотя и является его предпосылкой“ („Очерки“, стр. 102). В своей книге тов. Рубин противопоставляет субстанцию стоимости (затрата человеческой рабочей силы) абстрактному труду (производственному отношению между товаропроизводителями), как содержание—форме. „Абстрактным трудом,—говорит он,—мы называем само производственное отношение между товаропроизводителями“ (там же, стр. 112). Таким образом, понятие абстрактного труда относится им к социальной форме организации труда, в противоположность субстанции стоимости.

В докладе т. Рубин вступил на путь исправления этих ошибок. Во-первых, признанием, что субстанция стоимости и есть абстрактный труд, и, во-вторых, включением физиологической затраты в само понятие абстрактного труда. Это новое понимание абстрактного труда тов. Рубин выразил в своем докладе следующим образом: „Понятие абстрактно-всеобщего труда включает в себя, конечно, и физиологи-

ческий труд и социально-уравненный труд, но кроме этих двух признаков, оно включает еще и социальное уравнение в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве. Несмотря на то, что здесь т. Рубин сделал шаг вперед, все же мне думается, что и это определение понятия абстрактного труда не удовлетворительно как с точки зрения его „Очерков“, так и с точки зрения Маркса. Оно находится, во-первых, как мы это попытаемся показать в дальнейшем, в противоречии с общей концепцией т. Рубина, с его пониманием социального. Но оно, кроме того, не совпадает с марксовым определением понятия абстрактного труда, которое одно только дает ключ к пониманию формы стоимости и денег.

Это противопоставление субстанции стоимости абстрактному труду, между прочим, служит т. Рубину в „Очерках“ сомнительным средством для объяснения тех мест I главы „Капитала“, где Маркс недвусмысленно определяет абстрактный труд как затрату человеческой рабочей силы вообще. Чтобы отвести упрек в том, что его определение абстрактного труда не совпадает с марксовым, тов. Рубину ничего более не остается, как защищать по меньшей мере странное положение, будто в первых разделах I главы „Капитала“ Маркс отвлекается от общественной формы организации труда и анализирует только субстанцию стоимости; субстанция же стоимости, как мы видели, является по Рубину лишь предпосылкой абстрактного труда. Тем самым анализ Маркса в разделе о двойственном характере труда тов. Рубин относит к предпосылке абстрактного труда, а не к абстрактному труду. А предпосылкой абстрактного труда, говорит тов. Рубин, является затрата человеческой рабочей силы; поэтому Маркс и определяет здесь абстрактный труд в таком смысле (см. „Очерки“, стр. 105). Но ведь Маркс, как мы знаем, ни одним звуком не говорит о „предпосылке“, а совершенно недвусмысленно заявляет, что абстрактным трудом он называет то-то и то-то. После этого тов. Рубину ничего более не остается, как прямо предостерегать от „буквального“ понимания смысла слов Маркса, которое, по его мнению, находится в вопиющем противоречии с теорией стоимости в целом (см. „Очерки“, стр. 99).

Несмотря на эту „опасность“, все ортодоксальные марксисты, и Ленин среди них, буквально понимали определение абстрактного труда, данное Марксом в начале „Капитала“ (см. Ленин, том XII, часть 2, стр. 324).

В своем докладе т. Рубин утверждал, что создавшееся мнение, будто он стоит на той точке зрения, что абстрактный труд создается в обмене, является необоснованным и может возникнуть лишь в результате поверхностного ознакомления с его работой; оказывается, что нужно проводить различие между обменом, как социальной формой организации труда (который и создает абстрактный труд), и обменом как фазой процесса воспроизводства. Я все же думаю, что это мнение (поскольку оно относится к „Очеркам“) обосновано. В этом можно убедиться, взглянув хотя бы на 103 стр. его „Очерков“, где прямо говорится, что „абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена“ (курсив тов. Рубина). Можно ли это место толковать так, как его сейчас толкует т. Рубин—судите сами. Но даже это новое толкование, как мы увидим ниже, не совпадает с марксовым.

Тов. Рубин, между прочим, утверждал здесь, что Маркс будто бы в десятках мест говорил, что абстрактный труд создается в обмене. Но это же не верно. Маркс в десятках мест говорит другое: он говорит, что абстрактный труд обнаруживается в обмене. Я приведу

только одну цитату из „К критике“: „Общественное рабочее время заключается в этих товарах, так сказать, в скрытой форме и обнаруживается только в процессе обмена. Мы не исходим из труда индивидуумов, как общественного труда, но, наоборот, отправляемся от особенного индивидуального труда, который только в меновом процессе, через уничтожение его первоначального характера, обнаруживается, как всеобщий общественный труд“ (стр. 27, курсив мой. — Г. Д.).

Совершенно очевидно, что обнаружиться может лишь то, что находит объективную форму выражения и существования. Последнюю же абстрактный труд приобретает только в процессе обмена потому, что только в этой форме в товарном хозяйстве частный труд обнаруживает себя как общественный труд. Тем самым мы можем сказать, что объективная форма выражения абстрактного труда возникает в обмене, но это не то, что мы имеем у т. Рубина, утверждающего, что абстрактный труд создается в обмене.

Для подтверждения этого мнения тов. Рубин привел в докладе цитату Маркса из „К критике“ по поводу Франклина. Но мне думается, что тов. Рубин не совсем точно перевел это место, хотя его перевод и согласуется с большинством русских переводов; но, что более важно, он не верно интерпретирует это место Маркса. Я сейчас его зачитаю по немецкому тексту и тт., знающие немецкий язык, смогут убедиться в правильности моей мысли:

„Da er aber, die im Tauschwert enthaltene Arbeit nicht als die abstrakt allgemeine, aus der allseitigen Entäusserung der individuellen Arbeiten entspringende gesellschaftliche Arbeit entwickelt, erkennt er notwendig Geld als die unmittelbare Existenzform dieser entäusserten Arbeit“ („Zur Kritik...“ 1922, S. 38). Маркс, по мнению тов. Рубина, упрекает здесь Франклина в том, что он не принял во внимание факта возникновения абстрактного труда в процессе обмена. А раз Маркс упрекает в этом Франклина, то сам, очевидно, считает, что абстрактный труд возникает в обмене. Так, во всяком случае, думает тов. Рубин.

Что касается перевода, то мне кажется, что слово *entspringende* нужно относить не к „abstrakt-allgemeine“, но к слову „gesellschaftliche Arbeit“.

И все это место следует перевести следующим образом: „Но так как он (Франклин.—Г. Д.) не развивает труд, содержащийся в меновой стоимости, как абстрактно-всеобщий, возникающий из процесса всеобщего отчуждения индивидуального труда общественный труд, то он неизбежно упускает из виду значение денег как непосредственной формы существования этого отчужденного труда“. Здесь мы ясно видим, что Маркс упрекает Франклина не в том, что последний не понял возникновения абстрактного труда в обмене, а в том, что он не развил, как абстрактно-всеобщий труд только в процессе всеобщего отчуждения индивидуального труда возникает как общественный труд и тем самым приобретает непосредственно объективную форму существования в деньгах. По Марксу не абстрактный труд возникает в обмене, а его объективная форма выражения и существования. Вот чего не понял Франклин и не понял потому, что упустил из виду самую характерную особенность товарного хозяйства, согласно которой общечеловеческий характер труда, а не конкретный, является общественной формой труда.

Но еще более неудачной нужно признать попытку тов. Рубина изобразить дело таким образом, что у Маркса есть целый ряд мест,

дающих повод думать, что у него понятие абстрактного труда исчерпывается только формой труда. Подтверждается это, по мнению тов. Рубина, следующим местом из „К критике“: „Труд, создающий меновую стоимость,—говорит там Маркс,—является специфически общественной формой труда“. Правильно ли это утверждение Маркса?—Правильно. Но подтверждает ли оно мысль тов. Рубина?—Нет. Дело в том, что этим местом Маркс выражает то простое положение, что меновая стоимость создается абстрактным трудом. Но дается ли здесь определение абстрактного труда?—Нет; это Маркс сделал несколько выше, при анализе двойственного характера труда, содержащегося в товаре.

Как же Маркс определяет там абстрактный труд? Это так общеизвестно, что я не буду приводить соответствующих цитат из начала „Капитала“. Понятие абстрактного труда по Марксу выражает общечеловеческий характер труда, т. е. затрату человеческой рабочей силы вообще, как специфически общественной формы труда. Можно привести десятки мест из всех работ Маркса, где он дает именно такое определение абстрактного труда. Но против „буквального“ понимания этих определений, как мы знаем, возражает тов. Рубин. Такое понимание он считает не социальным, не историчным и, тем самым, находящимся в вопиющем противоречии с стоимостью, как категорией социальной и исторической. Тов. Рубин думает спастись от этих противоречий конструированием новой теории абстрактного труда, „насквозь“ социологической и „насквозь“ исторической. „Если мы не остановимся,—говорит он,—на предварительных определениях, даваемых Марксом на первых страницах его труда, а дадим себе труд проследить дальнейшее развитие его мыслей, мы найдем у самого Маркса достаточно элементов для социологической теории абстрактного труда“ („Очерки“, стр. 100).

Мне думается, что эти „предварительные“ определения, о которых говорит тов. Рубин, не противоречат пониманию стоимости как категории социальной и исторической; труд же, потраченный на поиски у Маркса „элементов“ для „новой“ теории абстрактного труда, вряд ли может быть причислен к категории общественно-полезного труда.

Тов. Рубин находит вышеупомянутое противоречие потому, что затрату человеческой рабочей силы (а это есть физиологическая затрата), он, подобно Струве, противопоставляет социальному пониманию труда. Для него затрата человеческой рабочей силы есть только натуралистическое понятие. Раз равенство труда, рассуждает он, есть понятие физиологическое, то оно лишено всяких элементов социальных и исключает социальное понимание этого равенства. Равенство труда, как затрата человеческой рабочей силы, относится, по его мнению, к природе, равенство же труда в социальном смысле относится к социальной форме организации труда и выражает равенство товаропроизводителей, как субъектов хозяйства. Материальное противопоставляется тов. Рубиным социальному, и ни одного атома материального не может содержаться в социальном. Но если для тов. Рубина затрата человеческой рабочей силы, как физиологическая затрата, есть явление только материальное, исключаяющее всякие элементы социальности, то как же это примирить с его новым определением абстрактного труда, согласно которому понятие абстрактного труда включает и физиологическую затрату, т. е. нечто материальное?

Ведь в своих „Очерках“, развивая понятие абстрактного труда, он, в противоположность „физиологическому“ пониманию, требовал, чтобы понятие абстрактного труда не содержало в себе ни одного

атома материи. Включив сегодня этот атом материального, он пробивает брешь в своей „социологической“ теории абстрактного труда. Как же сейчас примирить, тов. Рубин, ваше новое определение абстрактного труда с вашим пониманием социального?

Все это противопоставление материального социальному, которое мы имеем у тов. Рубина, с точки зрения диалектического материализма—не законно. Труд, т. е. затрата человеческой рабочей силы, как элемент конституирующий общество, с одной стороны выступает как элемент природы, а с другой, как элемент общественный, поскольку это есть затрата труда человека, члена общества. Ведь нет труда вне общества, и всякая затрата человеческой рабочей силы есть только часть совокупной общественной рабочей силы. Это противопоставление социального материальному приводит вас, тов. Рубин, к целому ряду противоречивых утверждений. Так, например, в „Очерках“ вы определяете субстанцию стоимости как затрату человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, и там же, несколькими страницами ниже, приводите положение Маркса, что „субстанция их (товаров) стоимости имеет... чисто общественный характер“ (см. „Очерки“, стр. 108). Как примирить эти два утверждения с вашим пониманием социального? Ведь, если субстанция стоимости есть затрата рабочей силы в физиологическом смысле, то по-вашему (см. „Очерки“, стр. 99) она не может носить чисто общественного характера, как утверждает Маркс. С социально-экономической точки зрения, труд как затрата человеческой рабочей силы выступает как явление социальное и в этом своем качестве может быть противопоставлен природному веществу товарного тела. Вот почему Маркс неоднократно говорит, что израсходованная человеческая рабочая сила, содержащаяся в товарах, является их общей социальной субстанцией. Абстрактный труд не перестает быть понятием социальным оттого, что он является чем-то „материальным“, выражая собой равенство различных видов труда, как затрат человеческой рабочей силы. Тем самым и стоимость не перестает быть категорией социальной потому, что „стоимость, как таковая, не имеет никакой иной „материи“, кроме „самого труда“ (Маркс). Но, рассматривая в „Капитале“ затрату человеческой рабочей силы с социально-экономической стороны, он тем самым исключает энергетическое понимание абстрактного труда, которое мы находим у тов. Богданова. Единицей измерения труда является, по Марксу, не мера физическая (напр., килограммометр), а социальная—„простой средний труд, характер которого хотя и изменяется в разных странах и в разные эпохи культуры, но в данном обществе он определен“ („Капитал“, издание 1-е, 1867 г. стр. 4).

Интересные замечания по этому поводу мы находим у Энгельса. В „Диалектике природы“ он называет „чепухой“ попытки некоторых ученых перенести термодинамические категории в политическую экономию. Особенно ясно говорит об этом Энгельс в письме к Марксу, от 19 дек. 1882 г. „Я думаю, что выразить экономические отношения в физических мерах прямо невозможно“. Но хотя труд экономический не перестает быть трудом и, тем самым, чем-то материальным, но, выступая в экономической науке, как „материя общественная“, он не сводится там идеально к механической работе, как думает Струве, и не измеряется физическими мерами, как думает Бух. Если, таким образом, упреки в противоречии нашего понимания абстрактного труда социальному характеру категории стоимости суть результат неверного понимания социального, то тем более бьют мимо цели утверждения, что это понимание не совместимо с историческим характером этой категории.

Мы здесь подходим к центральному пункту марксова анализа стоимости, к анализу открытой Марксом внутренней необходимой связи между субстанцией стоимости и формой стоимости.

Нужно различать понятие абстрактного труда от действительного осуществления этого понятия, когда оно приобретает объективную форму выражения и самостоятельную форму существования. Понятие абстрактного труда в своей отвлеченности применимо ко всем эпохам, говорит Маркс в „Введении к критике“, но становится практически истинным, т.-е. реализуется при определенных исторических условиях. Такое различие между „понятием“ и объективным осуществлением понятия вытекает из самой сути диалектического материализма. Гегелевское понятие, замечает Маркс, ухитряется обьективироваться без помощи внешнего вещества. На то Гегель и идеалист. Но для диалектического материализма „понятие“ осуществляется и обьективируется только через посредство внешнего вещества. Понятие „плод“ осуществляется только в груше, яблоке, сливе и т. д., но рядом с ними нет „плода“ как такового, плод как „таковой“ не может приобретать обьективной и самостоятельной формы существования.

Абстрактный труд, т.-е. расход человеческой рабочей силы, сам неопределенен и благодаря своей неопределенности осуществляется только в определенных конкретных видах труда, так как „только определенному труду противостоит природное вещество, внешний материал, в котором он воплощается“ (Маркс). При всех общественных формах производства, где труд носит организованный характер, общечеловеческий характер труда, существуя в различных конкретных видах труда, не является специфически общественной формой труда; там труд выступает непосредственно как общественный труд во всей своей конкретности. Вследствие этого понятие абстрактного труда, т.-е. „труд вообще“, не находит там обьективной формы выражения и не существует рядом с различными конкретными видами труда. Если вы меня спросите, будет ли существовать абстрактный труд в социалистическом обществе? — я отвечу — нет, так как в социалистическом обществе общечеловеческий характер труда не является общественной формой труда; „труд вообще“ там не имеет самостоятельной формы существования по тем же причинам, по которым я скажу, что не существует „плода как такового“. Совершенно иную картину мы имеем в товарном хозяйстве. Здесь труд отдельного производителя, непосредственно являясь только частным трудом, обнаруживает свой общественный характер в процессе всестороннего отчуждения различных видов труда, последнее же возможно только благодаря обнаружению их равенства, как затраты человеческой рабочей силы вообще. Поэтому в товарном хозяйстве общечеловеческий, а не конкретный характер труда является специфически общественной формой труда. Но свое равенство, как затраты человеческой рабочей силы, различные виды труда могут обнаружить только тогда, когда они выступают в обьективной форме, и тем самым абстрактный человеческий труд через процесс обмена приобретает обьективную форму выражения. В этой связи становятся понятными и другие цитаты из Маркса, которые приводил тов. Рубин; в частности, и то дополнение, которое сделал Маркс к французскому переводу в том месте, где он говорит о равенстве различных видов труда как затраты человеческой рабочей силы. Но расход человеческой рабочей силы вообще может происходить только в определенной конкретной форме; поэтому обьективной формой выражения и существования

абстрактного труда может быть лишь какой-нибудь определенный конкретный труд. С другой стороны, как мы видели, этот определенный конкретный труд может осуществиться как конкретный труд, воплощаясь в каком-нибудь товарном теле, которое тем самым становится объективной формой существования абстрактно-всеобщего труда.

Мы знаем, что Маркс неоднократно определяет стоимость как простой сгусток абстрактного человеческого труда. Но анализ товара, как говорит Маркс, сводит его к „абстрактной стоимости“, потому что, сказав, что товар, как стоимость, есть сгусток абстрактного человеческого труда, мы еще не придали тем самым стоимости товара объективной формы выражения. Объективная же форма выражения и существования стоимости и есть форма стоимости. Эта связь между стоимостью и формой стоимости может быть понята только в связи с особенностями марксова метода исследования. Последний описан Энгельсом следующим образом: „При этом методе исследования мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое мы находим. Это отношение мы расчлняем. То обстоятельство, что это есть отношение, говорит уже за то, что оно имеет две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы подвергаем изолированному рассмотрению и таким образом познаем форму их взаимоотношения, их взаимодействия, при этом возникают противоречия, которые требуют разрешения... Эти противоречия будут развиваться на практике и вероятно найдут свое разрешение. Мы проследим способ этого разрешения и найдем, что оно вызвано установлением нового отношения, две противоположные стороны которого мы должны будем развить и т. д.“ (Энгельс, „Карл Маркс. Критика политической экономии“; см. также — Ленин, „К вопросу о диалектике“, „П. зн. М.“ №№ 5 — 6, 1925 г., стр. 15). Наиболее простое, „самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся“ (Ленин) отношение буржуазно-товарного общества есть отношение товаров. Расчленяя это отношение и анализируя одну сторону этого отношения, мы, тем самым, берем исходным пунктом анализа товарного хозяйства отдельный товар. Товар тем самым с самого начала выступает двойственной вещью: с одной стороны, как потребительная стоимость, а с другой — как стоимость. Но отдельный товар обладает только одним натуральным телом, которое не может одновременно быть и чувственной формой существования потребительной стоимости и стоимости, т. е. сгустка абстрактного человеческого труда. Всякая же объективная форма существования, как известно, есть чувственная форма. Для того, чтобы эта внутренняя противоположность товара как стоимости и потребительной стоимости нашла внешнее выражение, товар должен удвоить свою форму.

Формой потребительной стоимости он обладает по природе, это его натуральная форма, форму же стоимости он приобретает только в отношении с другим товаром, где натуральное тело одного товара становится формой выражения стоимости другого товара. И форма стоимости, как неоднократно говорит Маркс „существует только в отношении товара к товару“ в противоположность тому, что говорил здесь тов. Рубин.

Когда форма стоимости прочно срастается с определенным телом какого-нибудь товара, которое остается формой существования стоимости и после перерыва отдельного менового отношения, то этот товар становится деньгами, т. е. самостоятельной формой стоимости.

Еще несколько слов о форме стоимости и меновой стоимости. Форма стоимости потому превращает стоимость в меновую стоимость,

что только благодаря форме стоимости стоимость принимает объективную форму существования, и тем самым отношение двух товаров может выступить как отношение стоимостей. Обе формы стоимости, относительная и эквивалентная, являются, как говорит Маркс, лишь формами меновой стоимости. Поэтому меновая стоимость обладает качественной и количественной стороной. Наконец, форма стоимости характеризует буржуазное производство как исторический преходящий способ производства потому, что она есть, как мы видели, необходимый результат той специфической особенности товарного хозяйства, что там общечеловеческий характер труда является специфически общественной формой труда.

Таким образом мы видим, что определение абстрактного труда, которое дал Маркс в начале „Капитала“, соответствует диалектическому развитию категорий в первой главе. И только приняв это понимание абстрактного труда, мы не впадем в противоречие ни с буквой, ни с духом „Капитала“.

Товарищи, я считаю большой теоретической заслугой т. Рубина то обстоятельство, что он в своих работах не только ищет за вещественными формами общественных отношений их социальное содержание, но и выясняет также, почему и как общественные отношения приобретают в меновом обществе свою вещественную форму. Обычно комментаторы Маркса, излагая теорию стоимости, ограничивают свою задачу доказательством, что за вещественным проявлением стоимости скрывается общественный труд. Тов. Рубин не ограничивается этим. Он выясняет также вопрос о том, почему и как общественный труд в меновом обществе приобретает вещественное выражение, почему он не может не приобретать вещественной формы. Такая постановка вопроса густо подчеркивает социальную сторону марксовской теории стоимости, которая нередко затемнялась в работах комментаторов Маркса. В этом заключается несомненная и немаловажная заслуга т. Рубина. Однако, заслуга эта целиком поглощается и погашается теми недопустимыми идеалистическими искажениями, которые внес тов. Рубин в марксову теорию стоимости. Я говорю в первую голову о рубинской теории абстрактного труда.

Вопрос об абстрактном труде нашел себе в работах Маркса наиболее четкую формулировку. Говоря об абстрактном труде, как труде, лежащем в основе стоимости, Маркс с неподдающейся кривотолкам определенностью указывает, что понятие это получается при рассмотрении всякого конкретного вида труда, если мы абстрагируемся от той конкретной потребительной стоимости, на создание которой он направлен.

„Если отвлечься, — говорит Маркс, — от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он является затратой человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле являются одним и тем же человеческим трудом... В стоимости товара выражается абстрактный человеческий труд, затрата человеческого труда вообще“. „Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, и в качестве такого одинакового или абстрактно-человеческого труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой последней работы труд создает потребительные стоимости“.

Абстрактный труд отличается от конкретного не в том отношении, что конкретный труд представляет собою затрату физиологической энергии, а абстрактный будто бы ее не представляет. Труд не может

быть не чем иным, кроме как целесообразной затратой человеческой энергии. Абстрактный труд отличается от конкретного только в том отношении, что конкретный труд есть труд в определенной отрасли производства, направленный на производство совершенно определенной конкретной потребительной стоимости, абстрактный же труд есть труд, взятый с точки зрения его общих свойств и очищенный от особенностей, свойственных отдельным конкретным видам труда. Так как всякий труд является затратой физиологической энергии, то это обстоятельство является общим свойством всех видов труда и входит в качестве логического определяющего в понятие абстрактного труда. Абстрактный труд представляет собою целесообразную затрату физиологической энергии человека.

Теория абстрактного труда, приводящая к тому правильному положению, что в основе стоимости лежит материальный труд, чрезвычайно не нравилась ревизионистам, чувствующим отвращение к материализму.

„В экономической системе Маркса,— писал Струве,— переплетаются и сплетаются, как мы уже указывали, два основных мотива: 1) механически-натуралистический, под влиянием которого Маркс создал свое „объективное“ учение о трудовой затрате как субстанции и мериле ценности, и 2) социологический, за вещной оболочкой экономических явлений видящий — в качестве их основного содержания — исторически-изменяемые отношения между людьми в процессе производства. Дело критики разединить и критически взвесить каждый из этих мотивов в отдельности и затем исследовать, в какой мере они совместимы друг с другом“.

Выполнить этот завет П. Струве (сознательно или бессознательно — это другой вопрос) взялся И. И. Рубин. В своей работе „Очерки по теории стоимости“ он делает попытку разединить материальные и общественные элементы марксовой теории стоимости. Отличие Рубина от Струве состоит только в том, что Струве откровенно говорит о своем несогласии с определенными частями марксовой теории, Рубин же преподносит свои поправки к Марксу от имени самого Маркса, прикрываясь плохо понятыми или плохо истолкованными цитатами.

Маркс указывал, что „ни один атом естественного вещества (товарных тел.—А. К.) не входит в субстанцию их стоимости“¹⁾.

Эту мысль, которая заключается в том, что стоимость как категория не содержит в себе ни атома вещества, образующего товарное тело, что она лежит вне материи товара и лишь проявляется через посредство товара, Рубин (со ссылкой на Маркса) передал такими словами:

„Маркс не устал повторять, что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (*Werthgegenständlichkeit*) имеет „чисто общественный характер“ и не включает в себе ни одного атома материи („Капитал“, I, стр. 14)“²⁾.

Вместо слов „ни один атом естественного вещества“ Рубин, как мы видим, подставляет слова „ни одного атома материи“. Таким методом разъединяются общественные и материальные элементы марксовой теории, и материалистическое учение Маркса превращается в невинное идеалистическое варевое: стоимость, которая является производственным отношением, объявляется нематериальным. следовательно, объективно не существующим явлением.

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 15.

²⁾ И. И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 2-е, стр. 99.

Будучи последовательным, Рубин делает из этого положения вывод:

„Отсюда вытекает, что и абстрактный труд, создающий стоимость, должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи“¹⁾.

Труд представляет собою процесс материального взаимодействия между обществом и природной средой. Нематериальный труд перестает быть процессом взаимодействия между обществом и природой и потому перестает быть трудом. Нематериальный труд — это сухая вода, это раскаленный лед. Сказать, что стоимость создается нематериальным трудом, это значит сказать, что она вообще создается не трудом. Это откровенно и заявил бы откровенный ревизионист. Рубин же, подрывая самую основу марксовской теории, делает попытку прикрыть свой грех ссылками на того же Маркса.

„Понятие абстрактного труда, — пишет он, — выражает особенность социальной организации труда в товарно-капиталистическом обществе“²⁾. „Отвлечение от конкретных видов труда, как основная общественная связь между отдельными товаропроизводителями, — вот что составляет абстрактный труд“³⁾.

Если бы эти предложения были даны сами по себе, их можно было бы истолковать так, что, по мнению Рубина, под абстрактным трудом понимается не просто труд, отвлеченный от потребительной стоимости, на создание которой он направлен, но труд, организованный определенным образом. Труд, мол, создает стоимости не всегда, не при всяких формах организации общественного производства, а только при наличии меновых связей между оторванными друг от друга производителями. Только здесь происходит приравнивание продуктов различных конкретных видов труда друг другу, и таким образом практически, в реальной жизни, совершается превращение конкретного труда в абстрактный.

Нужно сказать, что даже такое толкование слов Рубина не помогло бы делу и не избавило бы нас от путаницы. Верно, что стоимость создается трудом не на всех этапах общественного развития. Верно, что для того, чтобы труд создавал стоимости, нужно, чтобы он был организован определенным образом или, проще говоря, чтобы он был неорганизован. Верно, что только в условиях менового общества приравнивание одних видов конкретного труда другим приобретает экономическое значение и совершается не только в голове исследователя, но и в реальном процессе обмена. Но не верно, что по этим соображениям определенная организация производства должна быть введена в качестве определяющего момента в понятие абстрактного труда. Наличие меновых отношений является условием, при котором абстрактный труд создает стоимости. Чем более развиты меновые отношения, тем более категория абстрактного труда перестает быть плодом абстракции и тем в большей степени она отражает процесс действительного сведения всякого труда к труду абстрактному, объективно происходящий в реальной действительности. Все это, однако, нисколько не умаляет того обстоятельства, что в процессе обмена товары приравниваются друг к другу в отношении затрат на их производство. Один вопрос — когда и при каких условиях происходит приравнивание товаров друг другу, другой вопрос —

¹⁾ И. И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 2-е, стр. 99.

²⁾ Там же, стр. 100.

³⁾ Там же, стр. 102 (курсив автора).

в каком отношении сравниваются товары, что в них сравнивается. Если мы так расчленим вопросы, незаконно слитые Рубиным друг с другом, мы придем к совершенно ясному ответу: стоимости создаются абстрактным трудом (конечно, в физиологическом смысле этого слова). Однако для того, чтобы труд создавал стоимости, он должен быть не только абстрактным, но и общественным трудом. Такое понимание вопроса вполне подтверждается той выдержкой из Маркса, которую Рубин, по явному недоразумению, неловко использует для подкрепления своей точки зрения. Маркс пишет:

„Только внешняя торговля, развитие рынка до мирового рынка превращает деньги в мировые деньги и абстрактный труд в общественный труд“.

Из этих слов видно, что абстрактный труд становится создателем стоимости, лишь превращаясь в труд общественный. Если бы категория абстрактного труда включала в себя общественный характер труда, то вся эта фраза была бы лишена всякого смысла. Если абстрактный труд сам по себе является трудом общественным, то он не может превратиться в общественный труд.

Мы видим, что даже при развитии здесь толкования теория Рубина оказывается неверной. Однако не забудем, что такое толкование является весьма снисходительным. Напомним, что прежде чем утверждать, что „понятие абстрактного труда выражает особенности социальной организации труда в товарно-капиталистическом обществе“, Рубин предварительно заявил, что в абстрактном труде мы не найдем „ни одного атома материи“. Если принять во внимание этот исходный пункт рубинской теории абстрактного труда, станет совершенно ясным, что Рубин под абстрактным трудом понимает не материальный труд, организованный определенным образом, как мы это предположили вначале, а только самую организацию труда. В самом деле, ведь из указания, что труд организован определенным образом, ни в какой мере не вытекает, что этот труд не представляет собою физиологических затрат. Тактика Рубина такова: марксов абстрактный труд подменяется сначала абстрактным трудом в его общественной оболочке, а затем из этой общественной оболочки выхолащивается ее материальное содержание. В результате остается одна общественная оболочка без материального содержания. Под абстрактным трудом, таким образом, Рубин понимает собственно не труд, а форму его организации — меновые отношения. Стоимость, по его концепции, создается наличием в обществе меновых отношений, и только.

В категории стоимости Рубин различает форму и содержание стоимости. Что понимает Рубин под „содержанием“ стоимости, видно из следующих определений, принадлежащих ему самому:

„Меновая стоимость есть „форма, в которой проявляется пропорциональное распределение труда“ в товарном хозяйстве. А это пропорциональное распределение труда составляет содержание общественного производства. Только в совокупности это содержание и форма составляют объект политической экономии, ее основную категорию, „стоимость“ в полном смысле этого слова“¹⁾. Итак, под содержанием стоимости Рубин понимает пропорциональное распределение труда в товарном хозяйстве. Прекрасно! Но где же у Рубина то, что Маркс называл субстанцией стоимости и что мы называли основой стоимости? Где качественно и количественно определенный труд, образующий эту основу стоимости? Увы, он исчез и заменен распределением труда.

¹⁾ И. И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 2-е, стр. 85.

В другом месте Рубин пишет:

„Движение последнего (техническо-производственного трудового процесса.—А. К.), изменение производительных сил и общественно-необходимого для производства продукта труда составляет „содержание“ стоимости, ее „субстанцию“, не в смысле скрытой сущности, а в смысле содержания, логически отвлекаемого от формы, но нераздельно с нею слитого“.

Эта формулировка значительно отличается от первой. Если там Рубин объявил содержанием стоимости распределение труда, то теперь он называет этим содержанием „движение технико-производственного процесса, изменение производительных сил и общественно-необходимого для производства продукта труда“. Что же в конце концов понимает Рубин под содержанием стоимости, неизвестно. Общий для обоих определений является только одно: как там, так и тут содержанием стоимости объявляется не труд. Ни в первом, ни во втором определении труд не фигурирует в качестве подлежащего¹⁾.

Мы не собираемся оспаривать общественное содержание стоимости. Конечно, закон стоимости имеет глубоко-социальное содержание, и содержанием этим является процесс стихийного регулирования общественного производства. Однако, наряду с этим содержанием, закон стоимости имеет материальную основу, субстанцию стоимости, которая сообщает товару свойство меновой стоимости и количественно определяет меновую стоимость товара. Этой основой стоимости, ее субстанцией, является труд абстрактный и общественно-необходимый. Вне этой основы закон стоимости теряет свою сердцевину. Ибо именно труд, затраченный на производство товара, в условиях меновых отношений является причиной меновой стоимости товаров как свойства товаров и как количественно определенной величины.

Эта-то „основа“ совершенно выпадает из концепции Рубина. Более того, Рубин подчеркивает, что „форма стоимости противопологается не сущности стоимости, а ее содержанию“ (в рассмотренном смысле.—А. К.).

Конечно, если выхолостить из категории стоимости ее трудовое основание и, исходя из такого понимания стоимости, пытаться истолковать учение Маркса о труде, создающем стоимость, придется утверждать, что для Маркса важен был не труд, а его организация. Именно такой фортель и проделывает Рубин в своей книге. После всего сказанного незачем, конечно, разяснять, что рубинская теория абстрактного труда совершенно бессильна объяснить соизмеримость товаров в обмене. В самом деле. Если под абстрактным трудом понимается только форма организации общественного труда, то каким образом эта форма может приобрести количественное выражение? Каким образом стоимость одного товара может оказаться вдвое больше стоимости другого товара? Ведь форма организации труда не поддается количественному измерению.

Я думаю, что именно это бьющее в глаза противоречие рубинской концепции с теорией Маркса заставило т. Рубина пойти на ряд уступок в том докладе, который мы здесь заслушали. Тов. Рубин,

¹⁾ Впрочем, местами Рубин совершенно непоследовательно ставит знак тождества между „содержанием“ стоимости и трудом („Маркс в целях анализа отделил „содержание“ стоимости, труд от общественной „формы“ стоимости. Но прежде чем приступить к анализу труда (или „стоимости“, как таковой, под которой понимается содержание стоимости), он берет его“... и т. д. „Лишь в целях анализа Маркс подвергает исследованию отдельно „стоимость“ (точнее ее „содержание“, труд), а потом опять переходит к „форме“ стоимости или меновой стоимости“ (стр. 85).

несомненно, проделывает сейчас значительное отступление. Я не могу, конечно, детально остановиться на критике доклада, который я прослушал только один раз, да и то не целиком. Однако отмечу следующий чрезвычайно важный пункт в этом докладе. Если раньше т. Рубин говорил только о вещественной форме стоимости и ее социальном содержании, то теперь он подчеркивает также вопрос о величине стоимости, о ее количественной основе. Это чрезвычайно важно, ибо теперь т. Рубину без материальной субстанции стоимости не обойтись. Вторым важным пунктом является расчленение понятия абстрактного труда на три подпонятия: „физиологически-равный“, „социально-уравненный“ и „абстрактно-всеобщий“ труд. Это-то расчленение важно потому, что оно подготавливает включение т. Рубиным в его концепцию материальной субстанции стоимости.

Отмечу еще одно обстоятельство. После расчленения, внесенного т. Рубиным в понятие абстрактного труда, „абстрактный всеобщий труд“ в его понимании стал псевдонимом труда, создающего стоимости. В то время как у Маркса понятие абстрактного труда характеризует лишь одну из сторон труда, создающего стоимости, у Рубина понятие абстрактного труда исчерпывает свою характеристику труда, создающего стоимость.

Я не думаю, чтобы такая поправка способствовала улучшению марксовой теории стоимости. Ведь у т. Рубина получается явный порочный круг. Стоимость создается по его теории абстрактным трудом, абстрактный труд определяется через стоимость.

(С места: Является ли абстрактный труд исторической категорией?)

На вопрос о том, является ли абстрактный труд исторической категорией, я отвечаю так: труд, создающий стоимости, является исторической категорией, однако не потому, что это есть абстрактный труд, а потому, что этот абстрактный труд общественно-организован определенным образом.

У меня не было намерения выступать в прениях по данному докладу, ибо я в основном согласен с той концепцией, которую дает И. И. Рубин, с его интерпретацией категории абстрактного труда. Однако, я решил взять слово, ибо ряд выступавших здесь товарищей убедил меня в том, что у большинства противников интерпретации, даваемой И. И. Рубиным, имеется одна основная ошибка. Отметить эту ошибку я и хотел в своем кратком слове.

Мне суть этого вопроса представляется в следующем виде. У Маркса, как известно, проводится разграничение, во-первых, между материально-техническим процессом производства и его общественной формой и, во-вторых — между содержанием и формой экономических категорий, которые сами создаются своеобразием данной общественной формы. И вот мне думается, что некоторыми оппонентами докладчика содержание экономических категорий подменяется содержанием материально-технического процесса производства, и происходит это у них именно потому, что ими резко разрываются и обособляются содержание и форма экономических категорий. Сущность содержания какой-либо категории мыслится ими как-то независимо от сущности формы этой категории, и наоборот. Поэтому они и считают, что только в форме ценности проявляется социальная сущность труда, под категорией же абстрактного труда нужно понимать натуралистический момент процесса производства — физиологическое содержание трудовой деятельности. Мне совершенно понятна такая постановка вопроса у А. А. Богданова, отрицающего историчность категории ценности: для него содержанием ценности, т. е. абстрактным трудом, разумеется, должен быть труд вне его социально-исторической характеристики. Но у марксистов, ведь, другая установка, другой подход. Марксисты не должны забывать, что, как правильно отметил докладчик, у Гегеля и Маркса содержание рождает свою форму, которая была в самом содержании в скрытом виде.

Из этого, как вы помните, докладчик выводил, что содержание категории абстрактного труда должно обладать всем богатством его социальных определений, чтобы оно могло породить в виде своей формы — форму ценности. Мне думается, что этого довода не вполне достаточно. Ведь, мы знаем, что само развитие производительных сил, как таковых, порождает соответствующую данному этапу их развития общественную форму. Не скажем, ведь, мы, однако, что само содержание производительных сил общества, т. е. материально-технических элементов производства, должно обладать всем богатством социальных определений, свойственных самой общественной форме, в которую облекаются на данном этапе производительные силы общества. Мне думается, что для более четкого уяснения характера взаимоотношений между содержанием и формой необходимо учитывать и обратное влияние формы на содержание после того, как она отделилась от породившего ее содержания. В результате этого влияния содержание приобретает характеристики, бывшие особенностями этой формы.

Следующая иллюстрация, как мне кажется, хорошо разъясняет мою мысль. В процессе развития обмена выделяется один товар, функциональная роль которого сводится исключительно к тому, чтобы служить всеобщим эквивалентом. Ценность породила две формы своего бытия: относительную и эквивалентную формы ценности. И вот после того, как эквивалентная форма достаточно развилась и срослась с определенной товарной ценностью, с определенным товаром, ее влияние на содержание данной конкретной товарной ценности доходит до того, что само содержание этой особенной товарной ценности приобретает черты эквивалентной формы. Именно этим и объясняется тот факт, что ценность того золота, которое еще не служило связью в товарной метаморфозе, которое находится еще у истоков производства, выступает как потенциальный всеобщий эквивалент, т.-е. как воплощение абстрактного труда, а потому только со спросом, а не с предложением¹⁾.

Однако, вернемся теперь к интересующей нас категории абстрактного труда. В основе всякой категории у Маркса лежит материально-технический момент. Что труд есть труд—спорить не приходится, и не в этом суть спора. Суть спора заключается, по-моему, в том, что считать действительным моментом в категории труда в теоретической экономии. Я полагаю, что для теоретической экономии, как науки о товарно-капиталистическом обществе, при исследовании движения социально-экономических категорий важен не процесс мысленного абстрагирования от отдельных видов труда и превращения их в физиологически равный труд. Это может иметь место и в других общественных формациях. В товарно-капиталистическом же обществе на основе возможности этой мысленной абстракции происходит и реальная абстракция: частный, индивидуальный труд превращается в общественный. Поэтому, когда мы говорим, что абстрактный труд создает ценность, является субстанцией, содержанием ценности, то мы имеем при этом, конечно, в виду абстрактный труд, как реальную экономическую категорию, т.-е. труд в его социальной характеристике, как общественный труд, получившийся в результате уравнивания конкретных видов труда через обмен продуктами этого труда. Нет в товарном обществе, а следовательно, и в теоретической экономии, иного понятия общественного труда, кроме абстрактного.

В этой связи я хотел бы отметить, что мне представляется несколько излишним конструирование двух понятий обмена для объяснения отношения обмена к абстрактному труду, как это сделал И. И. Рубин в своем докладе. Мне думается, что на вопрос, где создается абстрактный труд, в производстве или в обмене, нельзя ответить только в производстве или только в обмене. Дело в том, что и в данном случае, когда мы говорим о содержании общественного производства в товарном обществе, мы не мыслим его вне того влияния, которое оказывает на него порожденная им специфическая форма трудовой связи, т.-е. обмен. Именно обмен, как определенная фаза общественного процесса воспроизводства, и является формой реализации этой социальной формы трудовой связи. Поэтому нет надобности еще в дополнительном понятии обмена, должноствующем выражать „социальную форму воспроизводственного процесса, в отличие от понятия обмена, выражающего определенную фазу этого воспроиз-

¹⁾ В какой мере это мое утверждение согласуется с мыслью Маркса, что у истоков производства золото — обыкновенный товар, я предполагаю рассмотреть в другом месте.

водственного процесса“, как думает докладчик. Тем более, что и большей ясности в результате введения этого дополнительного понятия у самого докладчика не получается. Я полагаю, что можно вполне ограничиться тем, что сказать: поскольку в каждый данный момент индивидуальные, конкретные виды труда, непосредственно в процессе производства только и существующие, имеют уже на себе печать предыдущего процесса общественного приравнивания и приспосаблиются к такому же процессу в будущем,—постольку труд в процессе производства является также и абстрактным, но только в процессе обмена происходит полное превращение конкретного труда в абстрактный, в виде реализации продукта этого конкретного труда на деньги. Но из этого ни в коей мере не может вытекать положение, что абстрактный труд, а следовательно, и ценность „создаются“ в обмене. Процесс создания ценности нельзя отделять от процесса создания конкретного продукта: в этом и выражается единство потребительной и меновой ценности. Факт окончательного превращения конкретного труда в абстрактный мы выводим из факта обмена данной потребительной ценности на воплощение меновой ценности, т.-е. на деньги, но процесс образования абстрактного труда и ценности сливается с процессом конкретной трудовой деятельности людей в обществе и создания ими потребительных ценностей. (Я, понятно, отвлекаюсь в данном случае от моментов разрыва этого единства, поскольку само единство может осуществиться только через эти разрывы.)

Вся эта сумма вопросов тесно связана с тем, как рассматривается Марксом проблема отношения между производством, обменом, распределением. Я напому вам, что Маркс, пытаясь объяснить, как это случилось, что такой „экономист производства *par excellence*“, как Рикардо, берет в основу своего изложения отношения распределения, устанавливает, что производство, рассматриваемое независимо от заключающегося в нем распределения, есть пустая абстракция. Мне думается, что и в данном случае, если мы под абстрактным трудом не будем понимать определенной социально-исторической формы общественного характера человеческого труда, то мы будем иметь перед собою „пустую абстракцию“, по выражению Маркса, которая, конечно, экономической категории ценности создать не может.

Итак, я считаю, что содержание экономической категории нельзя мыслить вне ее формы, заключенной в самом содержании. Это особенно важно для понимания развития категории абстрактного труда в категорию ценности, затем меновой ценности и денег. Необходимость выведения перечисленных категорий из категории абстрактного труда должна служить добавочным аргументом в пользу того, что уже в понятии абстрактного труда должны быть зародыши последующих категорий, в том числе и денег. Поэтому неслыханным извращением и вульгаризацией Маркса является точка зрения т. Кона, возражавшего докладчику в этом вопросе, и доказывавшего, что при этом у И. И. Рубина в „причине“, мол, заключено уже ее „следствие“ и т. д. Если в своем выступлении в целом т. Кон обнаружил явную непродуманность и непоследовательность, то в этом вопросе он совершенно отступил от основ марксовой методологии.

Вся концепция Маркса тем и отличается, что в основных первичных категориях заключены уже *implicite* все те особенности и противоречия, которые потом развиваются в воплощаются в последующих категориях. Само возникновение этих последующих категорий является результатом борьбы противоречий внутри предшествующих им категорий, в результате чего и синтезируются в последующих категориях

основные характеристики борющихся элементов в предшествующих категориях. Это достаточно элементарно и общеизвестно.

Я хотел бы еще остановиться на одной формулировке докладчика, с которой я не согласен. В своем докладе И. И. Рубин сказал: „Понятие абстрактно-всеобщего труда включает в себе, конечно, и физиологический труд и социально-уравненный труд, но, кроме этих двух признаков (оно богаче их), оно включает социальное уравнение в той специфической его форме, которую оно имеет в товарном хозяйстве“. Я считаю, что эта формулировка противоречит и его книге и всей той концепции, которую он развернул в своем докладе. Когда И. И. Рубин определяет в своей книге физиологическое равенство труда, как предпосылку абстрактного труда, он последователен и гораздо точнее и вернее выражает свою мысль. Согласовать эти две формулировки нельзя: понятие свою предпосылку в себя, как свою часть, включать не может. Поэтому одно из двух: либо абстрактный труд есть комбинация этих моментов, и тогда физиологически равный труд не является его предпосылкой, либо физиологически равный труд является предпосылкой абстрактного труда, и тогда последний его не включает в себя.

Более того, я сейчас покажу, что в других местах своего доклада И. И. Рубин дает формулировки, также противоречащие вышеприведенной. Так, он говорит, что ему „представлялось бы полезным для более ясного обсуждения интересующих нас моментов строго отличать друг от друга следующие три понятия равного труда: 1) понятие физиологически-равный труд, 2) понятие социально-уравненный труд и 3) понятие абстрактного труда, которое фигурирует у Маркса, или еще лучше, абстрактно-всеобщий труд“.

Таким образом, то „понятие абстрактного труда, которое фигурирует у Маркса“, резко отграничивается от понятия физиологически-равного труда, что, конечно, вполне правильно.

Я думаю, что приведенная мною выше неправильная формулировка докладчика способна породить большую путаницу в этом и без того сложном вопросе.

Г. М. Абезгауз

Я хотел бы остановиться прежде всего на некоторых актуальных вопросах, выдвинутых в прениях. Эти вопросы, если пользоваться анкетной терминологией, которую здесь ввел в оборот А. А. Богданов, таковы:

во первых, нужен ли теперь „марксистский семинарий“, и если да, то почему? (вопрос, поставленный самим Богдановым);

второй вопрос, выдвинутый т. Коном, гласит: в правильную ли, в актуальную ли плоскость перенесены занятия этого „семинария“ И. И. Рубиным?

и, наконец, решающий для оценки доклада вопрос: правильно ли освещает проблемы, вопросы, волнующие „семинарий“, И. И. Рубин?

Последний вопрос, как мне кажется, расчленяется на два: 1) правильно ли освещены эти проблемы в его „Очерках по теории стоимости Маркса“ и 2) правильно ли они освещены в заслушанном нами докладе. Такое расчленение оправдывается теми различиями в трактовке проблемы абстрактного труда, которые бросаются в глаза при сличении „Очерков“ с докладом.

Итак, *ad primum*. Марксистский семинарий нужен; но не для того, чтобы похоронить теорию Маркса, вогнав ее в филигранный гроб утонченных толкований, как иронизирует А. А. Богданов,—он нужен—как неоднократно разъяснял Ленин—потому, что строить социализм, не овладев совокупностью наук, составляющих культурное наследие буржуазного общества, мы не можем; освоить и творчески преодолеть итоги этих наук без усвоения диалектического метода Маркса, диалектического материализма, мы не в состоянии; усвоить же диалектический материализм без тщательного изучения его приложения и осуществления в работах Маркса, и, в первую очередь, в его „Капитале“, невозможно. Свою критику современных нам течений научной мысли во всех областях, как и свою практическую работу мы должны непрерывно оплодотворять изучением диалектического метода Маркса—Ленина.

А. А. Богданов, как давний и ярый противник „гегелианства“ Маркса (сиречь, диалектического материализма), напротив, думает, что для строительства социализма нужно прежде всего создать новую особую выдуманную науку, организационную „сверхнауку“, решающую все вопросы одним махом или одним Махом—не разберешь. Он хочет построить ее на выдержках из труда Маркса, относящихся ко всем эпохам, отмечающих все, по его мнению, специфически-историческое, устаревшее в марксизме, как, например, диалектический метод. Вот почему он выступает против марксистского семинария. По счастью, сам А. А. Богданов и его наука безнадежно устарели, как и все, что исходит из критического лагеря. И на его вопрос марксисты-ленинцы отвечают, как отвечали встарь: да, „марксистский семинарий“ нужен.

Второй вопрос—актуально ли поставлены занятия этого семинария И. И. Рубиным?

Еще Гегель неподражаемо высмеял людей, желающих рассуждать о философии, не давая себе труда усвоить те или иные философские системы. И он прав. Всякая научная система, а система Маркса в особенности, требует прежде всего труда для своего усвоения, т.-е. тщательного, если хотите, кропотливого, добросовестного и всестороннего изучения этой системы, изучения ее архитектоники, последовательности и связи ее моментов, словом, ее метода. В особенности это относится к изучению первых глав „Капитала“ Маркса. Оно требует как раз наибольшего труда, но зато является решающим для понимания метода „Капитала“ и отличия материалистической диалектики от идеалистической, на что неоднократно указывал Энгельс. И вот И. И. Рубин своими „Очерками“, несомненно, содействовал постановке на почву точного продуманного изучения, на почву научно-исследовательской работы, занятий „марксистского семинария“ в этом именно направлении, в области теории стоимости. Поскольку он наметил вместе с тем целый ряд решающих для понимания Маркса пунктов, И. И. поставил эти занятия в актуальную плоскость. И мне казалось, что именно недостаток работы в этой плоскости, отчасти, да простит мне т. Кон, характеризовал его выступление с отрицанием актуальности поставленных здесь вопросов.

И. И. Рубин правильно выдвинул и центральный пункт, от которого, по словам Маркса, зависит понимание всей политической экономии. Такой осью нашей науки является вопрос об абстрактном труде, точнее, о двойственном характере труда в меновом хозяйстве, о свойственной последнему противоречивости двойственного определения труда. И упрекать И. И. Рубина в постановке этой и других проблем значит бить себя по лицу.

Другой вопрос—правильно ли они освещены и проанализированы в „Очерках“. Тут не избежишь отрицательного ответа.

Как ни слабо было с положительной стороны выступление т. Кона, все-таки он удачно показал, что И. И. Рубин сбивался в „Очерках“, а отчасти и в докладе, на идеалистические формулировки.

Если проследить весь ход изложения „Очерков“, то самым крупным недостатком их является замалчивание материалистической диалектики Маркса: не учтено и не выявлено для читателя диалектическое развитие мысли Маркса и материалистическая основа его диалектики. Если прочесть „Очерки“, то это развитие и его основа остается совершенно неизвестным и неусвоенным. Вот, как мне кажется, главный пробел „Очерков“. Больше того,—я бы сказал, что отношение „Очерков“ к диалектике, поскольку можно уловить, скорее отрицательное, чем положительное.

Это, разумеется, не значит, что можно „Очерки“ отбросить в сторону. С точки зрения послереволюционных лет работа И. И. представляла большой шаг вперед в русской литературе, несмотря на то, что многое было исследовано, многое было известно для своего времени и для своего места гораздо раньше.

За недостатком времени не могу остановиться на других (и существенных) недочетах „Очерков“. Укажу лишь, что многие из них, бывшие предметом нашей критики, признаны И. И. в нынешнем его докладе, хотя и в недостаточной степени. Я перейду к более насущному вопросу: что сделано этим докладом и что остается сделать.

Замечу, прежде всего, что в докладе совершенно неудачно генетическому методу Маркса противопоставлен аналитический метод. На это указал уже т. Дукор, и я солидаризуюсь с ним: аналитический и генетический методы суть на самом деле моменты единого диалекти-

ческого метода — метода Маркса. Но что во всяком случае справедливо — так это следующее требование, предъявленное докладчиком к истолкованию марксовой теории абстрактного труда: требование изложить ее так, чтобы из понятия абстрактного труда генетически, органически вытекала бы стоимость, а из последней — деньги. Тем самым поставлена была определенная задача, которую ему надлежало здесь разрешить. Думается однако, что разрешения этой задачи мы в докладе не имеем. Хотя нам было обещано, что из понятия абстрактного труда органически будет вытекать понятие стоимости, и притом таким образом, что из последнего так же органически вытекают деньги, но обещание это выполнено не было. На деле получилось нечто диаметрально противоположное. Понятие денег, всеобщего эквивалента, было несколько насильственно втиснуто в понятие абстрактного труда; оно не развивается из последнего, а заранее в нем заключается, и потому т. Кон вполне законно упрекал И. И. Рубина в известном порочном круге, в определении денег через посредство абстрактного труда, и наоборот. А все потому, что основной вопрос, вопрос о противоречии между абстрактным и конкретным трудом, как о движущей силе овеществления абстрактного труда, как о движущей силе появления форм стоимости и простого эквивалента, и, далее, превращения единичного эквивалента во всеобщий, что этот вопрос даже не был поставлен И. И. Рубиным.

Ставя своей задачей по возможности заполнить этот пробел, перехожу к положительной части.

Прежде чем подойти к анализу понятия абстрактного труда, необходимо установить наше отношение к тем трем понятиям, которые формулированы докладчиком: 1) физиологически-равный труд (энергетическое понимание труда), 2) социально-уравненный труд, 3) абстрактный труд.

Никто не может отрицать, что понятие энергетически-равного труда может быть образовано, что можно рассматривать труд, как затрату энергии. Но со всей силой надо отрицать, что в таком качестве труд и исследуется Марксом в „Капитале“, что энергетическое понимание труда легло в основу его теории стоимости. Это понятие не может быть положено в основу системы политической экономии; оно лежит вне области социальных наук, в сфере наук естественных, за пределами качественной грани, отделяющей социальные науки от естественных. Конечно, эта грань не абсолютна, но игнорировать ее нельзя.

Нельзя абсолютно противопоставлять естественно-историческое, рассмотрение общественному, социальному, как это, например делает Петри, но нельзя и подменять последнего первым.

Если мы труд будем понимать не как трату человеческой рабочей силы, а как затрату физиологической энергии, то мы и сделаем указанную ошибку подмена; это будет не мысль Маркса, и этого нет в его труде. Ясно, что если труд человека рассматривать с той же точки зрения, что и работу лошади (а там налицо такая же затрата физиологической энергии), то можно многое узнать о человеке, как о биологическом виде, но безнадежно мало об общественном человеке. А ведь именно общественный человек, общественное производство, а не биологический, животный вид „homo“ есть предмет нашего исследования.

Маркс, развивая свои понятия генетически, исходил и должен был исходить из социологического понятия. Когда Маркс говорит, что „труд есть, с одной стороны, затрата человеческой силы

в физиологическом смысле слова,—и в качестве такого одинакового, или абстрактного человеческого, труд образует стоимость товаров“ („Капитал“, гл. I, § 2), то ударение стоит не на энергетической однородности труда, а на однородности рабочих сил общества, действующих совместно и тем самым придающих труду общечеловеческий однородный характер. Утверждения же, что труд как затрата физиологической энергии одинаков, у Маркса нет потому, что это утверждение лежит вне плоскости его исследования. Разница тут очень большая, и именно потому, что эта разница есть, И. И. Рубин и образовал свое промежуточное понятие—понятие социально уравненного труда.

На самом деле социально-уравненный труд—это и есть у Маркса общечеловеческий труд, то-есть труд, рассматриваемый как затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Поэтому вне общества не может быть общечеловеческого труда. Вне общества такого труда нет, потому что труд, как хозяйственная деятельность, мыслим лишь в качестве совокупного труда членов общества, т.-е. как общественно обусловленное производство индивидов! Вне общества человеческая рабочая сила не может относиться к другой рабочей силе, как к однородной, и к ее деятельности, как и к труду „вообще“. Это отношение существует во всех обществах, но вне общества оно не осуществляется. В чем же состоит это отношение? В том, что есть связь всех рабочих сил в их деятельности, в том, что есть перелив рабочей силы из одной хозяйственной ячейки в другую, и что в пределах этого перелива есть социальное распределение труда, вернее—распределение этой рабочей силы. Этот факт, основанный на физиологической однородности человеческих рабочих сил, лежит в основе всякой общественной формации. Так, в понимании Маркса, в противоположность докладчику, объединяются в понятии общечеловеческого труда физиологическая однородность рабочих сил и социальное уравнивание их деятельности, труда, возможное лишь на этой основе.

Достаточно ли этого для понимания абстрактного труда? Нет—и в этом приходится согласиться с И. И. Рубиным,—общечеловеческий труд это не есть еще абстрактный труд. Тут надо провести линию подразделения; но не следует проводить первого подразделения на физиологически-равный и социально-уравненный труд. Достаточно и необходимо отправляться от того, что у Маркса есть—от общечеловеческого характера труда или отношения рабочих сил друг к другу, как к одной и той же человеческой рабочей силе, и отсюда можно и должно перейти к пониманию абстрактного труда.

Прежде чем сделать это, придется, однако, имея в виду укоренившиеся недоразумения, заняться вопросом о явлении, форме и содержании вообще и абстрактного труда в частности. Тов. Кон (а он у нас высоко квалифицированный экономист) сказал здесь, примерно, следующее: „абстрактный труд существует всегда, но, принимая определенную форму в капиталистическом обществе, он получает свойство образовывать стоимость“. Ясно, что понятие о форме и содержании взято т. Коном не у Маркса, и даже не у Гегеля, а у Канта. Для Канта форма накладывается на содержание, как непроницаемый покров, форма лежит на содержании, облекает его, как скорлупа орех. Форма не относится к сущности самого содержания, потому что содержание, „вещь в себе“, лежит за пределами формы и не познаваема через посредство формы. Отсюда и обратный вывод. Изменения формы не затрагивают содержания, содержание безразлично к переменам формы. Поэтому для т. Кона форма вообще, общественная форма труда в част-

ности есть нечто „безразличное“, внешнее для содержания, независимое от него. Специфическая форма отпадает, но абстрактный труд остается в обнаженном виде, освобожденный, так сказать, от заслоняющих его покровов формы. Отсюда видно, что Кант гораздо последовательнее т. Кона: он по крайней мере делает тот вывод, что при исчезновении формы содержание недоступно познанию. Товарищ же Кон ожидает непосредственно лицезреть содержание, отбросив его форму.

Итак, начнем с общего соотношения формы, содержания и формы проявления. Для иллюстрации возьмем, как пример, такую форму, как твердость или упругость тела, скажем—твердость клинка стали. Что эта форма твердости сводится к известному содержанию, т.-е. к известному соотношению, сцеплению материальных частиц—совершенно ясно. Но попробуйте снять эту форму твердости и ее специфичности без того, чтобы изменилось внутреннее содержание, без того, чтобы изменилось внутреннее состояние и строение металла. Вы не сможете этого сделать, ибо если вы измените закалку, то всякий физик вам скажет, что изменилось и содержание, строение материи. Изменение формы без изменения содержания невозможно.

Отсюда следует, что форма не есть нечто внешнее по отношению к содержанию. Через форму, и только через форму, доступную нашему восприятию, существующую не только субъективно, но и объективно, мы познаем содержание. Содержание живет и одушевляется исключительно формой; форма существует только вместе с ее содержанием, и, наоборот, форма и содержание неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Пойдем дальше. Раз форма данного содержания нами воспринята, как нечто существующее объективно, то, очевидно, существует известная форма проявления, некое конкретное соотношение, в котором воспринимается и объективно проявляется форма. Так, например, чтобы выявить твердость стали, ее подвергают испытанию. Скажем, ее подвергают давлению более твердого тела (например, алмаза); глубина черты, оставленной последним, есть форма проявления твердости стали—нечто совершенно отличное от ощущения твердости наощупь.

Таково наше понимание разобранных выше терминов. Согласуется ли с ним различие формы проявления стоимости, формы стоимости и ее содержания у Маркса?

Прежде всего несколько слов о генезисе этого различия. Как правильно указал И. И. Рубин, оно разработано Марксом под влиянием критики, которой подверглось понятие стоимости со стороны Бейли. Следующие факты подтверждают это: 1) там, где нет разделения на Tauschwerth и Werth, как, например, в „критике“, не цитируется сочинение Бейли, направленное против Рикардо, а цитируется только его работа о деньгах, 2) наоборот, третья часть „Теорий прибавочной стоимости“, написанная после „Критики“, после 1859 года (по свидетельству Энгельса — с 1861 по 1863 гг.), как раз содержит критику взглядов Бейли на стоимость, и там, как в другом месте указал И. И., Маркс впервые отличает стоимость от меновой стоимости. Верно также, что шестой абзац первой главы „Капитала“ есть заключительная формулировка полемики против Бейли; но докладчик не сделал попытки проследить, как эта формулировка развивалась, как Маркс уточнял свои понятия и как, в конце концов, в какой окончательной редакции является понятие меновой стоимости. Именно поэтому докладчик не определил этого последнего и не показал, почему меновая стоимость есть форма проявления стоимости.

Первая редакция указанного абзаца, которую мы имеем в 1-м изд. „Капитала“, гласит: *Dennoch bleibt sein Tauschwerth* (печь идет о пшенице) *unverändert ob in x Stiefelwichse, y Seide, z Gold usw. ausgedrückt.* Er muss also von diesen seinen Ausdrucksweisen unterscheidbar sein. (Однако ее меновая стоимость остается неизменной, выражена ли она в *x* сапожной ваксы, *y* шелка или *z* золота и т. п. Следовательно, она должна быть отлична от этих своих способов выражения). (Перевод наш.)

Значит, в этом тексте 1-го изд. „Капитала“ меновая стоимость есть то, что выражается в шелке, золоте, ваксе и т. д. Выдерживает ли это критику Бейли? — Нет. — Почему? — Потому, что Бейли именно утверждал, что меновая стоимость, скажем, пшеницы, есть золото, шелк и т. д., и Маркс принимает это обозначение. Поэтому нельзя утверждать, что меновая стоимость пшеницы есть что-то третье, отличное от своих форм проявления, ибо эти формы проявления и суть меновые стоимости.

Во втором издании „Капитала“ и во французском переводе его под давлением получившейся неясности конец этой фразы изменен и гласит: „Er muss also einen von diesen verschiedenen Ausdrucksweisen unterscheidbaren Gehalt haben. (Она (меновая стоимость) должна иметь какое-то содержание, отличное от этих разнообразных способов ее выражения). Здесь уже указывается, что изменчивости меновой стоимости противостоит неизменность ее содержания, которое выражается в этих разнообразных меновых стоимостях; но, с одной стороны, то, что выражается, называется попрежнему меновой стоимостью, как и способы выражения этого „нечто“; с другой стороны, термин меновая стоимость обозначает единство того, что выражается, и способов выражения.

Можно подумать, что Маркс ничего не дал больше по этому вопросу, ибо второе издание „Капитала“ — последнее, вышедшее при его жизни; но если сравнить 3-е и 4-е издания, подготовленные к печати Энгельсом, со 2-м изданием, то окажется, что, очевидно, в пометках Маркса на полях 2-го издания была еще одна формулировка, которая и перенесена Энгельсом в 3-е издание, и эта формулировка уже действительно точная. Вот что она гласит: „Следовательно, не одну единственную, а многие меновые ценности имеет наша пшеница. Но так как и *x* сапожной ваксы, и *y* шелка, и *z* золота и т. д. есть меновая стоимость квартера пшеницы, то *x* сапожной ваксы, *y* шелка, *z* золота и т. д. должны быть заменимыми друг другом и равными друг другу меновыми стоимостями“. И вот уже отсюда вытекают, как говорит Маркс, два следствия: во-первых, действительные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто равное, одинаковое, т. е. одну и ту же стоимость пшеницы, как различной глубины борозды, оставляемые алмазом на стекле, стали, золоте, выражают одну и ту же твердость алмаза, приложенную с одинаковой силой. И, во-вторых, — эта меновая стоимость может быть вообще лишь способом выражения этого равного, одинакового, т. е. стоимости, как борозды, проведенные алмазом, выражают отличное от них содержание — сцепление материальных частей, содержание, связанное с формой твердости.

В согласии с цитированным следует полагать, что форма проявления стоимости или меновая стоимость есть то товарное тело, та потребительная стоимость¹⁾, на которое обменивается данный товар,

¹⁾ Именно потребительная стоимость: поскольку же меновая стоимость сама рассматривается как стоимость, она приобретает форму стоимости и превращается в эквивалент. Поэтому Маркс считает особенностью, т. е. частным определением эквивалента формы, то, что потребительная стоимость становится формой проявления стоимости.

поскольку, как неоднократно подчеркивает Маркс, тем самым подчеркивается, что стоимость существует как нечто отличное от натуральной формы данного товара. Таким образом манифестируется, проявляется бытие стоимости. Ну, а что такое форма стоимости? На этот счет теперь уже не может быть прежнего сомнения потому, что если вышеприведенная развернутая форма стоимости (a пшеницы $= x$ ваксы $= y$ шелка $= z$ золота) и вообще формы стоимости могли в целом обозначаться как меновая стоимость, то теперь ясно, что отношение стоимости двух товаров, или одного товара к многим—не то же самое, что меновая стоимость, ибо тут налицо два товара, которые входят в отношение стоимости и оба взаимно, совместным выступлением, доставляют друг другу форму стоимости, форму обмениваемости (на одной стороне относительную, на другой эквивалентную). Так как эти формы взаимно связаны и обусловлены, то они составляют одно целое—форму стоимости в целом ¹⁾.

Что же такое содержание стоимости?—Это есть, как известно, те определения, которые мы дали абстрактному труду, определяя его общечеловеческий характер. Только установив такое различие, можно понять, например, два примечания, которые пытался истолковать, но, по-моему, недостаточно истолковал И. И.

Я укажу на эти примечания (17-е и 32-е в 1 разделе I т. „Капитала“). Первое относится к Бейли: Маркс упрекает его, во-первых, в том, что он путает форму стоимости со стоимостью, т.-е. меновое отношение и взаимное выражение стоимости двух товаров с самой стоимостью, с содержанием ее определения, и, во-вторых, в том, что в меновом отношении он видит только количественную сторону, только количество другой вещи, на которое обменивается данное количество товара. Не будучи в состоянии поставить в связь форму стоимости со стоимостью, он приходит к логическому выводу, направленному против Рикардо, что стоимость есть результат отношения обмена и, следовательно, меновая стоимость—и только. Он нащупал, действительно, большое место рикардианцев, ибо Рикардо хотя и отличал стоимость от отношения двух товаров, но не вывел последнего из понятия стоимости, следовательно, не понял формы стоимости, неразрывно связанной с ее определением и превращающей для поверхностного наблюдателя стоимость в меновую стоимость.

Дело не только в том, что форма стоимости, как показывает анализ, есть связующее звено между стоимостью и меновой стоимостью; существенно то, что из самого содержания стоимости вытекает необходимость, чтобы стоимость проявлялась как эквивалент, как объективное зеркало стоимости товара, а это и делает стоимость меновой стоимостью. И, по Марксу, его заслуга состоит в том, что, указав на двойственный и противоречивый характер труда в меновом обществе, он мог последовательно вскрыть необходимость проявления этого противоречия в форме стоимости и установить неразрывную связь между относительной и эквивалентной формами стоимости.

Как только это достигнуто, как только вскрыта эта первая форма стоимости, понимание денег не представляет уже никаких трудностей.

Вся концепция Маркса совершенно ясна, ясно все его отношение к рикардовой теории стоимости. Он считал своей большой заслугой указание на двойственный характер труда, ибо указание на двойствен-

¹⁾ См. терминологию в анализе простой формы стоимости, Капитал, т. I, гл. I, § 3, пункт А, раздел 4.

ный характер труда ведет к тому, что можно проанализировать форму стоимости и, вместе с тем, можно установить внутреннюю необходимость превращения товара в деньги.

Таким образом мы возвращаемся к вопросу, от которого мы отошли, к центральному вопросу нашей темы—каким образом из определения абстрактного труда вытекает форма стоимости, т.е. отношение двух товаров друг к другу, как стоимостей. Только разрешив его, можно понять упрек Маркса Рикардо, что последнему форма стоимости казалась чем-то внешним и безразличным по отношению к определениям стоимости. Это одно с другим связано.

Если подойти к вопросу об абстрактном труде с точки зрения развитых выше отношений формы и содержания, то станет ясно, что абстрактный труд должен получить самостоятельное объективное бытие для того, чтоб стать из абстракции чем-то действительным. А такое бытие он может получить только в форме стоимости, т.е. в форме отношения стоимостей двух товаров, так как действительность есть с точки зрения материализма внешнее бытие, доступное восприятию, то-есть имеющее чувственно воспринимаемую форму. Из „Введения к критике“ очевидно, что следует различать абстракцию, соответствующую действительности, от абстракции пустой, не соответствующей действительности, от просто умозрительного понятия. Действительность есть нечто вне нас лежащее и познаваемое, но наше голое понятие не есть объективная действительность. Как указывает Маркс в 1-ом издании „Капитала“, только гегелевские понятия ухищряются объективироваться вне вещества.

Поэтому, хотя можно по отношению к социалистическому обществу образовать понятие абстрактного труда, как равного, безразличного, качественно однородного и т. д., но это понятие остается при социализме лишь понятием: это пустая абстракция, а не действительность. Наоборот, в меновом обществе мы имеем объективную форму существования этой абстракции, здесь она становится реальной действительностью и получает в деньгах самостоятельное бытие. Поэтому Маркс в „Введении к критике“ говорит: „Следовательно, простейшая абстракция (труд вообще), которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее для всех общественных форм действительное отношение, становится в этой абстракции практически истинным только как категория современного общества“ (изд. 1922 г., стр. 27—28).

Итак, все дело в том, что труд может получить объективное выражение как абстрактный труд только в форме стоимости.

Когда мы определяем труд, с одной стороны, как конкретный, а с другой стороны, как абстрактный, и утверждаем, что оба определения действительны и неразрывны, получается противоречие, ибо одновременно труд не может являться и конкретным и абстрактным.

Простите за гегелевскую терминологию—в силу этого определения всякий труд должен отличить себя, как другое—как абстрактный труд, от себя самого, как конкретного труда.

Если общечеловеческий характер труда в выше разобранном смысле существует и во всяком не-меновом обществе, то единственной чувственно воспринимаемой его формой является в данном случае натуральная форма труда, конкретная форма, и вместе с тем этот конкретный труд есть в такой конкретности общественный труд. Именно как конкретный труд плотника, столяра и т. д. труд индивидуума входит в общественную систему труда, становится общественным.

Другое дело в товарном хозяйстве. Относится ли здесь непосредственно любой конкретный вид труда ко всем другим видам конкретного труда, как общечеловеческий труд? Вот именно, что непосредственно не относится потому, что непосредственно частный труд не включен в общую систему труда, а не будучи включен в общую систему, он не есть общечеловеческий труд. Робинзон не занимается общечеловеческим трудом, потому что нет людей, нет общества, а только в обществе людей и можно говорить о человеческом характере труда. И, наоборот, общественный труд всегда есть отношение разных видов труда друг к другу, как к общечеловеческому труду, как к затрате одной и той же человеческой рабочей силы, которая выполняет лишь различные функции в различных пунктах.

Таким образом в меновом обществе частный труд, конкретный труд непосредственно общечеловеческим не является. Чтобы стать общечеловеческим, он должен соприкоснуться с другими видами труда. Заранее соприкоснуться с другими видами труда он не может, ибо тогда он будет не частным, а общественным, заранее планомерно организованным. Этот контакт может осуществиться лишь пост-фактум, т.-е. только через посредство продуктов труда.

Вместе с тем эти продукты труда суть единственный материал для объективирования абстрактного труда, для его воплощения. Это воплощение происходит через посредство менового отношения, в котором общечеловеческий характер труда выступает, как особая субстанция, как предметность, хотя и призрачная, как абстрактный труд.

То, что в других общественных формациях будет абстракцией, противоречащей действительности, ибо действительные виды общественного труда будут как-раз не делимы, различны, качественно разнородны, то в этой формации становится практической истиной, ибо лишь будучи выражен объективно, как абстрактный труд (деньги!), конкретный труд становится действительно общественным.

В итоге мы пришли к тому, что указанные два определения труда противоречат друг другу и взаимно исключают друг друга. Если труд определяется как конкретный, то он не может одновременно, рассматриваемый изолированно, быть абстрактным трудом: если труд выражается в потребительной стоимости, как конкретный труд, то в этой же самой потребительной стоимости он не может быть выражен, как абстрактный труд. Для того, чтобы он был выражен как абстрактный труд, необходимо другое товарное тело; отсюда неизбежный вывод: отношение стоимостей двух товаров—есть необходимая первичная форма стоимости, а не что-то безразличное, случайное с точки зрения содержания определения стоимости как количества затраченного труда. Вместе с тем стоимость товара по необходимости получает вид меновой стоимости—товарного тела, отличного от данного и противоположаемого ему, как его стоимость.

В заключение остается пожалуй, что до сих пор нет достаточно удовлетворительного популярного изложения этих вопросов (включая сюда, разумеется, и настоящее). Вопрос об абстрактном труде должен быть изложен с такой простотой и ясностью, чтобы у новичков „марксистского семинара“ он не вызвал сомнений. Мне думается, что этой ясности достичь еще не удалось. Не малую беду при этом представляет то обстоятельство, что в то время, как мы—молодежь—используя свое „преимущество“ перед стариками, с большей легкостью критикуем свои ошибки и недоразумения,—зрелый возраст оказывается более связанным эхом своих слов и потому консервативным.

Думается, что если бы не это, то И. И. гораздо дальше пошел бы в отказе от некоторых мыслей своих „Очерков“, исправляя их с гораздо большей решительностью.

По крайней мере я думаю, что „Очерки“ непримиримы с тем направлением, которое принимает исследование И. И. Рубина, судя по докладу, и было бы крайне желательно для всех нас, если бы И. И. Рубин не стеснялся в дальнейшем необходимою отметить в сторону очень многие положения своих „Очерков“.

Э. Я. Брегель

Товарищи, я считаю, что прения, развернувшиеся по докладу тов. Рубина, в значительной своей части получили неправильное направление, так как многие из выступавших здесь обсуждали по существу не этот доклад, а книгу тов. Рубина „Очерки по теории стоимости Маркса“. Однако, в своем сегодняшнем докладе тов. Рубин некоторые из формулировок, данных им ранее в названной книге, изменил, а другие существенно уточнил и развил. Поэтому мне кажется неправильным то, что ряд выступавших здесь товарищей сосредоточили все свое внимание на критике „Очерков“, упуская из поля зрения доклад, и тем самым придали прениям ненужный литературно-исторический уклон. В своем выступлении я буду иметь в виду исключительно сделанный здесь тов. Рубиным доклад.

Прежде всего я хочу остановиться на нескольких возражениях, сделанных по адресу докладчика, которые я бы назвал априорными. Таково, например, сделанное тов. Богдановым противопоставление „ювелирной“ работы докладчика — „кузнечной“, „топорной“ работе Маркса,—противопоставление, из которого он выводит ненужность какого бы то ни было дальнейшего разъяснения и уточнения марксовых категорий. Мне кажется, что если бы и согласиться с тов. Богдановым в том, что работам Маркса присущ недоделанный и даже „топорный“ характер, то и в этом случае вывод его остается неправильным. Нельзя ведь возводить нужду в добродетель и, например, из факта фрагментарности 2-го и 3-го томов „Капитала“ делать вывод о необходимости писать отрывками вместо систематического изложения. Едва ли можно отрицать также, что—выражаясь словами тов. Богданова—сочетание силы кузнеца и тонкости ювелира может оказаться лишь плодотворной в научном отношении.

Априорный характер имеет и другое утверждение тов. Богданова, сводящееся к тому, что при анализе абстрактного труда нужно стремиться к такому определению его, которое было бы применимо не только к товарному хозяйству, но и к любой другой форме общественного хозяйства. Этот момент, повидимому, тесно связан с общей концепцией тов. Богданова по вопросу о предмете теоретической экономии. Но я думаю, что даже независимо от решения вопроса о том, может ли не-товарное хозяйство быть объектом теоретико-экономического анализа, нужно во всяком случае признать специфический характер законов товарно-капиталистического хозяйства. Однако, это вынуждает нас к признанию и того, что ряд категорий не может иметь приложения вне рамок товарного хозяйства. Если мы возьмем такие категории, как капитал, прибавочная ценность, прибыль и т. п., то не будет же тов. Богданов отрицать, что они применимы лишь к капиталистическому хозяйству. Если мы возьмем другой ряд категорий: товар, ценность, деньги, то найдем, что сфера применения и несколько шире, но все же ограничена пределами товарного хозяй-

ства. Но если это так, то нельзя а priori установить, что категория абстрактного труда не должна быть включена в систему названных исторических категорий, и требовать, чтобы она была всеобщей, относящейся ко всякой форме хозяйства, логической категорией.

Теперь я перейду к существу обсуждаемого вопроса. По моему мнению, детальному определению и анализу абстрактного труда должно предшествовать некоторое общее, более или менее внешнее и предварительное определение его. Только в результате такого определения мы получим определенный объект для последующего исчерпывающего анализа и детального определения. Аналогичное положение вещей имеет место и по отношению к некоторым другим категориям. Так, например, прежде чем приступить к анализу величины меновой ценности по существу, нужно дать общее и еще, так сказать, внешнее определение этого понятия. Определяя меновую ценность как нормальное (в смысле—соответствующее состоянию равновесия в распределении производительных сил общества) меновое отношение воспроизводимых продуктов труда, мы тем самым получаем определенный объект исследования, ограниченный от других объектов, например, от конкретных рыночных цен, от цен так называемых „природных благ“ (земля и т. п.), от цен невозпроизводимых продуктов труда (редкие картины, статуи и т. п.). Только после этого возможно исследование по существу, т.-е. установление причин, определяющих величину ценности товаров. Подобным же образом для ответа по существу на вопрос: что такое абстрактный труд, для исчерпывающего анализа этого понятия нужно сперва дать некоторое общее внешнее определение его. Возможны следующие три общие определения абстрактного труда: 1) абстрактный труд — это то, что понимал под абстрактным трудом Маркс (тут объектом исследования становятся произведения Маркса), 2) абстрактный труд — это труд в товарпроизводящем обществе, 3) абстрактный труд — это труд, в котором определяется ценность. Перейдем теперь к анализу этих определений.

Прежде всего нужно установить, что из приведенных трех определений первое должно быть исключено. Не потому, что марксово понимание абстрактного труда неправильно, но потому, что нельзя а priori предполагать того определения, которое будет найдено у Маркса. Можно притти к такому же пониманию, но нельзя заранее объявлять его истинным.

Итак, у нас остается два возможных общих определения абстрактного труда: 1) труд в товарпроизводящем обществе и 2) труд, определяющий ценность товаров. Различие в этих общих определениях получает свое выражение и в различии окончательных выводов, получающихся в результате анализа этих определений, т.-е. в различии понимания абстрактного труда в целом. Тов. Рубин в своем докладе исходит из первого определения. В соответствии с этим, и те признаки, которые были введены им в понятие абстрактного труда, являются логическим выводом из определения этого труда, как труда в товарпроизводящем обществе. В самом деле, труд в товарпроизводящем обществе характеризуется и физиологическим равенством, и социальным уравниванием, и, наконец, специфической вещной или ценностной формой этого уравнивания, т.-е. он характеризуется всеми теми признаками, которыми тов. Рубин определяет абстрактный труд.

Напротив, если исходить из второго общего определения абстрактного труда, то и выводы для понимания последнего будут несколько иные. В этом случае исходным пунктом служит категория ценности, через которую уже получает свое исчерпывающее определение и ка-

тегория абстрактного труда. Поэтому и момент социальной формы (вещной формы производственных отношений, присущей товарному хозяйству) уже предполагается включенным здесь в самое понятие ценности и не должен дублироваться в понятии абстрактного труда. Иначе говоря, в понятие абстрактного труда при этом включаются лишь признаки физиологического равенства и социального уравниения, но не признак вещной формы этого уравниения; и вследствие этого категория абстрактного труда, не переставая быть социальной, утрачивает ограниченный исторический характер.

Сопоставим теперь оба эти понимания абстрактного труда друг с другом. Если принять первое из них, то нужно будет сказать, что абстрактный труд создает ценность, т.е. является причиной, определяющей ее как с количественной, так и с качественной стороны. Следовательно в этом случае будет правильным такое положение: везде, где есть абстрактный труд, есть и ценность; обе эти категории являются вполне соотносительными друг другу. Если же встать на точку зрения второго понимания вопроса, то нужно будет сказать уже не то, что абстрактный труд создает ценность, но что он лишь определяет ее. Иными словами, в этом случае он является причиной, определяющей величину ценности, но не самое бытие последней. Ход рассуждения здесь, примерно, таков, что сначала устанавливается наличие ценности, значит, наличие овеществленных общественных отношений людей, а затем величина ценности сводится к количеству абстрактного общественно-необходимого труда, следовательно тут будет правильным положение: везде, где есть ценность, есть и абстрактный труд; но обратное положение будет неправильным, т.е. не везде, где есть абстрактный труд, есть ценность. Ценность в данном случае предполагает наличие абстрактного труда и специфической, вещной формы его реализации.

Таково соотношение между обоими пониманиями категории абстрактного труда; которое же из них правильно? На мой взгляд, сама постановка такого вопроса ошибочна. Нельзя противопоставлять оба рассматриваемых определения, как принципиально друг друга исключающие. На поставленный выше вопрос можно ответить: оба определения верны, ибо различие между ними означает не расхождение во взглядах по существу проблемы ценности, но лишь расхождение терминологического порядка.

Всякая наука применяет тот или иной терминологический аппарат, который, однако, является только техническим орудием для сокращенного выражения понятий. Что действительно важно для науки, так это правильное, т.е. соответствующее действительности, построение системы понятий и законов. Однако, пока еще никем не доказана и, как мне кажется, не может быть доказана необходимость однозначного соотношения между системой понятий и системой терминов. Но если это так, то одна и та же система понятий может быть выражена при помощи различных терминов, а следовательно, не всякое различие терминологического порядка означает расхождение по существу.

В качестве доказательства этого, можно сослаться хотя бы на определение империализма у Ленина и у Бухарина. Ленин определяет империализм как эпоху финансового монополистического капитализма и в соответствии с этим включает в это понятие ряд признаков монополии, сращение промышленного и банковского капиталов и т.д. Бухарин определяет империализм более узко, как политику финансового капитала, и, в связи с этим, исключает ряд признаков, включенных в это понятие Лениным. Можно ли, однако, на этом основании

констатировать расхождение во взглядах на империализм между Бухариным и Лениным? Конечно, нет, так как признаки, не введенные Бухариным в понятие империализма, не отрицаются им вообще в качестве характерных для новейшей стадии капитализма явлений. Расхождение между обоими этими авторами не „онтологическое“, но лишь терминологическое. И Бухарин признает те пять признаков, которые Ленин обобщает под названием „империализма“; но только в этот термин он вкладывает более узкое содержание, а наряду с этим указывает и на те признаки, которые под этот термин им не подведены. Нечто подобное, мне кажется, имеет место и в нашем случае. Для теоретической экономии нужно, чтобы было установлено, что ценность является категорией исторической и соотносительна не просто труду, но труду в товаропроизводящем обществе. Далее, нужно, чтобы этот труд получил всестороннюю характеристику. Выражаясь словами докладчика, это значит установить, что он характеризуется: 1) физиологическим равенством, 2) социальным уравнением и 3) специфической, вещной формой этого уравнения. Важно, чтобы все эти моменты были отмечены и отличены друг от друга. Но совершенно второстепенной вещью является вопрос о том, какое количество перечисленных признаков охватывается под рубрикой „абстрактного труда“. Если этим термином охватываются все три признака, то труд в товарном хозяйстве получает свое исчерпывающее определение. Если же этим термином обнимаются только два первых признака, то категория абстрактного труда становится недостаточной для исчерпывающей характеристики труда в товаропроизводящем обществе, а потому момент вещной формы должен быть указан и проанализирован особо. Voilà tout.

Чрезвычайно характерно, что при единодушии марксистов по вопросу о том, что ценность есть категория социально-историческая, наблюдается большое разнообразие в определении абстрактного труда. Я считаю, что расхождение в этих случаях является терминологическим, и в связи с этим у меня возникает вопрос: насколько производительным является тот труд, который затрачивается при спорах об абстрактном труде?

У Маркса также нельзя найти абсолютно твердого и неизменного термина „абстрактный труд“. В одних случаях он обозначает этими словами только два из перечисленных выше признаков, в других — все три. Поэтому-то одни интерпретаторы с успехом могут опираться на одни цитаты из Маркса, а другие — на другие цитаты. В действительности, конечно, у Маркса здесь имеет место противоречие не в понятиях, но только в терминах: одним и тем же термином в различных случаях обозначается то более широкое, то более узкое понятие.

Весь вопрос может быть, однако, поставлен совсем иным образом: не в плоскость различных толкований слов „абстрактный труд“, но с точки зрения выяснения того, в чем заключается специфическая заслуга теории ценности Маркса, отличающая последнюю от теории классиков. Вот если вопрос принимает такую постановку, то независимо от того или иного определения абстрактного труда — нужно сказать следующее. Заслуга и особенность теории ценности Маркса заключается не в том, что он установил физиологическое равенство и социальное уравнение различных видов труда (это было известно и до него), но в том, что он установил факт овеществления, вещного выражения общественного труда в товарном хозяйстве и развил понимание ценности как овеществленного (в этом смысле) труда, т. е. как

исторической категории. И, в свою очередь, большой заслугой тов. Рубина является то, что он этот момент особенно выделяет и подчеркивает.

Из этого не следует, что можно и должно противопоставлять друг другу различные трактовки абстрактного труда и объявлять лишь одну из них объективной истиной, ибо, как я старался доказать раньше, дело здесь по существу сводится к различию в терминологии. Но было бы нелепо — после того, как Марксом был разоблачен фетишизм товара и капитала — подпадать под власть фетишизма слова.

А. С. Цаголов

Мне кажется, что в той проблеме, которая стоит перед нами, а именно в проблеме абстрактного труда и стоимости, одна сторона марксова подхода в его построении системы буржуазной экономики была упущена.

Эта сторона — общественное мировоззрение Маркса, выразившееся в его историческом материализме.

Мне кажется, что для того, чтобы разрешить проблему абстрактного труда, необходимо вспомнить эту сторону марксова учения.

Если посмотреть на вопрос с этой стороны, то марксово учение основано на том, что вся история развития человечества сводится к истории развития человеческого труда, трудовой деятельности человечества. Вот та основа, на которой зиждется все. Остальное — историческая надстройка человеческого общества, и с этой стороны человеческий труд учитывается Марксом не как просто общественный, потому что понятие „труд“ само по себе включает общественную сторону, — а Маркс рассматривает труд, как труд совокупный, присущий человеческому обществу, как целому.

Если проследить развитие общества в различные его экономические формации, то те определения, которые выступают в этом общественном труде, в этом развитии, различаются между собой в форме организации этого труда, т.-е. труд физиологический, заключающий в себе общественное определение, в одной формации, от труда другой отличается только своей формой организации.

Мне кажется, что т. Рубин в своем докладе эту сторону все время имел в виду. Это у него была та предпосылка, из которой он исходил, разрешая все остальные стороны поставленной перед нами проблемы.

С другой стороны, и в прениях и в докладе т. Рубина не выступает одна сторона учения Маркса, это — учение об абсолютной и относительной стоимости. Ведь вся критика, которую Маркс направил против Бейли, заключалась в этом разграничении понятия стоимости, как абсолютной и относительной. Что же представляет собой абсолютная стоимость?

Эта абсолютная стоимость и есть отношение части к целому, т.-е. отношение труда частного производителя к совокупному общественному труду. Совершенно очевидно, что Маркс, трактуя об абстрактном труде, имел в виду, конечно, не труд физиологический, и подчеркивать эту сторону никому, ни Марксу ни его последователям, не приходило в голову, потому что эта сторона никакого обогащения для уяснения товаропроизводящего хозяйства не дает.

И прав т. Рубин, когда он подчеркивает форму организации труда. В какой форме этот частный труд относится к совокупному труду? Даже труд Робинзона Маркс разлагал на его отдельные функции, на его отдельные конкретные проявления, таким образом как бы представляя

труд Робинзона совокупным трудом какого-то органически целого общества: отдельные его детали рассматривал в отношении к совокупному труду Робинзона. В конце анализа труда Робинзона Маркс заявляет, что все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, просты и прозрачны, и все же в них заключаются все существенные определения стоимости. Почему же однако этот труд не создает стоимости? Потому, что он организован таким образом, что нет необходимости вещного выражения организации этого труда.

И вот, в анализе общественного труда в товарном хозяйстве потому и нужно было т. Рубину подчеркнуть эту сторону, сторону вещной формы организации труда, чтобы показать то центральное место в понятии абстрактного труда, которое имелось у Маркса.

С этой стороны, мне кажется, что все те обвинения, которые бросались т. Рубину, были несомненно чрезвычайно легкомысленны и никакой почвы под собой не имели.

Теперь относительно трактовки абстрактного труда, данной т. Рубиным в его докладе. Мне кажется, что эта трактовка не подлежит никакой критике.

Очевидно, что стоимость, отличаемую нами от меновой стоимости, нельзя рассматривать только как содержание или только как форму. Совершенно правильно, что это есть единство формы и содержания.

Но в каком смысле это содержание стоимости включает в себя форму? Что такое форма вообще?

Ведь если посмотреть на общественный труд, как на отношение частного труда к совокупному общественному труду, то этот общественный труд представляется нам в форме отношения. Итак, форма заключается в отношении. Вся проблема заключается в том, какую форму это отношение частного труда к совокупному принимает в историческом развитии.

Обращаясь к организации общественного труда в товарном хозяйстве, мы видим, что это отношение частного труда отдельного товаропроизводителя к совокупному общественному труду и (если это расширить) труда отдельных товаропроизводителей к общественному труду, — и отсюда их отношения между собой, — принимают вещную форму. Человеческие отношения между собой принимают вещную форму.

Теперь я перехожу к стоимости. Когда бросили упрек т. Рубину о том, что он уже в самый труд, который создает стоимость, вкладывает то содержание, которое имеется в стоимости, то это, опять-таки, с моей точки зрения, был нелепый упрек. Почему?

Если мы станем на точку зрения, на которой стоял в своем анализе Маркс, то мы с несомненностью увидим, что всякий анализ любого явления и ряд определений этого анализа мы должны вести не таким образом, чтобы причина и следствие относились друг к другу, как исключаяющие понятия, а так, чтобы каждое понятие имело в себе такое определение, которое в своем развитии неизбежно влечет дальнейшее, и дальнейшее неизбежно включает в себя предыдущее.

Я считаю, что все построения понятия об абстрактном труде и стоимости, данные т. Рубиным в его последнем докладе, абсолютно соответствуют тому, что развивал Маркс.

В докладе, который мы здесь заслушали, и в дискуссии, которая развернулась вокруг этого доклада, есть два момента, две стороны. С одной стороны, поставлены вопросы по существу самой проблемы и даны ответы на них; с другой стороны, — ставился вопрос о значении доклада и дискуссии, как таковых. Некоторые товарищи именно так ставили вопрос, и я думаю, что этого придется коснуться.

Начинаю с небольших замечаний, которые существенного значения не имеют, но я все-таки хочу на них остановиться. Я считаю, что правы гг. Дукор и Абезгауз, когда они обращают внимание И. Рубина на то, что разделение установленных им двух методов — аналитического и диалектического — лучше было бы заменить делением на аналитический и генетический метод. Лучше пользоваться вторым термином Маркса, поскольку в этот термин мы вкладываем определенное содержание, и вносить здесь неясность не следует. На это, мне кажется, нужно обратить внимание.

Дальше, несколько непонятно мне было, почему И. Рубин на прошлом заседании так много останавливался на субстанции и форме стоимости, и указывал на то, что в вульгарном понимании говорят, что стоимость это и есть труд, и что такое понимание есть вульгаризация. Правда, это — вульгаризация; но стоит ли на этом так долго останавливаться?

Затем, последний товарищ обратил внимание на категории абсолютной и относительной стоимости. Я думаю, что правильно было бы вспомнить об этом тогда, когда т. Рубин довольно подробно останавливался на разграничении понятий стоимости и меновой стоимости.

Затем, следующий вопрос — уже несколько серьезнее.

Это — та последовательность и категорий и явлений, которые устанавливает И. Рубин, когда он анализирует абстрактный труд. Он устанавливает такие категории: производственные отношения, абстрактный труд, стоимость, меновая стоимость, деньги. Получается законченная классификация, но я боюсь, что тут имеются кое-какие нежелательные новшества.

Категория, предшествующая стоимости, на которую стоимость опирается, — эта категория — абстрактный труд, и точка. Тов. Кон обратил внимание на это, и мне кажется, что он прав. Я думаю, что у нас с категорией стоимости настолько прочно ассоциировалась вторая категория, вторая характеристика понятий, что разрывать эту ассоциацию не следовало бы. Дело в том, что категория общественно-необходимого труда выпала из всего анализа, и никто о ней не вспомнил, даже т. Кон, который говорил только об абстрактном и об общественном труде. У И. Рубина это сплошь пронизало весь его доклад. Я думаю, что завоеванные прочные позиции в трактовке труда, образующего стоимость, должны быть сохранены.

И. Рубин проделал операцию включения „общественный“ в понятие „абстрактный“. Это, может быть, и правильно, но нельзя уничто-

жать и вытравливать категорию общественно-необходимого труда. Поэтому я думаю, что в пятичленную схему, установленную И. Рубиным в последнем его сообщении, следовало бы ввести понятие общественно-необходимого труда. Категорию стоимости без понятия общественно-необходимого труда нельзя конструировать.

Теперь перехожу к основному вопросу, вокруг которого развернулись прения, к вопросу по существу, т.е. к проблеме абстрактного труда. Я согласен с И. Рубиным в той постановке, которую он дал в своем докладе сегодня. Считаю, что у него заслуга двоякого рода: в своих „Очерках“ он заострил вопрос. Не знаю, вольно или невольно, но в этом заострении он перегнул палку и создал опасность извращения понимания абстрактного труда. Но заслуга заключается в том, что вопрос был поставлен.

Считаю, что та трактовка, которая дана в книге „Очерки“, неправильна. Там однобоко и односторонне развернуто это понятие. Результатом этого заострения было заострение противоположной трактовки, заострение внимания на физиологической трактовке труда.

И. Рубин в своем последнем выступлении, в докладе, по-моему, дает синтез из тезиса и антитезиса, включая физиологический момент в свою трактовку абстрактного труда, и я считаю это правильным.

В первой постановке у него получается полное отождествление понятия стоимости и абстрактного труда. Получалось, что И. Рубин между этими понятиями ставит три черты—математический знак тождественного равенства, и в то же время была другая формулировка, которая приводила к иному решению. Там есть более устраивающая меня формулировка, а именно, что это определение является неполным определением.

Я считаю, что последняя формула И. Рубина, которая включает в себя оба момента, т.е. говорит об абстрактном труде, как об определенной затрате мускульной энергии и проч., происходящей в определенной социальной среде, в определенной социальной обстановке, в определенных социальных условиях, это и есть та формула абстрактного труда, которая должна быть нами принята.

Физиологическая трактовка труда, как затраты мускульной энергии, вполне законна для всякой общественной формации. Переход в товарную формацию обязывает нас выявить специфическую характеристику, свойственную данной формации. Одно и то же явление, попадая в новую среду, может получить новую характеристику. Понятие абстрактного труда—это специфическое понятие менового товарного общества; „вечное“ явление затраты человеческой энергии получает здесь специфическую характеристику.

В этом—итог всей той большой дискуссии, которая велась вокруг этого вопроса, и мне кажется, что т. Кон, который начал с очень энергичной атаки против И. Рубина, в своей конечной формулировке дал именно такое определение. (*Читает.*)

Так что мне кажется, что формулировка, данная И. Рубиным, является совершенно правильной, но в расшифровке этой формулы есть некоторые оттенки, с которыми нельзя согласиться.

Я считаю, что прав т. Кон, когда он говорит, что получается порочный круг при включении понятия денег в понятие абстрактного труда. Действительно, если в понятие абстрактного труда включается понятие денег, мы возвращаемся в порочном круге.

Это неправильно. Я думаю, что заслуга Маркса именно в том, что он всю систему теоретической экономии построил на одном исходном понятии. В этом была его сила, и нужно уметь развернуть из этого по-

нения всю систему прочих понятий; и именно потому, что у него был монистический принцип, он и мог дать такую систему, которая целиком охватывала все противоречия капиталистического хозяйства и представляла это хозяйство все-таки как единство.

Отношения капиталистического общества отражаются в тех категориях, которые сконструированы Марксом. Я дальше разверну это несколько подробнее. Все построение категории стоимости Маркса есть построение аксиоматического характера. Сошлюсь на знаменитое письмо к Кугельману, где Маркс прямо заявляет: „доказывать понятие стоимости — чепуха“.... (Читает.) И мне представляется, что многое объяснится, если мы к учению о стоимости подойдем именно с этой точки зрения, с точки зрения того, что это постулат, с точки зрения того, что это аксиома. Если это понять, то тогда для нас все построения станут логическим следствием из данного основного принципа.

Я имею аксиому, и из нее вывожу целый ряд следствий. И аксиома и те следствия, которые из нее вытекают, сосуществуют одновременно. У меня есть основная точка зрения, и есть то, что вытекает из этого положения.

Если же мы будем исходить из того, что это все нужно объяснять и доказывать, тогда у нас будет чрезвычайно много уделяться внимания этому доказательству, объяснению, разъяснению и т. д., что по существу не нужно.

Если же мы станем на точку зрения, что тут нам дана аксиома, которую Маркс охарактеризовал широкими мазками, то наша задача значительно упрощается.

Правы и т. Богданов и т. Кон, что не должно быть такого тщательного, детального отделявания частей. Не нужно так углублять и так искать концов, и так доводить все до последних граней, и не нужно потому именно, что это есть тезис, это есть положение, это есть аксиома, которую Маркс несколькими штрихами разъясняет.

Я сам отдал достаточную дань тому, чтобы покопаться в отдельных деталях этой теории, и именно потому считаю себя вправе это сказать. Есть предел во всякой работе, и есть предел во всяком анализе.

Я думаю, что здесь известные пределы мы переходим. Приведу следующую иллюстрацию своей мысли. Если мы возьмем картину и попробуем рассматривать ее в микроскоп, то она перестанет быть картиной. Набор точек и пятен уже перестанет быть произведением искусства с точки зрения того, кто рассматривает картину при помощи микроскопа, а объективно, конечно, Рафаэль останется Рафаэлем, а Мурильо останется Мурильо.

Объективно, теория Маркса существует и останется и остается, но не надо брать ее под микроскоп. Понятие, имейте в виду, также имеет законы своего бытия и законы своего движения. (С места: «А как же Маркс говорил, что абстракция заменяет микроскоп?»)

Совершенно верно. Маркс говорит о том, что абстракция заменяет микроскоп, но он говорит это по другому поводу и в другой связи. Так как мы не можем *in concreto* создать обстановки для анализа социальных явлений, которые нас интересуют, то мы создаем ее искусственным образом, путем абстракции. Мы создаем модель, которая упрощает реальность в ее конкретности. Мы из данной общественной формы выбираем только самое существенное, самое основное.

Имеется только один закон применения абстрагирования, и этот закон состоит в том, чтобы в нашей абстракции не отсутствовали наиболее существенные черты данного изучаемого нами явления. Если

они сохранены (степень абстрагирования может быть больше или меньше, но лишь бы не было утрачено то, что является существенным, определяющим данное явление, дабы не получалось в нашей модели подстановки одного явления вместо другого), если наша модель сохраняет наиболее характерные и существенные черты данной конкретности, тогда она является той моделью, которую мы можем оперировать в своем анализе. Только в этом смысле говорил Маркс о том, что абстракция нам заменяет микроскоп. Я говорю о другом, я говорю о микроскопе, при помощи которого мы рассматриваем картину.

Какова познавательная ценность той работы, которая проделана здесь? Какие выводы можно сделать?

Я думаю, что вывод в области существа вопроса — это та формула, к которой пришел сегодня в своем докладе И. Рубин в трактовке абстрактного труда, это тот максимум, которого мы достигли в этой работе. Но это, конечно, не всех удовлетворяет. Мы отсюда разойдемся с тем, что у разных товарищей будут разные подходы к решению проблемы и разные ответы на нее, как они были до того, как они пришли на этот „семинарий“. Есть товарищи, которые будут защищать физиологическую трактовку понятия „абстрактный труд“, и есть товарищи, которые будут возражать против нее. Переубедить кого-либо в таких дискуссиях почти невозможно.

Но самая работа, если мы ее попробуем оценить, таит в себе известную опасность, ту опасность, о которой говорили и т. Богданов и т. Кон. Эта опасность состоит в том, что мы углубились слишком далеко в анализ того, что не требует такого углубления, прodelываем работу излишнюю. Мы идем извилистым путем там, где могли бы пройти прямым путем ближе и короче. Это то копание, которое усложняет дело.

Для меня теория стоимости Маркса является в его системе той „аксиомой“ (условно, разумеется), на которой он строит всю свою систему. Последующие категории я должен выводить из основной. На изучение отдельных деталей не должно быть затрачено такого количества труда, какое теперь тратится, и я думаю, что центр тяжести работы перманентного семинария должен быть перенесен не столько на систематическое, упорное, постоянное движение в пределах всех формул, которые дает Маркс, сравнение тезисов и высказываний, которые давал Маркс, — эта часть работы в индивидуальном порядке отдельными товарищами может быть сделана, — но сделать это нашей постоянной коллективной работой, это, я думаю, и И. Рубин вряд ли считает целесообразным.

Положить в основу нашей работы систематическое, упорное движение по всем этим деталям, конечно, не годится: это не может составить содержания нашей работы. Это может нас завести в схоластику и может нас сбить с правильного пути изучения Маркса. Теория стоимости — это основной момент в системе Маркса, она охарактеризована в основных своих чертах Марксом, и центр тяжести должен быть перенесен на изучение тех законов, которые являются следствием основного закона. Вот путь, по которому мы должны двигаться для того, чтобы не превращать нашу работу в работу схолистическую.

Второй путь — это путь, который лежит по линии работы в специфических условиях нашей обстановки; усвоивши в основном марксовы построения, мы должны пытаться их применить как ключ к пониманию специфической экономики переходного периода.

Если мы нашей работе дадим такое направление, если марксова теория для нас превратится в орудие, которое мы используем для

того, чтобы сделать следующий шаг,—тогда, я думаю, наша работа делается сочной, содержательной, получит смысл, и не будет иметь того характера топтания на месте, который получается в результате того, что мы пытаемся уточнить вопросы, которые Маркс сам не считал нужным слишком уточнять.

Такова оценка, которую я даю работе, проделанной нами, и тот вывод, который я делаю из поставленного здесь вопроса о ценности, характере и природе работы перманентного семинария по марксизму. Он, конечно, необходим, и т. Богданов совершенно неправ. Другой системы, кроме марксовой, мы не имеем, другого метода мы не знаем, ключа к пониманию экономических явлений у нас иного нет. Это единственный способ изучать, но изучать, очевидно, нужно несколько по-иному, чем это сделано в настоящем докладе с его уклоном к отделке, граничащей со схоластикой.

Заключительное слово И. И. Рубина.

Товарищи, я не буду останавливаться подробно на всех возражениях и замечаниях моих оппонентов и не буду разбирать каждое из них. Это разбило бы мое изложение и не дало бы возможности выяснить затронутые вопросы. Я выделяю только основные пункты, которые служили предметом спора, и постараюсь, по мере возможности, их выяснить.

Первый вопрос, особенно резко поставленный А. А. Богдановым, это — вопрос о том, в какой мере вообще нужна специальная и детальная работа над Марксом. А. Богданов очень метко сказал, что Маркс был кузнецом, а не ювелиром; отсюда он делал вывод, что мысль Маркса отличалась силою, а не тонкостью и точностью. Я должен добавить, что Маркс никоим образом не был кузнецом, который работает с помощью самодельного ручного молота. Мысль Маркса была вооружена всеми достижениями науки, и если Маркс был кузнецом, то работал он с помощью парового молота; а ведь известно, что паровой молот обладает способностью разбивать громадную стопудовую глыбу, но с тем же успехом может разбить скорлупу ореха, оставив ядро его невредимым. Мысль Маркса отличалась и мощностью и тонкостью, которые свойственны всем великим умам человечества. Поэтому я считаю, что мы не только вправе, но и обязаны относиться к мысли Маркса со всей той серьезностью, которой она заслуживает.

Если вы прочтете „Теории прибавочной стоимости“ Маркса и увидите, с какой тщательностью и неутомимостью Маркс постоянно возвращался к тем же самым проблемам, то вы признаете, что и мы должны работе над Марксом посвятить максимум силы и максимум внимания. Мы обязаны это делать потому, что только при помощи такой упорной и детальной работы мы действительно сможем вскрыть все те богатства, которые Маркс оставил нам в наследство. Я считаю, что мы не только не усложняем Маркса, но многие мысли и идеи Маркса раскрываются нам только при помощи тщательного анализа и углубления в его мысли.

Конечно, нужно сказать, что в истории мы часто замечали, что эпохи усиленного комментирования были эпохами разложения данного течения мысли. Конечно, было бы не безопасно, если бы все наше внимание обратилось исключительно на литературно-критическую разработку, скажем, текста Маркса. Чтобы избежать такой опасности, мы должны постоянно привлекать в круг нашего исследования новый реальный жизненный материал и обрабатывать его при помощи метода Маркса. Перед нами стоит, как выразился в одном месте Гильфердинг, двойная задача: приспособления наших мыслей к реальным явлениям и взаимного приспособления наших мыслей друг к другу. Конечно, основной задачей является первая, но из-за нее мы не должны пренебрегать и второю. В нашу теоретическую систему мы должны внести известную организованность, единство, и эта обязанность лежит на всяком, кто хочет заниматься изучением Маркса.

Я вполне согласен, что во многих случаях нам грозит опасность запутаться в бесплодных схоластических упражнениях и терминологических спорах. Эту опасность схоластического уклона я замечаю у многих молодых товарищей, но я скажу, что этот уклон объясняется отнюдь не тем, что они слишком детально вникают в мысль и в текст Маркса. Наоборот, этот уклон объясняется скорее тем, что они проявляют большую беззаботность в отношении изучения Маркса.

Если с внешней стороны подойти к моей работе „Очерки по теории стоимости Маркса“ и к докладу, мною прочитанному, то, конечно, некоторые детали могут показаться людям более или менее неискушенным слишком специально углубленными и ненужно усложненными. Объясняется это отчасти тем, что вопросы эти действительно так трудны и сложны, что часто нелегко найти для них надлежащую словесную и логическую формулировку. Но, по существу, мною в моей работе руководило именно желание устранить всякую схоластику, вникнуть в ход мыслей Маркса, передать их по возможности более точно и перевести их с языка философского на язык социологический. Я ставил себе целью побудить товарищей не только вникнуть глубже в мысли Маркса, но и подыскать для каждого понятия Маркса те реальные социальные явления, которые этому понятию соответствуют.

Например, переходя к вопросу об абстрактном труде, я утверждаю, что как ни сложны на первый взгляд те построения, которые я даю, но по существу они гораздо проще и понятнее тех простых положений, которые вы находили в каждой популярной книжке. Действительно, в любом популярном изложении теории стоимости Маркса вы могли прочесть известное положение о том, что конкретные виды труда сводятся к одинаковому абстрактному труду. Но если бы вы поставили вопрос, где именно происходит это отвлечение от конкретных видов труда, я думаю, что на этот вопрос вы ясного ответа не получили бы. До сих пор еще у многих читателей существует представление, что абстрагирование от конкретных особенностей труда есть мысленный акт, происходящий в уме исследователя. И такое представление было, можно сказать, почти общераспространенным.

Столь же распространенным было представление, что абстрактным трудом является физиологическая затрата энергии, как таковая. Это представление, отличающееся мнимой простотою и удобопонятностью, на самом деле превращает весь процесс образования стоимости в нечто весьма непонятное и даже таинственное. Каким образом стоимость может быть образована абстрактным трудом, если последний является продуктом мысленного акта абстрагирования, продельваемого в уме исследователя, и по своему содержанию совпадает с физиологически равным трудом? На этот вопрос вы тщетно искали бы вразумительный ответ.

Чтобы устранить мнимую „простоту“, искажавшую учение об абстрактном труде, я поставил себе две задачи: показать, что абстрагирование от конкретных особенностей труда есть реальный факт, который происходит в действительной жизни, и показать, что понятие абстрактного труда не может быть отождествляемо с понятием физиологически равного труда, а означает труд социально уравненный в специфической форме, присущей товарному хозяйству. Кажущимся усложнением понятия абстрактного труда я хотел достичь упрощения всей проблемы и перенесения ее в плоскость изучения реальных социальных явлений. Упрек в чрезмерном „усложнении“ теории стоимости, — усложнении, которое грозило бы завести нас в область схоластики, — я считаю совершенно необоснованным.

Столь же необоснован упрек, будто я ревизую теорию Маркса. А. Кон утверждал, что я ревизую марксизм, что я говорю то же, что говорил Струве. На этом пункте я должен остановиться. Что говорил Струве? — Он говорил, что вся теория Маркса проникнута непримиримым дуализмом социологической и механически-натуралистической точек зрения. В теории стоимости Маркс, по мнению Струве (разделяемому очень многими критиками Маркса), придерживается механически-натуралистической точки зрения, в то время как в остальных частях своей системы он проводит точку зрения социологическую.

Итак, Струве говорил, что вся теория Маркса проникнута непримиримым дуализмом обеих точек зрения; я же старался показать, что теория Маркса монистична от начала до конца. Главная моя задача была доказать, что в теории стоимости, где, как критики Маркса утверждали, у него явно проявляется натуралистическая точка зрения, мы видим полное торжество социологической теории производственных отношений и товарного фетишизма.

Чтобы показать вам, что в данном случае А. Кон хочет свалить с больной головы на здоровую, позвольте процитировать несколько мест из книжки А. Кона „Теория промышленного капитализма“ (изд. 1923 г.). Появление абстрактного труда рисуется А. Коном в следующем виде: „Стоит лишь нам абстрагироваться (отвлечься) от тех потребительных ценностей, на создание которых труд направлен, чтобы отпала вся специфическая обстановка каждого вида труда и чтобы всякий вид труда превратился просто в трату человеческой энергии“ (стр. 12). Не буду уже говорить об устарелом и наивном представлении, будто процесс отвлечения от конкретных особенностей труда есть не что иное, как мысленный акт абстрагирования, производимый в уме исследователя: „стоит“ лишь нам абстрагироваться, — и конкретный труд уже превратился в абстрактный. Не понятно только, почему Маркс рассматривал этот процесс превращения, как трудный и мучительный процесс, который подчас весьма дорого „стоит“ товаропроизводителю. Оставим, однако, в стороне вопрос о возникновении абстрактного труда. По А. Кону абстрактный труд, в отличие от труда, образующего стоимость (см. об этом ниже), — есть затрата физиологической энергии вне зависимости от конкретной потребительной стоимости, на производство которой эта энергия затрачивается.

Прочтем теперь следующую фразу: „Абстрактный труд Маркса есть физиологическое понятие, идеально, по крайней мере, подлежащее сведению к механической работе“.

Вы, может быть, думаете, что эта фраза принадлежит А. Кону? Вы ошибаетесь: она взята нами из предисловия П. Б. Струве к „Капиталу“ (изд. 1906 г., стр. XXVIII).

Теперь, надеюсь, вы можете судить, кто в вопросе об абстрактном труде разделяет взгляды Струве на марксову теорию стоимости, и кто эти взгляды отвергает.

Чтобы не возвращаться еще раз к книжке А. Кона, остановлюсь еще кратко и на следующем пункте. А. Мендельсон выразил сомнение, можно ли еще встретить у кого-нибудь из современных марксистов отождествление стоимости с трудом, отождествление, ложность которого я старался показать в своем докладе. Разрешите мне из той же книжки А. Кона (стр. 11) прочесть фразу, напечатанную жирным шрифтом и, следовательно, рекомендуемую читателю для заучивания: „Количество труда, затраченного обществом на производство данного товара, служит основой его меновой стоимости и называется стоимостью“ (курсив мой). Можно ли найти более яркое отождествление стоимости с трудом?

Следующее обвинение против меня заключается в том, что я будто бы изучаю форму экономических явлений, устраняя и игнорируя их материальное содержание. Я считаю, что такой упрек не имеет никаких оснований.

Теория Маркса есть действительно учение о формах экономических явлений, и Маркс это постоянно подчеркивает. Основные экономические категории: стоимость, деньги, капитал, различные виды капитала, и т. п., — суть социальные формы вещей, отражающие социально-производственные отношения людей. Но представлять себе все эти экономические формы оторванными от материально-технического процесса производства было бы в высшей степени нелепо, как нелепо было бы сказать, что экономическая система Маркса есть система экономических форм, находящихся где-то в безвоздушном пространстве. Маркс не только постарался развить грандиозную систему связанных друг с другом экономических форм, но и постарался всю эту систему прикрепить к лежащей в их основе материально-технической базе, к процессу производства.

Каким же образом Маркс этого достиг? Одним в высшей степени характерным приемом. Он достиг этого тем, что первоначальной экономической формой, из которой он потом выводит все дальнейшие экономические формы, он избрал социальную форму труда.

Поэтому я никак не могу согласиться с А. Мендельсоном, который предлагает за исходный, аксиоматический пункт всего исследования взять понятие стоимости. За исходный пункт всей марксовой экономической системы должен быть принят труд, который своей двойственной природой, конкретно и абстрактно, обращен одновременно и к материальному процессу производства и к упомянутой системе экономических форм.

В своей книге я не только предполагал молчаливо, но и постоянно подчеркивал эту мысль. Я указывал, что движение стоимости в конечном счете зависит от изменений в материальном процессе производства. Я отмечал тесную зависимость изменений разных экономических форм от изменений, происходящих в техническом процессе производства и принимаемых нами за основу или предпосылку экономического исследования. Я постоянно указывал, что каждой экономической форме соответствуют определенные материально-технические предпосылки. Но я, конечно, не мог ставить своей задачей показать, как именно изменяется весь процесс материально-технического производства и каким образом эти изменения оказывают воздействие на изучаемую нами систему экономических форм. Эта задача, конечно, выходила за пределы моей темы и даже за пределы политической экономии в узком смысле этого слова.

Задача исследования взаимоотношений между материальными производительными силами и производственными отношениями людей должна быть выполнена марксистами-социологами, а не экономистами. Мы, экономисты, вправе в данной области ждать помощи от социологов. К сожалению, социологическая теория Маркса в еще меньшей степени разрабатывается марксистами, чем его экономическая теория, и необходимая для нас помощь со стороны социологов часто не приходит.

Именно трудностью и невыясненностью вопроса о соотношении между объектом экономического исследования и его материально-техническими (и биологическими) предпосылками объясняется, как я полагаю, тот факт, что вопрос о роли физиологического труда вызывает горячие споры. Другим источником, питающим эти споры, является неясность самого термина физиологический труд, который прикрывает собою различные понятия.

При любой социальной форме хозяйства человеческий труд является одновременно и материально-техническим и физиологическим трудом. Первым признаком труд обладает постольку, поскольку он подчинен известному техническому плану и направлен на производство продуктов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей; последним признаком труд обладает постольку, поскольку он представляет собою затрату физиологической энергии, накопленной в человеческом организме и требующей своего регулярного восстановления. Если бы труд не создавал полезных продуктов, или если бы он не сопровождался затратой энергии человеческого организма, вся картина хозяйственной жизни человечества была бы совершенно иной, чем какую она является на самом деле. Следовательно, труд, рассматриваемый вне зависимости от той или иной социальной организации хозяйства, представляет материально-техническую и одновременно биологическую предпосылку всякой хозяйственной деятельности. Но эту предпосылку экономического исследования нельзя превращать в его объект. Затрата физиологической энергии, как таковая, не составляет абстрактного труда и не образует стоимости. Именно это положение я и старался обосновать в своей работе „Очерки по теории стоимости Маркса“.

Но в „Очерках“ имеется существенный пробел: я ограничился там разбором физиологической версии абстрактного труда в ее наиболее грубом виде. Сторонники этой наиболее грубой версии утверждают, что стоимость продуктов создается абстрактным трудом, как затрата известной суммы физиологической энергии. Но имеется также и более тонкая формулировка физиологической версии¹⁾, которая гласит приблизительно так: равенство продуктов, как стоимостей, создается равенством всех видов человеческого труда, как затраты физиологической энергии. Здесь труд рассматривается уже не просто как затрата некоторой суммы физиологической энергии, а со стороны его физиологической однородности со всеми другими видами труда. Здесь человеческий организм рассматривается уже не только как источник физиологической энергии вообще, но и как источник, способный доставлять труд в его любой конкретной форме. Понятие физиологического труда вообще превратилось в понятие физиологически равного или однородного труда.

Однако, и этот физиологически однородный труд представляет собою не объект, а лишь предпосылку экономического исследования. Действительно, если труд, как затрата физиологической энергии, составляет биологическую предпосылку всякого человеческого хозяйства, то физиологическая однородность труда составляет биологическую предпосылку всякого общественного разделения труда. Эту сторону вопроса, на которой я не останавливался в „Очерках“, я выяснил в своей вступительной статье к книге В. Либкнехта „История теории стоимости в Англии“, где я писал (стр. 19): „Физиологическая однородность человеческого труда является необходимою предпосылкой для возможности перехода людей от одного вида труда к другому и, следовательно, для возможности социального процесса перераспределения общественного труда“.

В отмеченной вступительной статье к книге В. Либкнехта я указывал, что если бы люди рождались, как пчелы или муравьи, с определенными трудовыми инстинктами, которые заранее ограничивали бы их биологическую способность одним видом труда, то разделение труда

¹⁾ Об этой версии см. мою вступительную статью к книге В. Либкнехта „История теории стоимости в Англии“ (стр. 19—20).

было бы фактом биологического, а не социального порядка. Для того, чтобы общественный труд мог направляться то в одну, то в другую сферу производства, нужно, чтобы каждый индивид мог переходить от одного вида труда к другому. Следовательно, физиологическое равенство труда представляет собой необходимое условие для того, чтобы вообще могло происходить социальное уравнивание и распределение труда. Только на основе физиологического равенства или однородности человеческого труда, т.-е. разносторонности и гибкости трудовой деятельности человека, и возможен переход от одной работы к другой, а следовательно, и возникновение общественной системы разделения труда и в частности системы товарного хозяйства, характеризуемой абстрактным трудом. Поэтому, когда мы говорим—абстрактный труд, мы предполагаем труд социально уравненный, а социальное уравнивание труда предполагает в свою очередь физиологическую однородность труда, без которой никакое распределение труда, как процесс социальный, вообще не могло бы иметь места.

Физиологическая однородность человеческого труда представляет собою только биологическую предпосылку (которая сама, в свою очередь, является результатом длительного процесса развития человека, в частности развития его орудий труда и некоторых органов тела, рук и мозга), но не причину развития общественного разделения труда. Степень развития и формы последнего определяются чисто социальными причинами и в свою очередь определяют, в какой мере разносторонность трудовых операций, к выполнению которых потенциально способен организм человека, сможет действительно проявиться в виде разносторонности трудовых операций, выполняемых человеком, как членом общества. При строго проведенном кастовом строе физиологическая однородность человеческого труда не может проявиться в значительной мере на практике. Даже в небольшой общине, основанной на разделении труда, физиологическая однородность труда проявляется в узком кругу лиц, и общечеловеческий характер труда не может найти своего выражения. Только на основе товарного хозяйства, характеризующего широким развитием обмена, массовым переходом индивидов от одной работы к другой, безразличию индивида к конкретному виду труда и превращением конкретного труда в абстрактный, — мог развиваться и проявляться однородный характер всех трудовых операций, как видов общечеловеческого труда вообще. Физиологическая однородность человеческого труда была необходимой предпосылкой общественного разделения труда. Но лишь на определенной ступени общественного развития и при определенной социальной форме хозяйства труд индивида характеризуется как форма проявления общечеловеческого труда. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что понятие о человеке вообще и о человеческом труде вообще возникло только на почве товарного хозяйства. Именно это и хотел отметить Маркс, когда он указывал, что в абстрактном труде находит свое выражение общечеловеческий характер труда.

Итак, создание стоимости никоим образом не может быть нами понято из характера труда, как физиологически равного. Именно это положение я усиленно выдвигал, и теперь могу констатировать, что почти все оппоненты с этим тезисом согласны. Ни один из них не утверждал, что труд именно в качестве физиологически равного является трудом, образующим стоимость; и если вначале А. Кон пытался это доказать, то в конце своей речи он сам пришел к отрицанию этого положения. Действительно, А. Кон старается сблизить и даже отождествить абстрактный труд с трудом физиологическим. Но в конце-концов

он признал, что абстрактный труд, в качестве такового, еще не образует стоимости. Чтобы образовать стоимость, труд, по мнению А. Кона, должен быть не только абстрактным, но и общественным, он должен быть организован в определенной социальной форме. Не пришел ли А. Кон к тому же положению, которое я доказывал? Вся разница только в терминологии. То, что я называю физиологически равным трудом, А. Кон называет абстрактным трудом, а то, что я называю абстрактным трудом, он называет трудом, образующим стоимость. Следовательно, перед нами встает вопрос, является ли всегда абстрактный труд также трудом, образующим стоимость, или же абстрактный труд,— как то утверждает А. Кон,— может не быть трудом, образующим стоимость? Я отвергаю толкование А. Кона, во-первых, потому, что в марксистской литературе установилась прочная традиция рассматривать абстрактный труд, в противоположность конкретному, как труд образующий стоимость. Но еще важнее то обстоятельство, что попытка А. Кона приводит в резкому отрыву абстрактного труда от общественного труда: абстрактный труд может не быть общественным трудом. Такое представление резко противоречит мысли Маркса.

Труд, образующий стоимость, есть общественный труд, но абстрактный труд—это есть форма общественного труда, это есть специфическая форма, которую общественный труд принимает в товарном хозяйстве. Эту мысль мы постоянно встречаем у Маркса, и она обязывает нас сделать тот вывод, что абстрактный труд, будучи общественным трудом, является также трудом, образующим стоимость. Представлять себе, что труд, образующий стоимость, получается в результате механического сложения двух признаков—общественного и абстрактного—мы никоим образом не можем, ибо и в натуральном, напр. социалистическом, хозяйстве труд будет обладать теми же двумя признаками (общественного труда и абстрактного труда в том смысле, в каком понимает этот термин А. Кон), и все-таки он не будет трудом, образующим стоимость.

Поэтому я высказываюсь за то, что под трудом абстрактным мы должны понимать труд, образующий стоимость. Труд абстрактный является и трудом общественным, вопреки мнению А. Кона. С другой стороны, из понятия абстрактного труда вытекает и необходимость количественной его характеристики, которая находит свое выражение в понятии общественно-необходимого труда. Поэтому я считаю излишним добавлять,— как то предлагает нам делать А. Мендельсон,— что абстрактный труд образует стоимость лишь при том условии, если к признаку абстрактного прибавляется признак общественно-необходимого. Признаки труда как общественного, абстрактного и общественно-необходимого представляют собою не изолированные признаки, которые путем механического их сложения превращаются в труд, образующий стоимость. Это не более, как различные стороны одного социального целого—труда, образующего стоимость.

Но не приводит ли предложенное мною определение абстрактного труда к порочному кругу? Никоим образом. По мнению А. Кона, я определяю стоимость абстрактным трудом, а абстрактный труд—стоимостью, т.-е. не отвечаю на вопрос, какое явление служит причиной и какое—следствием. Чтобы понять неправильность подобного упрека, надо прежде всего принять во внимание отличие структурного анализа от каузального. Первый вид анализа должен показать нам структуру данной системы явлений, второй вид анализа должен показать нам причинную связь явлений. Теория стоимости Маркса дает нам анализ того и другого рода. С одной стороны, при анализе стру-

ктуры товарного хозяйства Маркс предполагает различные элементы последнего, в их развитом виде, сосуществующими одновременно и взаимно друг друга обуславливающими. Поскольку речь идет об абстрактном труде и стоимости, как об общих и постоянных признаках, характеризующих товарное хозяйство, они оба предполагаются сосуществующими одновременно. С другой стороны, переходя к динамике явлений и исследованию причинных связей, определяющих возникновение и величину стоимости отдельных продуктов, Маркс дает ясную картину причинной связи явлений. Изменения величины стоимости продуктов зависят от изменения количества абстрактного труда, необходимого для их производства; а изменения количества абстрактного труда зависят от изменений в материально-техническом процессе производства, в частности, от развития производительности труда. Вся система стоимостей,—эта грандиозная система стихийной общественной бухгалтерии и общественного учета труда и продуктов труда,—приводится в движение силами, исходящими из материально-технического процесса производства.

В заключение разрешите мне еще раз вернуться к Марксу, чтобы произвести, так сказать, окончательную проверку правильности социологического или физиологического понимания абстрактного труда. В „Критике политической экономии“, в приложении к первой главе под названием „Историческое развитие анализа товара“, Маркс хочет показать нам, каким образом в результате полуторавекового развития политической экономии наметилось правильное понимание двойственного характера труда, как конкретного и абстрактного. Здесь мы вправе ждать от Маркса указаний, в чем именно заключался постепенный прогресс экономической мысли, поскольку речь идет о проблеме абстрактного труда: в понимании ли своеобразия физиологической природы этого труда, или формы его социальной организации? Ответ Маркса на этот вопрос не оставляет никаких сомнений.

Маркс начинает с разбора взглядов Петти и заканчивает этот разбор словами: „Пример (Петти) ярко показывает, что признание труда источником материального богатства никоим образом не исключает непонимания определенной общественной формы, в которой труд является источником меновой стоимости“ (Zur Kritik, 1907 г., стр. 35; курсив здесь и в дальнейших цитатах наш). Именно непонимание общественной формы труда равносильно в глазах Маркса непониманию природы абстрактного труда.

Далее Маркс переходит к разбору взглядов Буагильбера, заканчивая его следующей фразой: „Буагильбер доставляет нам доказательство того, что рабочее время может рассматриваться как мера величины стоимости товаров, хотя труд, овеществленный в меновой стоимости товаров и измеряемый временем, смешивается с непосредственной естественной деятельностью индивидов“ (стр. 37). Маркс хвалит Буагильбера за то, что он определяет „истинную стоимость“ (*la juste valeur*) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидов распределяется между отдельными отраслями промышленности (стр. 35); но он порицает его за то, что он „видит лишь материальное содержание богатства“, а „буржуазную форму труда“ рассматривает как нечто естественное (стр. 36). Выражаясь в терминах, употребленных мною в докладе, можно сказать, что Буагильбер односторонне рассматривал труд, образующий стоимость, как количественно распределенный труд, но игнорировал общественную форму этого труда.

Дальнейший шаг вперед сделал Франклин, у которого мы находим „первое сознательное, почти тривиально ясное сведение меновой стоимости к рабочему времени“ (стр. 37). Франклин понимал, что „стоимость сапог, минералов, пряжи, картин и т. д. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особенным качеством и потому измеряется лишь по своему количеству“ (стр. 38), иначе говоря, человеческим трудом вообще. С точки зрения А. Кона следовало бы сказать, что Франклин вполне правильно понял природу абстрактного труда: ведь приведенная характеристика немногим отличается от характеристики абстрактного труда, данной А. Коном. Маркс, однако, придерживается на этот счет другого мнения и вслед за приведенными словами делает в высшей степени характерное замечание, уже цитированное мною в докладе: „Но так как он (Франклин) не развивает понятие труда, содержащегося в меновой стоимости, как абстрактно всеобщего труда, как общественного труда, проистекающего из всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он не может понять деньги как непосредственную форму существования этого отчужденного труда“ (стр. 38—39). Выражаясь опять в терминах, употребленных мною в докладе, мы можем сказать, что Франклин рассматривал труд как равный или уравненный, но игнорировал специфическую форму обмена („отчуждения“), в которой социальное уравнивание труда происходит в товарном хозяйстве. И потому природа „абстрактно-всеобщего“ труда осталась ему неизвестно.

Тов. Дукор в прениях пытался исправить мой перевод приведенной фразы Маркса,—впрочем, сделавши осторожную оговорку, что он не вполне хорошо владеет немецким языком. Тов. Дукор пытается истолковать цитированную фразу Маркса в том смысле, что процесс „всестороннего отчуждения“ (обмена) является предпосылкой превращения труда в „общественный“ труд, но не служит предпосылкой превращения труда в „абстрактно-всеобщий“ труд. Не буду уже говорить о том, в какой мере такое толкование насилует прямой смысл фразы Маркса, которая приравнивает абстрактно-всеобщий труд общественному труду, проистекающему из всестороннего отчуждения индивидуального труда. Но толкование т. Дукора приводит к нелепому предположению, будто труд, независимо от процесса обмена, является абстрактным трудом, а благодаря процессу обмена приобретает характер общественного труда. Маркс же бесконечное число раз говорит о том, что характеристика труда, как абстрактного, и есть характеристика той специфической общественной природы, которою он обладает в товарном хозяйстве. Пример т. Дукора ярко показывает, к каким ухищрениям приходится прибегать для того, чтобы ослабить прямые высказывания Маркса в пользу социологического понимания абстрактного труда ¹⁾.

¹⁾ Другую попытку доказать неправильность моего перевода одной цитаты из Маркса делает А. Кон. Цитируя мою фразу: „Маркс не устал повторять, что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (Werthgegenständlichkeit) имеет „чисто общественный характер“ и не заключает в себе ни одного атома материи“ (Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 99), А. Кон указывает, что у Маркса говорится не о „материи“, а о „естественном веществе“. В подлиннике у Маркса говорится о *Naturstoff*—термин, который в переводе В. Базарова и И. Степанова (изд. 1923 г., стр. 14) передан словами „природное вещество“, а в переводе под ред. П. Струве—словом „материя“ (1906 г. стр. 11). Я в „Очерках“ придерживался правила не давать собственного перевода цитат из Маркса, а пользовался указанными двумя переводами. В данном случае я руководился последним переводом, так как в первом переводе термин Маркса „*Werthgegenständlichkeit*“ совершенно ложно переведен как „субстанция стоимости“ (субстанцией стоимости у Маркса является абстрактный труд, между тем как *Werthgegen-*

Оставляя в стороне Джемса Стюарта, к которому вернемся ниже, мы переходим к Адаму Смиту, который, по мнению Маркса, также не понял природы абстрактного труда: „Переход от реального труда к труду, определяющему меновую стоимость, т.е. буржуазному труду в его основной форме, он (Смит) хочет вывести из разделения труда. Но насколько верно, что частный обмен предполагает разделение труда, настолько же ложно, что разделение труда предполагает частный обмен. У перуанцев, например, труд был в высокой степени разделен, хотя не существовало никакого частного обмена, никакого обмена продуктов, как товаров“ (стр. 42—43). Смит думает, что раз существует система общественного разделения труда, то труд является общественным, а раз он есть труд общественный, значит, он образует стоимость. Маркс же напоминает Смиту, что только анализ общественного разделения труда, основанного на частном обмене, может выяснить нам двойственную природу труда. Абстрактный труд может быть понят лишь как „буржуазный труд“.

Итак, до сих пор экономисты односторонне подчеркивали в труде, образующем стоимость, лишь один из его моментов, игнорируя форму его социальной организации в товарном хозяйстве. Петти рассматривал труд как материально-технический, Буагильбер—как количественно распределенный, Франклин—как уравненный и, наконец, Смит—как общественный вообще. Значительный шаг вперед в понимании природы абстрактного труда мог быть сделан только тогда, когда была понята его специфическая социальная природа. И именно за это Маркс хвалит Стюарта. „Что отличает Стюарта от предшествовавших ему и следовавших за ним экономистов,—это резкое различие между специфическим общественным трудом, который выражается в меновой стоимости, и реальным трудом, который производит потребительные стоимости“. Первый он определяет как „труд, который через свое отчуждение (alienation) создает всеобщий эквивалент (universal equivalent)“. Этот труд „он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Это—буржуазная форма труда, в противоположность античной и средневековой формам труда“. Стюарт понимает, что „характер труда, определяющего меновую стоимость, есть специфически буржуазный характер“ (стр. 40—41).

Наброшенный Марксом исторический очерк воззрений на природу труда, образующего стоимость, не оставляет никаких сомнений насчет взглядов самого Маркса. Все старания Маркса направлены на то, чтобы показать, что мысль экономистов блуждала в потемках до тех пор, пока не была понята двойственная природа труда, который, с одной стороны, является „реальным трудом“, а с другой стороны—„буржуазным трудом“. Отличие „реального труда“ от „буржуазной формы

ständlichkeit—как я подробнее докажу в другом месте—означает у Маркса стоимость, т.е. „овеществленный“ труд, а не самый труд). В виду этого я отказался от перевода В. Базарова и И. Степанова, несмотря на то, что этот перевод больше, чем перевод П. Струве, подкрепляет мою позицию против сторонников физиологического понимания абстрактного труда. Действительно, если, как сказано в первом переводе, ни один атом вещества природы не входит в „субстанцию стоимости“ (т.е. в абстрактный труд), если „субстанция стоимости“ имеет „чисто общественный характер“, можно ли утверждать, что субстанцией стоимости является, как то утверждает А. Кон, физиологический труд? И после этого Кон имеет смелость в своем „Курсе политической экономии“ (стр. 52) повторить обвинение в том, что я вместо слова „природное вещество“ „подставляю“ слово „материя“. Поистине, Кон сам в данном случае выдал себе свидетельство на теоретическую бедность, свидетельство на незнакомство с подлинным текстом сочинений Маркса, с которым автору „Курса политической экономии“ не мешало бы познакомиться.

труда“ представляется Марксу наиболее ценным результатом полутора-вековых изысканий экономистов,—результатом, который был окончательно сформулирован и выяснен только в проведенном Марксом различии между конкретным и абстрактным трудом. Всякий, кто находит этот результат длительного развития экономической мысли слишком „сложным“ и хотел бы упростить его путем отождествления абстрактного труда с одним из его моментов,—на деле зовет нас назад, к тем ранним экономистам, односторонности и ошибки которых были преодолены Марксом.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
И. И. Рубин. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса.	3

Прения:

А. А. Богданов.	35
Г. И. Дукор.	42
А. Ф. Кон.	52
Б. С. Лившиц.	58
Г. М. Абезгауз.	62
Э. Я. Брегель.	72
А. С. Цаголов.	77
А. С. Мендельсон.	79
Заключительное слово И. И. Рубина.	84

Т Р У Д Ы

РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

I. ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ.

1. *Вихляев П. А.*, проф. — Дифференциация земледельческих предприятий в условиях мирового сельского хозяйства. Доклады и прения. Москва. 1926 г. Стр. 64. Цена 60 коп.
2. *Каценеленбаум Э. С.*, проф. — Некоторые проблемы теории кредита. К вопросу о сущности банковского депозита. Доклад и прения. 1926 г. Стр. 102. Цена 75 коп.
3. *Маслов П. П.*, проф. — Влияние естественных и социальных условий на производительность труда. Доклад и прения. Москва. 1926 г. Стр. 90 + 4 диаграммы. Цена 75 коп.
4. *Маслов П. П.*, проф. — Влияние расстояния на распределение производительных сил. Доклад и прения. Москва. 1926 г. Стр. 69 + 2 диаграммы. Цена 60 коп.
5. Влияние неурожая на народное хозяйство России. Под общей редакцией В. Г. Громана. Часть I. Москва. 1927 г. Стр. 301. Цена 2 руб. 75 коп.
6. Влияние неурожая на народное хозяйство России. Под общей редакцией В. Г. Громана. Часть II. Москва. 1927 г. Стр. 200. Цена 1 руб. 80 коп.
7. *Рубин И. И.* — Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. Доклад и прения. Москва. 1928 г. Стр. 94. Цена 1 руб.
8. *Кондратьев Н. Д.* и *Опарин Д. И.* — Большие циклы конъюнктуры. Москва. 1928 г. Стр. 288. Цена 2 руб. 50 коп.

II. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ.

9. *Преображенский П. Ф.*, проф. — Тертуллиан и Рим. Опыт по истории первого христианства и раннехристианской церкви. Москва. 1926 г. Стр. 204. Цена 2 руб. 50 к.
10. *Веселовский С. Б.*, проф. — К вопросу о происхождении вотчинного режима. Москва. 1926 г. Стр. 128. Цена 90 коп.
11. Сборник статей. Вып. I. — Памяти Александра Николаевича Савина. 1873—1923. Москва. 1926 г. Стр. 540. Цена 3 руб. 75 коп.
12. Ученые записки. Том II. Москва. 1927 г. Стр. 338. Цена 3 руб. 50 коп.

III. ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ.

13. Древний мир. Вып. I. Москва. 1924 г. Стр. 54.
14. Рисунки старых мастеров в Музее Изящных Искусств. Вып. I. Под редакцией проф. А. А. Сидорова. Москва. 1924 г. XII таблиц с текстом.
15. Некрасов А. И. — Забытая подмосковная. Москва. 1925 г. Стр. 48.
16. Брунов Н. И. Извлечение из отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск. Москва. 1926 г. Стр. 8.
17. Труды Отделения Искусствоведения. I. Москва. 1926 г. Стр. 98 + XII таблиц. Цена 1 руб. 60 коп.
18. Труды Отделения Археологии. I. Москва. 1926 г. Стр. 98 + X таблиц. Цена 1 руб. 60 коп.
19. Труды Социологической Секции. I. Москва. 1927 г. Стр. 149. Цена 1 руб. 80 коп.

IV. ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

20. Психология и марксизм. Сборн. статей сотр. Гос. Ин-та Эксп. Психологии под ред. К. Н. Корнилова. Госуд. Изд. Ленинград. 1925 г. 242 стр. Цена 1 руб. 80 коп.
21. Проблемы современной психологии. Сборн. статей сотрудн. Гос. Ин-та Эксп. Психологии под ред. К. Н. Корнилова. Гос. Изд. Ленинград. 1926 г. 252 стр. Цена 2 руб. 40 коп.
22. Беляев-Баширов Б. В. — Статистический метод в психологии и педологии. Москва. 1927 г. Стр. 74. Цена 1 руб.
23. Детская речь. Сборник статей под редакцией Н. А. Рыбникова. Москва. 1927. Стр. 165. Цена 1 р. 50 к.
24. Добрынин Н. Ф. — Колебания внимания. Москва. 1928 г. Стр. 104. Цена 2 руб.

V. ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ.

25. Ученые записки. Том I. Лингвистическая секция. Москва. 1927 г. Стр. 134. Цена 2 р. 60 к.

VI. ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ПРАВА.

26. Дурденевский В. Н., проф. — Равноправие языков в советском строе. Москва. 1927 г. Стр. 244. Цена 2 руб. 25 к.

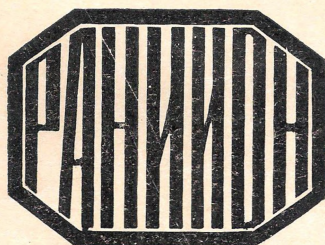
СКЛАД ИЗДАНИЙ

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

Москва, 19, Воздвиженка, 10.

Цена 1 р. 25 к.

р

СКЛАД ИЗДАНИЯ
Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИИ“
МОСКВА, 19, ВОЗДВИЖЕНКА, 10